

Готта Моль

Жнец. Возрождение

В самом начале был Хаос. Всеобъемлющий. Всё пожирающий на своем пути. Он разрушал всё, до чего мог дотянуться и раз за разом пожирал сам себя. Никто не знает, сколько длилось царство Хаоса, пока в самом его сердце не зародился Космос. Его брат, его порождение. Его полная противоположность. И его вторая суть. Космос стал расти, оттесняя Хаос, порабощая его, превращая его в своё подобие. И началась борьба между братьями. Каждый был силен. И ни один не мог победить другого, ибо каждый был продолжением другого. Как порядка не может быть без сора, так и Космос невозможен без Хаоса. Тысячи лет шла эта борьба, пока не разделился мир на две части. А на границе раздела проросло Белое Дерево. Думал ли о чем-то подобном обычный московский школьник Денис Васнецов, отправляясь в гости на летние каникулы? Вряд ли. Как и не думал о том, что ему предстоит переезд в новый город на неопределённый срок, встреча с неизведанной потусторонней тварью, ритуал перекройки памяти и совершенно новая жизнь.

Глава 1. Веселый библиотекарь

Он снова был здесь.

Пульсирующий полумрак обволакивал мир, касался кожи и заползал в глаза. Густая, непроницаемая тишина давила на уши. Она была тревожной и напряженной. Ни ветер, ни зверь, ни птица — никто и ничто не решалось потревожить покой этого места. Только человек зачем-то пришел сюда. В который раз за последнее время он возвращался в это странное место.

Вокруг клубился зеленоватый туман. Он цеплялся за ноги, растекался по ботинкам и надежно скрывал под собой землю. Только по приглушенным звукам шагов можно было догадаться, что под ногами мягкий влажный мох.

Шаги стихли. Туман расступился, открывая тропу. Несколько мгновений человек всматривался в туман, а после снова пошел вперед. Окружающий мир напряженно наблюдал за незванным гостем. Кто он? Зачем пришел? Вопросы витали в воздухе и отражались в голове человека. Ответов на них он не знал.

Белое Дерево, как всегда, появилось внезапно. Вынырнуло из тумана бледным исполином. Вековая кора, потрескавшаяся от старости и усталости, также как и весь мир вокруг отсвечивала слабой зеленью. Раскидистые ветви уходили высоко вверх, теряясь в затуманенных небесах.

— Опять ты, — скрипучий голос раздался откуда-то сверху.

Человек вздрогнул. Казалось, что само дерево заговорило с ним. Но он знал, что это не так. Огромный, под стать дереву, седой ворон вальяжно расселся на одной из толстых веток. Желтые глаза лукаво посматривали на непрошеного гостя. Ворон раздумывал, стоит ли дальше разговаривать с этим человеком. Он уже не в первый раз приходил к Белому Дереву за ответом. Но так и не решался задать главный вопрос. А, может быть, не знал, что его надо задавать.

Ворон каркнул, посмеиваясь над гостем. Уж ему-то было известно многое из минувшего. И еще больше из грядущего.

Человек тем временем огляделся. Вдохнул. Протянул руку и прикоснулся к стволу. Белое Дерево отозвалось на человеческое тепло тихим гулом и едва заметной вибрацией. Человек даже не почувствовал. А ворон прищурился. Давненько у Древа не было посетителей. Глядишь, действительно заговорит само.

— Кто же ты, пришелец неведомый? — каркнул ворон и слетел на одну ветку ниже.

— Денис, — пожал плечами парень и уселся под деревом.

— Э, нет. Это там, у себя ты Денис. А тут нет. Так кто же ты? — ворон взмахнул крыльями, отчего туман поблизости рассеялся. Тонкий луч света пробился к дереву. Денис присмотрелся. Прислушался. Тихий, едва уловимый скрип раздавался там, откуда вырвался луч.

Денис повернулся, чтобы спросить у своего странного собеседника, что это за скрип.

— Подъем! Великие дела ждут! — голос Риты раздался прямо над ухом, вырывая Дениса из цепких объятий сна.

— Рита, ну каникулы же еще, — недовольно пробормотал парень, зарываясь лицом в подушку. Зеленоватый туман рассеивался перед глазами вместе с остатками сна.

— Ну и что? До школы три дня осталось. Пора привыкать вставать утром! — Рита отличалась удивительной способностью проявлять настойчивость там, где это вовсе не требовалось. По мнению Дениса, конечно же.

Он тяжело вздохнул и перевернулся на спину, приоткрыв один глаз.

— Ну и что мне делать целый день? Вещи ты меня вчера заставила разбирать до самой ночи, теперь выспаться не даешь!

— Сходи на улицу. С друзьями погуляй!

Рита обвела комнату суровым взглядом, пытаясь найти признаки беспорядка и, видимо, осталась довольна увиденным.

— У меня нет друзей, ты забыла? Я позавчера сюда переехал. Я буду спать! — Денис отвернулся к стене, давая понять, что никуда выходить он не собирается. — И за что меня сюда сослали, — донеслось из-под одеяла, куда парень залез в надежде спрятаться от беспощадно наступающего утра.

Рита вздохнула, покачала головой и, не сказав больше ни слова, вышла из комнаты. Денис был прав — здесь у него действительно не было друзей. Но женщина всей душой верила в то, что это поправимо.

— Я на работу. Сходишь в магазин, как проснешься. Список на холодильнике, деньги на тумбочке.

Входная дверь хлопнула и Денис, подождав для верности еще несколько минут, нехотя выбрался из-под одеяла.

— Ушла, — сказал парень в пустоту и потянулся. Сон окончательно сбежал, и смысла валяться в кровати больше не было.

Резво соскочив на пол, Денис приступил к ежеутреннему ритуалу — отжимания, пресс, наклоны, приседания.

— Гантели, — дыхание после непрерывных упражнений стало тяжелым и прерывистым. — Я же их под кровать вчера положил.

Но под кроватью было пусто. Денис нахмурился. Не мог же он положить куда-то две тяжеленные гантели и попросту забыть, где их оставил? Еще раз осмотрев спальню, Денис приступил к поискам по всей квартире. Кухня, гостиная, даже ванная — всё было также как и вечером. Разрозненные коробки с вещами — сувениры от родителей, которые Рита никак не разложит по местам. Кое-где свалывшаяся пыль.

— Что за ерунда? — обратился парень в пустоту, когда стало ясно, что гантели попросту исчезли. Словно в ответ на его вопрос в спальне раздался грохот и что-то, ну очень похожее на топот убегающих ног. Денис напрягся и прислушался. Схватил так удачно попавшуюся под руку швабру и, крадучись, направился к своей спальне.

— Кто здесь? — держа швабру перед собой, парень осторожно заглянул в комнату.

Робкие лучи, пробивающиеся через плотные шторы, высвечивали летающие в воздухе пылинки. Не заправленная кровать и сброшенная на пол подушка манили вновь погрузиться в пленительное царство Морфея. Гора дивиди дисков на столе обещала увлекательное путешествие в мир кинематографа. И только одиноко выглядывающая из-под свесившегося на пол одеяла гантеля напоминала о незаконченной зарядке.

— Ничего не понимаю, — Денис провел рукой по лицу, словно смахивая невидимую паутину, и отставил ненужную швабру в сторону. — Я же всё под кроватью просмотрел.

Не найдя лучшего объяснения, чем "не заметил", Денис выбросил странные мысли из головы и поспешил закончить зарядку. Впереди его ждал целый список поручений, которыми добрая тетя решила разнообразить обычный августовский день.

Наспех позавтракав, парень кое-как помыл за собой посуду и засобиравшись на улицу. Сидеть в душной маленькой квартирке не хотелось. Деньги и заветный список с холодильника скрылись в недрах потертого рюкзака. Стоптаные кроссовки верно ждали хозяина у порога.

— Утюг не включал, свет выключил, дверь сейчас закрою, — странная привычка вести подобные разговоры со своим внутренним голосом не оставляла парня ни на минуту. Одни называли его сумасшедшим, другие забавлялись такой особенностью. Сам же Денис давно перестал обращать на это внимание — привычка есть привычка. Жить она ему не мешала, потому и избавляться от нее парень не видел смысла.

Замыкая дверь, Денису показалось, что он вновь слышит топот ног в квартире. Не помня о том, что "возвращаться плохая примета", парень списал странные звуки на неугомонных соседей. Закинув поудобнее рюкзак на плечи, он развернулся и резво сбежал по ступеням, выскакивая в объятия утра.

Утренний город встретил его переменной облачностью, гулом проезжающих машин и толпой спешивших на работу людей. По сравнению со столицей, из которой его так поспешно переселили, народу здесь было меньше. Но не намного. Денису то и дело приходилось уступать дорогу торопящимся по важным делам тетенькам и дяденькам. Идти сразу же в магазин не хотелось. Поэтому, свернув в противоположную от продуктового сторону, Денис принялся бесцельно бродить по городским улицам и переулкам, изучая местность. Спальные районы, выстроенные один за другим, не поражали ни изысканностью, ни новизной архитектурной мысли. Стандартные многоэтажки служили убежищем сотням людей, но были все на одно лицо. Светло-серые стены где-то были чуть облезшими, где-то повстречались с жадной подростковой аэрографической творчеством, но в целом выглядели одинаково уставшими и безрадостными.

"Что за бред", — про себя подумал Денис. "Безрадостные и уставшие стены, это ж надо".

Парень сам не заметил, как добрал до библиотеки. Неприметное здание, чудом втиснутое между двумя сталинками, на удивление было открыто, несмотря на заверения таблички "Понедельник выходной".

В любой другой день перспектива провести несколько часов в унылом читальном зале явно не привлекла бы юношу. Но в любой другой день у него за окном находилась привычная столица и пара знакомых, готовых в любой момент сорваться из дому на поиски приключений. Сейчас же Денис был лишен и первого и второго, а потому решительно взлетел по облупленным ступенькам крыльца и вошел в призывно распахнутые двери.

Полумрак вестибюля заставил парня несколько раз моргнуть, давая возможность глазам привыкнуть к перемене освещения. Осторожные шаги гулким эхом отражались от стен и потолка, улетаая куда-то в недра библиотеки. Окна, украшенные затейливыми цветными витражами, пропускали не слишком много света, да и тот цветные стекляшки окрашивали в неестественные цвета. Со стороны улицы этих витражей не было видно. Видимо, окна выходили во внутренний дворик.

Полумрак был густым и тяжелым и, казалось, облеплял со всех сторон. Даже дышать стало как-то труднее, хотя до полуденной жары было еще далеко. В пробивающихся лучах

отчетливо виднелись медленно скользящие по воздуху пылинки. Было в их движении что-то ленивое. Со стен на парня сурово взирали Великие Русские Писатели. Во взгляде их явно читался укор за редкие визиты Дениса в храм Литературы и Слова. Денис поежился. Отчего-то сейчас идея посетить библиотеку не казалась такой уж великолепной. Резко развернувшись, он собрался было уйти, но внезапно в дальнем зале раздался треск и грохот, который тут же сменился испуганным вскриком. Подскочив от неожиданности, Денис несколько мгновений размышлял, чего в нем больше, благородства или рационализма — соваться в одиночку в незнакомое помещение было глупо. Но, в конце концов, благородные порывы взяли верх — парень сорвался с места и кинулся к источнику шума. Как оказалось, причиной переполоха стал свалившийся книжный шкаф невероятных размеров.

— Эй, есть тут кто живой? — перешагивая через груды потрепанных пыльных томов и переломанных полок, позвал Денис.

— Есть, — сквозь кашель послышался охрипший голос. В облаке пыли проступили человеческие очертания, а уже в следующий миг перед Денисом предстал невысокий старичок с проплешиной на макушке и торчащими в разные стороны усами.

— Ой не зря я собирался сжечь этот шкаф, ой не зря, — откашлявшись запричитал старик. Толстый слой пыли осел на его одежде, усах и левой щеке. На ухе повисла паутина. Денис с удивлением рассматривал незнакомца, пока тот тщетно пытался отряхнуться и привести себя в достойный вид.

— Фух, вот тебе и навел порядок, — старик печальным взглядом обвел помещение, больше походившее на хранилище ненужного хлама. — Век теперь тут сидеть, всё в порядок приводить.

Охая и причитая, старик принялся поднимать разбросанные книги. И тут же опускать их на место. Растерянность и шок не позволяли устройтею погрома взять себя в руки и приступить к нормальной уборке помещения. Отчего-то Денису стало очень жаль старика. Он сам не понял, как у него вырвалось:

— Я вам помогу.

Это был не вопрос и не просьба, а утверждение, полное уверенности в том, что его никто не оспорит.

Старичок с интересом уставился на своего "спасителя", словно только сейчас заметил его по-настоящему.

— Ишь ты, помощник нашелся, — в глазах старца засветился лукавый огонек. — А не сбежишь, не испугаешься работы? Ты гляди, сколько тут перебирать всего. Да не перебрать.

Он обвел руками разрушенные полки с кучей перемешанных между собой книг.

Денис в ответ лишь пожал плечами, осматривая масштабы локальной катастрофы. Видя, что они не испугали мальчишку, старик продолжил:

— Как звать-то, помощник?

— Денис, — просто ответил парень, протягивая правую руку.

— Ишь ты, Денис, — снова усмехнулся старик, всё также пристально разглядывая внезапно посетителя. — А как же ты оказался тут, Денис?

— Гулял, — простой ответ повис в воздухе. Библиотекарь выжидательно поглядел на Дениса, но тот продолжал стоять молча, явно не собираясь ничего объяснять.

— Гулял, говоришь. Ну хорошо, раз гулял.

Старик перешагнул через обломки одной из полок и оказался напротив мальчишки. Оказалось, что он чуть ли не на голову ниже своего случайного "спасителя".

— А я Елизар Филантьевич. Очень приятно, будем знакомы, — с легким поклоном старик пожал протянутую руку.

— Будем, — поспешил согласиться парень.

Несмотря на кажущуюся старость и немощность, рукопожатие оказалось довольно крепким. Денис не смог скрыть удивленного взгляда, чем вызвал очередную ехидную усмешку собеседника.

— Ну помогай, раз вызвался! На болтовню пустую времени нет. Потом расскажешь, откуда приехал в наши теплые края.

Елизар Филантьевич резво развернулся и принялся за уборку, насвистывая себе под нос незатейливый мотив. От былой растерянности не осталось и следа. Денис удивленно посмотрел ему вслед, но отчего-то не решился кинуться с расспросами. Под взглядом необычайно ярких синих глаз он внезапно почувствовал себя неуёмным ребенком, которого ругать не ругают, но проблем он доставляет немало. Такое с ним случалось чуть ли не впервые, и Денис знатно растерялся. Не говоря ни слова, он принялся с настырностью носорога извлекать книги из общей кучи, попутно рассортировывая их на целые и требующие ремонта.

Методично раскладывая книги, Денис потерял счет времени. Солнце за мутными запыленными окнами вошло в зенит, наполняя комнату той самой знаменитой царицынской жарой. Полумрак, смешавшись с горячим воздухом, сгустился еще сильнее. Денис чувствовал, как по спине стекают ручейки пота, но по-прежнему не собирался ни жаловаться, ни приставать к старику с расспросами. В какой-то момент он даже начал получать удовольствие от происходящего, наблюдая за тем, как от его работы горы книг, казавшиеся до этого неприступными, начинают медленно таять. Приободренный внезапным открытием, парень шагнул к очередному завалу уже с более благодушным настроением.

— Перерыв, — веселый голос прямо над ухом заставил Дениса подпрыгнуть от неожиданности.

— Е-елизар Филантьевич, — выдохнул парень. — Нельзя же так пугать.

— А ты не расслабляйся! Всегда настороже надо быть! Чтобы тебя врасплох не застали, да не подловили, — старик погрозил пальцем и отложил стопку книг в сторону,

— Так мы же не на войне. Кого мне тут опасаться? Не вас же, в самом деле, — усмехнулся парень, вслед за стариком откладывая книги.

Тот ничего не ответил, но Денису показалось, что глаза Елизара блеснули как-то не очень дружелюбно. Впрочем, солнечные зайчики, пробивающиеся сквозь листву растущего у окна каштана, могли вызвать точно такой же эффект.

— Чай пойдем пить, — усмехнулся старик и взмахом руки поманил парня за собой.

— Пойдем, — Денис обрадовался внезапному перерыву. Несмотря на молодость и энергичность, монотонный труд в душном помещении выматывал.

Осторожно ступая по свободным от книг островкам пола, Денис старался рассмотреть комнату — эпицентр событий. Судя по всему это было книгохранилище. Но довольно старое и требующее основательного ремонта. Один из углов на потолке заметно потемнел — скорее всего протекала крыша. Обои в некоторых местах отслоились и вздыбились здоровенными пузырями. В противоположном углу по старым обоям затейливым сплетением свисала паутина. Денису показалось, что он даже смог разглядеть паука. Но в следующее мгновение правая нога наткнулась на что-то очень твердое и объемное. Об этом подсказала волна боли, прокатившейся по конечности.

— Ай, — воскликнул парень и отшатнулся в сторону.

Елизар Филантьевич обернулся, с интересом глядя на своего спутника. Но помогать особо не спешил.

— Что за ерунда? — возмущение и обида смешались в груди, силясь найти виновника дискомфорта. Привыкший к полумраку взгляд сфокусировался на увесистом потертом томе.

— История Царицына. Мифы и Легенды, — подняв книгу, прочитал парень вытертое название на обтрепанной обложке.

Елизар пробормотал что-то похожее на "Ну надо же" и подошел поближе.

— Не мы выбираем книги, но книги нас, — нравоучительность в голосе старика не очень понравилась Денису, но он вежливо промолчал в ответ, продолжая рассматривать книгу.

— Возьми домой, считаешь на досуге.

— Да я как-то не очень по мифам, — замялся парень, не зная, как вежливее сказать, что читать он в принципе не любит. — Было б тут про футбол...

— Бери, говорю! Потом спасибо скажешь!

Денис нахмурился, поспешно затолкнул книгу себе подмышку и пошел дальше. Рюкзак он благополучно забыл в разрушенном зале.

Как оказалось, в библиотеке было не единственное книгохранилище. Черета смежных залов сменяла друг друга. При этом каждый следующий был намного мрачнее предыдущего.

— Как будто в подzemелье спускаемся, — пробормотал Денис, наблюдая за темнеющими от сырости стенами.

— А мы и спускаемся, — хохотнул старик.

"Скоро факелы на стенах появятся", — про себя подумал Денис, хмуро оглядывая окружающую обстановку.

— Нет, до факелов идти далеко, а нам в кабинет, — не оборачиваясь, ответил Елизар.

— Что? Как вы? — запнулся Денис. Он точно знал, что вслух мысль свою не озвучивал.

— Да все о факелах думают, видя наше бедственное состояние, взывающее о ремонте с каждого угла. Не ты первый.

Это заявление немного успокоило Дениса. После своих странных снов он вообще был какой-то нервный и дерганый.

— Ну, вот и пришли, — Елизар Филантьевич приветливо распахнул двери своего кабинета. Денис с опаской заглянул внутрь.

— Дракон вылетит, — гаркнул над ухом старик, отчего Денис снова подпрыгнул на добрые полметра.

— Шучу. Проходи, присаживайся, я чайник поставлю, — похлопав парня по плечу, спутник удалился, ехидно посмеиваясь.

— Вот попал, а, — Денис с раздражением водрузил тяжелый том мифов на стол, и устало опустил на стоящую рядом скамью.

Хлопнула дверь, послышался звук бегущей воды — Елизар Филантьевич всерьез занялся приготовлением чая. Денис вскользь оглядел кабинет и сконцентрировался на потертом томе.

Темно-серая обложка будто бы впитала в себя вековой слой пыли. Буквы, некогда блестящие, вытерлись, оставив лишь блеклый контур. Открыв книгу на первой странице, Денис равнодушно прочитал название первого мифа "Сотворение мира" и отвернулся. Наверняка там было что-то про бездонный космос, в котором зародился океан, давший

потом начало небу и земле. В детстве Денис недолго увлекался мифологией. Этого "недолго" хватило для того, чтобы понять — все мифы одинаковы. Отличаются только имена героев и место действия.

Снова хлопнула дверь. Резкий порыв ветра взъерошил темные волосы парня и резво перелистнул несколько десятков страниц.

— Пряжи судьбы, — усмехнулся Денис, разглядывая выцветшие строки заголовка на пожелтевших от времени страницах. Предложения были длинные, написанные древним былинным языком. Ровные строчки сплетались в единый узор текста, несущего в себе знание. Денис моргнул, поражаясь подобным сравнениям — и откуда они взялись у него в голове? Внимание парня привлекла буквица. Старая прялка с перепутанной куделью и небольшое веретено, с которого спускались десятки нитей, разбегающихся в разные стороны. Денис сам не заметил, как потянулся к буквице, чтобы потрогать. Шершавая поверхность страницы коснулась указательного пальца. Парень почувствовал неровность бумаги, ощутил прохладу дерева и мягкость бегущих с веретена нитей. Мир качнулся и отошел куда-то на задворки сознания.

Тихий скрип прялки разносился по комнате. Шуршание пряжи смешивалось с размеренным стрекотом сверчков, доносящимся из распахнутого окна. Старые половицы поскрипывали в такт прялке, стоило только сделать шаг. Воздух, прогретый за день предосенним солнцем, потрескивал в полумраке спальни. Догорающая свеча шипела и плевалась черным дымом — что-то ей не нравилось в этой летней ночи. Что-то было не так.

Денис осмотрелся. Он уже знал, что это дальняя спальня в резном тереме. Откуда это было ему известно, парень не задумывался. Повернувшись к выходу, он встретился взглядом с двумя горящими огоньками. Зеленый блеск из-под лавки заставил парня нахмуриться, но не испугаться. Большой черный кот зевнул, подмигнул незваному гостю и словно бы усмехнулся, после чего свернулся под лавкой клубком и закрыл глаза. Огоньки погасли. Денис вновь повернулся к прялке. Веретено не останавливалось ни на минуту — вращаясь то быстрее, то медленнее, оно словно бы плясало посреди этой странной комнаты. Казалось, что от него исходит свет тысячи бледных лучей. Лишь приглядевшись можно было понять, что всё это тонкие, почти незримые нити. Какие-то шли совсем рядом, практически сливаясь в одну. Другие же расходились так далеко, что ни при каких обстоятельствах не пересеклись бы. Только если их не пересечь специально — пронеслось в голове у парня.

Не до конца понимая, что делает, Денис шагнул к резной прялке. Темное дерево было исчерчено многочисленными рунами, которые сплетались в странную вязь. От движений веретена казалось, что воздух вокруг прялки теплее и суше. Облизав внезапно пересохшие губы, Денис потянулся к одной из светящихся нитей — она отличалась своей особенной яркостью. Воздух вокруг задрожал. Веретено закрутилось быстрее, отпуская эту нить всё дальше и дальше. Еще немного и пальцы пройдут сквозь бледный луч.

— Не стоит, — тихий уставший голос раздался откуда-то сбоку. — Еще не время.

Денис обернулся. Темный силуэт был едва различим в темноте угла.

— Кто здесь? — испуганно прошептал парень.

— Не это важно.

Денис оглянулся. Станный голос исходил отовсюду. Тени в углу пришли в движение, наползая на пол и бревенчатые стены. Сверчки за окном смолкли, и мир вокруг мгновенно погрузился в непроницаемую Тишину. Таковую, что ни один ветер, ни один шорох не посмел

бы нарушить.

— Важно, кто ты?

Денис обернулся. Теперь казалось, что голос раздается у него за спиной. Старая прялка светилась таким же сиянием, что и тысячи невесомых нитей.

— Я? Я Денис. Ну, парень, — сбивчивые ответы падали в Тишину как капли воска с догорающей свечи.

— Важно, кто ты?

— Кто ты?

— Кто же ты?

Тени плясали на стенах, повторяя один и тот же вопрос.

— Кто ты?

— Кто ты?

Мир снова качнулся, и Денис дернулся, открывая глаза. Вокруг всё также царил полумрак. Но теперь это был полумрак его родного мира. Знакомый и почти приятный.

— А вот и наш чай, — в дверях появился Елизар Филантьевич. В полумраке комнаты глаза его светились жуткой потусторонней зеленью.

Взглянув на старика, Денис отшатнулся, чуть не перевернувшись на стуле. Резко подскочил, пробормотал что-то наподобие прощания и кинулся прочь из комнаты. Не зря ему с самого начала не нравилось это место. Странное оно было. И книга странная. И город тоже странный. За какие только грехи его сослали сюда родители? Все эти мысли роились в голове парня, пока он выбирался в буквальном смысле на поверхность. С трудом найдя свой рюкзак среди разбросанных книг, Денис, спотыкаясь, побежал к выходу из здания. Он ожидал, что на пути ему придется преодолеть множество преград — буйная фантазия вырисовывала картины нескончаемых зеркальных коридоров и полчищ нежити, встающих на пути. Но всё оказалось весьма прозаично — выход был на своем обычном месте. И даже табличка с соответствующей надписью призывно светилась обычным зеленым светом. Без потусторонних отсветов. Оглянувшись напоследок, парень выскочил на ступени крыльца навстречу жаркому вечеру.

Глава 2. Ключ от всех дверей

Вечерний Царицын гудел, словно растревоженный улей. Люди спешили во все стороны почти как утром. Но теперь в этой спешке чувствовалось облегчение от окончания рабочего дня и предвкушение — вечер в кругу семьи или возле телевизора, вкусный ужин и чашка теплого молока перед сном, соскучившийся кот и домашние тапочки. Радости в воздухе, по сравнению с утром, заметно прибавилось.

Денис петлял среди толпы, стараясь вспомнить, с какой стороны он пришел. Переплетение улиц напоминало ему знаменитые лестницы в школе волшебства, которые меняли свое направление, когда им заблагорассудится. Судя по всему, Царицынские улицы обладали такой же магией. Денис точно помнил, что данный поворот вел к светофору утром. А сейчас всё было как-то совсем наоборот. Да еще и время в этом городе текло по каким-то своим законам. По его подсчетам должен был быть полдень. Но стрелка наручных часов неумолимо приближалась к пяти. Видимо, он совсем потерял счет времени. Скоро Рита вернется с работы, застанет дома пустой холодильник и не выполненные поручения и непременно устроит разнос.

Ускоряясь на ходу, парень на какое-то время отключился от произошедших с ним событий. На первый план вышла одна единственная проблема — по всем признакам выходило, что он заблудился. Точнее он помнил, что шел этой дорогой, но сейчас она почему-то не вела к своему дому. Пройдя несколько сотен метров, Денис с удивлением обнаружил открывшийся перед взором пустырь. Высотки закончились, асфальт оборвался и даже городской гул остался где-то позади. В свете заходящего солнца на Дениса пустыми проемами оконных глазниц глядел заброшенный склад. Крыша в некоторых местах зияла приличными дырами, отдельные кирпичи в кладке покинули привычные места. И в завершении картину "Заброшенность" дополняли русские народные надписи на стенах. Насколько Денис помнил, этого места он совсем не помнил. И даже не знал о его существовании до сегодняшнего дня. Парень хотел было повернуть назад, чтобы вновь добраться до злополучной библиотеки и попытаться найти новый путь до дома. Но тут из-за здания послышались голоса. В душе снова началась борьба противоположностей — идти по-хорошему домой или попробовать узнать дорогу у тех, кто за зданием.

— Слушайте, пошлите уже отсюда, а, — женский голос был явно недоволен происходящим.

— погоди! Сейчас точно получится, — а это был уже парень.

Любопытство взяло верх и Денис медленно, стараясь не наступить на стекло или сухую ветку, пошел к зданию склада. Голоса оживленно спорили о каком-то важном деле. Девушка убеждала, что ничего хорошего не выйдет, а если их засекут, головы открутят всем.

"Вечно эти девчонки боятся всего на свете", — подумалось Денису. Парни же, а их, судя по голосам, было несколько, уговаривали подругу подождать еще немного, чтобы что-то непременно получилось.

Денис прижался к стене и осторожно заглянул внутрь через разбитое окно. Группа подростков в центре заброшенного помещения смотрелась довольно странно. Невысокая русоволосая девушка стояла к нему спиной, и Денис не мог разглядеть выражения её лица, но почему-то был уверен, что оно недовольное. Двое парней с сосредоточенными лицами вглядывались в какой-то предмет на полу. От него исходило слабое зеленоватое свечение.

Сердце кольнуло — он его уже видел. Воздух вокруг подростков вибрировал и сгущался, по полу тугими кольцами закручивался пока еще бледно серый туман.

Денис во все глаза наблюдал за странными манипуляциями. Что-то ему подсказывало, что девушка права и ни к чему хорошему они не приведут. Никогда подобные сборища не заканчиваются приятным чаепитием.

На полу тем временем произошли заметные изменения. Зеленый свет стал ярче, тумана стало больше, недовольство девушки достигло своего предела.

— Ну хватит, я вам говорю! Это уже не смешно!

— Ёлька, брось, всё же получается! — крайний справа парень с восторгом наблюдал за клубящимся туманом.

— Вот именно! Не хватало нам в Навь тропу открыть. Мы тут все тогда навеки вечные останемся, — было видно, что она не на шутку переживает.

— Мы только приоткроем, честно. И сразу же захлопнем, — заверил её второй парень. Заметно крупнее первого. Денису показалось, что на плече он увидел черный след татуировки. Но в полумраке склада разглядеть что-то было сложно.

— Ага. А какой-нибудь лешак тебе всего лишь приоткусит руку. Или голову. И сразу же отпустит тебя, тоже честно, — съязвила девушка. — Вот будет забавно...

Договорить она не успела. Вспышка зеленого света ослепила собравшихся. Белесый туман ключьями разлетелся в разные стороны. Там, куда еще недавно так внимательно вглядывались подростки, за клубилась Тьма. Изначальная, беспросветная, жуткая. И холодная. Дыхание потустороннего мира вырвалось из-под земли и медленно растекалось по потрескавшемуся полу заброшенного склада, оставляя на нем заиндевелый след.

— Что это? — прошептал тот парень, что был поменьше ростом.

— Тропа открылась, — заворуженно глядя на завитки Тьмы, ответила Ёлька. — Теперь нам конец.

Тьма пришла в движение. Из завихрений черного дыма поднялась дрожащая тень, которая с каждой секундой принимала телесные очертания. Раскатистое рычание пронеслось по залу. Тень поднялась во весь рост, и перед глазами Дениса оказалось существо явно неземного происхождения. Черная шерсть отливала зеленью, по спине свалывшимися ключьями свисало подобие гривы. Со спины существо было очень похоже на волка, вставшего на задние лапы. Только шипастый хвост был явно не волчьим. Да и верхние конечности скорее походили на клешни, если это можно было так назвать. Впрочем, на детальный осмотр у Дениса времени не было.

— Это норлах, — услышал он сдавленный голос девушки. — Ратор, нас из-за тебя сейчас сожрут!

Ответом ей послужило грозное рычание. Норлах принялся к окружающему миру. Всё ему было тут в диковинку — мерзкое тепло жизни, запахи города, человеческая речь. Он хотел назад. Но голод не давал ему такой возможности. Сначала надо окрепнуть и набраться сил для обратного путешествия. А ближайшая еда расположилась как раз в пределах видимости.

Существо зарычало и медленно двинулось вперед. Неокрепшие конечности пока еще плохо слушались. Но это скоро пройдет — стоит только ему вкусить человеческой крови.

— А вот теперь пора уходить, — пробормотал тот самый Ратор, который так сильно хотел открыть тропу.

Не сговариваясь, трое подростков подскочили и кинулись к двери. Денис успел

подумать, что это не самая хорошая тактика. Норлах тут же кинулся следом, вырастая из-под земли прямо перед подростками. Закричав, они отшатнулись к окну, но существо снова проделало тот же трюк.

— Врассыпную надо, — крикнул из-за окна Денис, привлекая к себе внимание зверя.

Дважды повторять подросткам не пришлось, они мгновенно разбежались по разным углам зала. Норлах остановился, выбирая — кого же ему съесть первым. А когда понял, что за всеми не угнаться взревел и кинулся к окну прямо на Дениса.

"Попал", — пронеслось в голове у парня.

Припав к земле, он почувствовал, как черное тело пролетело над его головой сквозь разбитое окно и приземлилось за спиной. Теперь он был зажат между стеной и чудищем.

— Помогите, — успел выкрикнуть парень.

Норлах кинулся вперед. Шипастая клешня щелкнула над правым ухом. Денис скользнул вниз и в невероятном трюке откатился в сторону. Норлах врезался в стену, отчего из кладки посыпалась штукатурка, и взвыл. Потрясенный неудачей зверь замер, потряхивая головой. Денис увидел его морду. Волчьи уши и птичья голова смотрелись довольно странно, но от этого не менее пугающе. Но самый страх наводили глаза — безжизненные, пустые. В них сверкала магическая зелень и единственное желание — убивать всё, что движется в этом мире.

— Кевар, беги за охотниками, — Ёлька подтолкнула младшего из их компании к выходу, пользуясь внезапной передышкой. Кто-то, кто бы он ни был, очень вовремя отвлек порождение тьмы.

Кевар кивнул и, не теряя времени, ловко выскочил за дверь.

У Дениса тем временем дела становились всё хуже и хуже. Норлах сообразил, что кидаться сразу в бой опрометчиво и начал медленно подбираться к своей жертве. Рыча и капая слюной на землю, отчего трава съеживалась и чернела. Денис также медленно отползал назад, пока вновь не уперся в стену. Норлах довольно заурчал, чувствуя скорую победу над жертвой.

— Иди сюда, тварь! — со стороны окна вылетел увесистый кирпич с куском штукатурки и приземлился существу на спину. Зверь мгновенно вскочил, развернулся и бросился в сторону нападающей девушки.

— Теперь твоя очередь, — успела крикнуть Ёлька незнакомцу за окном, надеясь, что он поймет, что от него требуется. Подождав, пока тварь скроется в оконном проеме, Денис подобрал тот самый кирпич и еще парочку камней поменьше и подскочил к окну. Подростков осталось уже двое, но они умело гоняли существо между собой, закидывая его камнями с разных сторон.

— Эй, я здесь! — Денис размахнулся и бросил кирпич, угодив твари прямо в голову.

На смену страху пришел боевой азарт. Чувство опасности притупилось, давая волю древним охотничьим инстинктам. Зверь метался между тремя нападающими не в состоянии решить, кто же из них представляет наибольшую опасность. Наконец, ему эта игра надоела, и он кинулся на того, кого изначально решил съесть первым. Денис не успел разглядеть, лишь почувствовал, как что-то большое и тяжелое сбilo его с ног, протащило по земле на добрый десяток метров и отбросило в сторону. Сиплое дыхание за спиной подсказало, что время игр закончилось. Обернувшись, Денис приподнялся и столкнулся с ослепительным блеском зеленых глаз норлаха. Взревев, существо взмахнуло шипастым хвостом, сбивая Дениса на землю. Норлах раскрыл клюв, обнажив два ряда мелких острых зубов и

раздвоенный змеиный язык. Издав победный клич, он кинулся вперед, норовя вцепиться Денису в горло. Что происходило дальше, парень помнил с трудом. Привычным движением мир качнулся, переворачиваясь на другую сторону реальности. Всё вокруг заволочло уже знакомым серым туманом.

— Кто ты?

— Кто ты?

— Кто же ты? — знакомый шепот трав заглушил клекот норлаха.

В глубине души проскочила искра протеста, которая стремительно разгоралась в сильнейший пожар — он не хотел умирать здесь и сейчас. Кинувшись вперед, Денис первый вцепился твари в шею, стараясь задушить его голыми руками. Норлах, явно не ожидавший сопротивления, отскочил назад. Новый удар хвоста, мощнее первого, опрокинул Дениса на спину. Уже в полете парень заметил странный блеск в правой руке. Присмотревшись, он понял, что это тонкий золотой серп светится посреди тумана. Не тратя время на раздумья, Денис подскочил и снова кинулся вперед уже с серпом в руках. Он не знал, как им пользоваться, но какая-то неизвестная сила вела его вперед. Норлах зашипел, завидев неизвестно откуда взявшееся оружие. А когда тонкое лезвие скользнуло по мохнатому торсу, заскулил и отшатнулся. Сообразив, что противник внезапно стал сильнее, зверь развернулся и стремительными прыжками попросту сбежал с поля битвы.

Мир снова качнулся, возвращаясь в привычное состояние и Денис, тяжело дыша, упал на колени прямо в почерневшую траву. Сегодня, определенно, был не его день. И город этот тоже был не его. Надо будет позвонить отцу и сказать, что завтра же он возвращается в Москву подальше от сумасшедших библиотекарей и прыгающих тварей. Денис поднялся и, пошатываясь, побрел к дороге. Надо было возвращаться домой.

— Ёлька, Ратор, что у вас тут? — к складу спешила новая-старая троица. Одного из них Денис видел в начале спиритического сеанса, двое других для него были незнакомцами. Видимо тот мелкий бегал за помощью, пока они изгоняли этого взбесившегося духа. Почему-то Денис был уверен, что это дух.

— Мы здесь, — послышался женский голос из склада.

Троица поравнялась с Денисом и с удивлением уставилась на него. Видок у парня был тот еще — на руках ожоги от ядовитой слюны норлаха, на щеке глубокие царапины. Денис недружелюбно воззрился на уже не нужную помощь.

Парень и девушка были похожи, как две капли воды. Светловолосые, голубоглазые, высокие и статные. Глядя на них, на ум приходили легенды о светлых витязях и прекрасных царевнах. Денис моргнул, прогоняя странные мысли.

— Можно пройти? — эта троица загородила единственную тропу, которая вела куда подальше от этого странного места.

— А ты кто такой будешь? — первой заговорила девушка и Денис невольно скривился. Настолько напевный и мелодичный голос сейчас почему-то раздражал парня.

— Денис я, заблудился. Пройти можно?

Парень с девушкой озадаченно переглянулись, но не пропустили. Еще надо было разобраться, что он успел увидеть и понять из произошедшего.

— Вета, Яр, он помог нам!

Услышав голоса друзей, Ёлька выбралась через всё то же злополучное окно. Следом за ней из оконного проема вывалился виновник всего произошедшего. Денис с тоской посмотрел на заходящее солнце. Теперь разноса явно не избежать.

— Что у вас тут? — теперь заговорил тот самый Яр.

— Яр, это Норлах! Он вылез внезап... — затараторил было Ратор, но тут же получил болезненный толчок локтем в солнечное сплетение от Ёльки. Закашлялся, согнулся и не смог закончить свою мысль.

— Волк, представляешь? — и глазом не моргнув, соврала девушка.

Денис усмехнулся такому откровенному вранью, но промолчал. Лучше больше молчать, меньше слушать и видеть и скорее отправиться домой. А уж дома Великий Поисковик поможет ему найти ответы на все вопросы.

— Волк, говоришь? — Яр нахмурился и с тревогой посмотрел на свою сестру. Казалось, что они обмениваются мыслями.

— Да, набросился. А мы его, как лайки медведя погоняли, — продолжала своё сочинительство Ёлька.

— Угу, огромный серый волк, — не выдержал Денис и попытался пройти напролом, толкнув Яра плечом. На удивление парень даже не сдвинулся с места. Более того, он даже не шелохнулся. Как стоял недвижимой скалой, так и остался.

На поляне перед складом повисло напряженное молчание. Денису не нравилось, что его мало того, что за дурака держат, так еще и домой не пропускают. Что не нравилось дружной компании, Денис не знал, и знать сейчас не хотел. Перспектива получить выволочку от Риты и выговор от родителей напрягала парня намного сильнее. В данный момент, конечно же.

— Мы проводим, — первой нарушила молчание "царевна". — Поздно уже, вдруг дорогу не найдешь.

Денис не стал спорить. Махнул рукой, пробормотал что-то на подобии "Делайте, что хотите" и, ссутулившись, двинулся вперед. Рассвета последовала за ним. Неподвижный Яр остался с горе-вызывателями духов.

Глава 3. Кройка и шитьё

Тихие шаги вспороли вечернюю тишину библиотеки. Пыль, витающая в воздухе, всколыхнулась и расступилась перед идущим. Высокий седовласый мужчина чувствовал себя весьма неуютно под этими величественными сводами. В памяти всплывали отголоски прошлых событий, в воздухе тянуло гарью и копотью. В какой-то момент ему показалось, что он слышит треск горящей бумаги. Прогретый за день воздух буквально протискивался в грудь и застывал там тяжелым комом. Все вокруг кричало о нежеланности этого гостя.

— Зачем пожаловал? — неприветливый голос библиотекаря развеял мороки, витающие в воздухе.

— А, Елизарушка, здрав будь, не болей, — тихий, обманчиво мягкий голос мужчины зазвучал в ответ.

— И тебе не болеть, да не хворать. Так что привело? — настаивал на своем библиотекарь.

Мужчина усмехнулся и прошел вглубь зала, не торопясь с ответом. Резко остановился, потянул носом, словно ищетка, и медленно двинулся в читальный зал.

— Ты что это себе позволяешь! — громыхнул библиотекарь.

Мужчина от неожиданности вздрогнул и остановился. Он явно не ожидал подобной мощи от дряхлого на первый взгляд старика. Библиотекарь усмехнулся, довольный произведенным эффектом.

— А ты как думал? Это моя территория, и здесь я сильнее. Несмотря на все твои уловки и ухищрения, Ткач. И ежели я не возжелаю, а я не возжелаю, дальше ты не пройдешь!

Мужчина несколько мгновений вглядывался в полумрак читального зала, выискивая, высматривая что-то. Или кого-то. Потом нехотя отвернулся и перевел взгляд блеклых глаз на библиотекаря.

— А мне и не надо туда, собственно. Что хотел, я и так разглядел.

— Ой не ври мне, Ткач! Ой, не ври! Не за этим ты сюда пришел. Чует мое сердце, опять задумали вы что-то.

Библиотекарь поднял несколько книг со стола и вернул их на пустующие места на стеллаже. Смахнул со столешницы пыль и снова вернулся к стеллажу. При этом взгляд прищуренных глаз ни на секунду не отпускал гостя из виду.

— Да не смотри ты на меня так, Елизарушка, не смотри. Не стану я сегодня прорываться в хранилища твои. А когда стану — никто не сможет помешать мне в этом. Ни ты, ни уловки твои. Я вернусь сюда, Судьбою ведомый. А против нее никто не смеет идти!

— Ну да, ну да, — усмехнулся библиотекарь, от чего седые усы встопорчились ершиком.

— Слыхали мы подобное когда-то, было дело. Обещания лились, как мед из кувшина. А речи были и того слаще. И что же в результате? Знания утеряны, боги забыты. И мы одной ногой в Хаосе стоим.

Библиотекарь продолжал перекладывать книги, как ни в чем не бывало, но в воздухе заметно повысился градус напряжения. Мужчина, собравшийся было уходить, медленно развернулся и подошел к конторке, за которой стоял Елизар.

— Ты на что это намекаешь, Кармин? Уж не на то ли, что это мы обернули мир в Хаос?

— Я не намекаю, мил человек, что ты. Мое дело маленькое — наблюдай, да записывай.

Намки — это по вашей части. Уловки, тонкости, хитропереплетения. А я пишу себе и пишу. День ото дня. Разных пишу. И богатых, и бедных, и хромых, и убогих. И одаренных, — едва слышно добавил библиотекарь. Но во внезапно воцарившейся тишине его шепот отчетливо отпечатался в воздухе.

— И, ежели, суждено одаренному ступить в этот мир, значит, так тому и быть. И никто не вправе перечить Судьбе и мешать ему в этом!

— Ты забываешься, Кармин! — до того тихий и спокойный мужчина перешел на противный визг. Как будто кто-то провел ногтем по стеклу. — Сотни лет Ткачи верно стоят на страже веретена! Сотни лет Ткачи упорно оберегают нити! И мы не позволим чему-то или кому-то изменить установленный порядок!

— Вами установленный, прошу заметить! — насвистывая веселую песенку, перебил негодующего гостя библиотекарь. — А Судьба, она такая. Никогда не выведает, где она одарит, а где покарает. Так что ступай домой, Ткач. И не беспокойся о насущном. Думай о вечном. Тебе уже немного осталось. Как и мне. А когда предстанем перед ликом Её, тогда и воздастся нам по делам нашим.

Мужчина сжал кулаки и склонился над конторкой, практически нависнув над низкорослым старцем.

— Я не позволю тебе вмешиваться в наши дела! Чтобы ты ни делал, нити не перепутать! Все будет так, как должно быть, уж я за этим прослежу!

— Следи, следи, Ткач, — старик добродушно похлопал гостя по плечу. — Внимательно следи. За нитями, да за веретенцем, чтобы не ускакало. За своими делами следи. А я за своими буду следить. И будет мир в покое и процветании, ежели каждый будет жить так, как в Заветах написано.

Мужчина сжал челюсти до скрипа зубов. Резко развернулся и зашагал прочь, не сказав больше ни слова.

Спертый воздух услужливо расступался перед незванным гостем, освобождая тому дорогу из библиотеки. Не дойдя до выхода нескольких шагов, мужчина просто растворился в воздухе, оставив после себя лишь облако зеленоватого тумана.

Библиотекарь усмехнулся, провожая мужчину хитрым взглядом. Потом достал из ящичка клочок бумаги и старое, потрепанное перо. Бумага потемнела от времени, рассохлась и, казалось, была готова обратиться в прах в следующее же мгновение. Перо выглядело немногим лучше. Но библиотекаря это не смущало. Все также насвистывая незатейливый мотив, он принялся записывать что-то непонятными символами на этот маленький клочок.

Сумерки сгустились еще сильнее, когда библиотекарь отложил перо и потер левое предплечье. Бережно свернув клоч с заметками, он собрался было уходить. Но в последний момент вспомнил о чем-то. Засунув перо за ухо, он подошел к стеллажу с книгами, выбрал одну наугад и раскрыл ее где-то на середине.

— Прости, подруга, но мне только что в голову пришла удивительная история. О том, как один хитрый лис решил прикинуться молодым председателем школьного совета и настоять на зачислении одного одаренного товарища в одну интересную школу для одаренных товарищей. Слова сами в воздух выпрыгивают, грех такое не записать!

Вырвав одну страницу, старик поставил книгу на место. Вернулся к конторке, провел трясущейся рукой, изгоняя с листа ненужные слова, и принялся писать.

Всю дорогу домой Дениса разрывали противоречивые эмоции. С одной стороны, чувство нереальности и невозможности произошедшего, с другой — детский страх перед разнесом дома. Несколько раз он порывался заговорить со своей провожатой, чтобы понять, что он только что пережил? Словно худшие кадры из компьютерной игрушки, посвященной отстрелу монстров, внезапно воплотились в жизнь. В том, что это был самый настоящий монстр, Денис не сомневался. Как и в том, что все, что он видел, было реально. Об этом же свидетельствовали полученные в бою травмы — стесанная скула, ссадины на руках, рваные джинсы на обеих коленках. Но каждый раз в последний момент не решался задать вопрос.

Но куда больший трепет в душе вызывало предстоящее объяснение с теткой. Рита была незамужней девушкой около тридцати. Но всем говорила, что ей двадцать пять. Отличный пример современной эмансипированной дамы — независимая карьеристка, не обремененная семьей и детьми. Денис не очень любил проводить с ней время, потому что привычная схема, в которой взрослые носятся за детишками, поучают и наставляют, в случае Риты давала сбой. Она просто обрисовала четкие правила жизни в её квартире, которым надо было следовать. За нарушение, конечно же, она не могла применять физические способы воздействия. Но легко могла сменить пароль от вай-фая, отключив при этом кабельные каналы. В первый раз Денис усвоил это пару лет назад, когда родители вызвали Риту сидеть с ним на новогодних праздниках. Теперь он прикидывал, как долго ему суждено прожить в изоляции от виртуального мира за сегодняшнее опоздание. Кто-кто, а Рита не слишком отличалась снисходительностью к детским шалостям.

Звонок в дверь разорвал в клочья последнюю надежду Дениса пробраться в квартиру незамеченным. Тихие шаги за дверью обратным отсчетом отбивали мгновения до крупнейшего разноса в истории человечества. Рита, конечно же, была дома. Шаги стихли. Щелкнул замок. Жалобно скрипнула дверь, словно предупреждая — еще есть время сбежать. Но бежать было некуда. Денис сделал глубокий вдох и попытался придать лицу наиболее равнодушное выражение. Дверь открылась, и на лестничную площадку рванул поток яркого электрического света и негодования.

— Тебя где носит? Ночь на дво... — Рита осеклась, так и не договорив. Неистовая отповедь застряла где-то посередине между Ритой и Денисом. В воздухе.

— Рассвета? — нескрываемое удивление при виде взрослой спутницы заставило тетку на время забыть о вине племянника. — Что случилось?

— Я заблудился. Можно войти? — ответил Денис за свою новую знакомую. Не дожидаясь разрешения, он скользнул мимо Риты в коридор, наспех скинул грязные кроссовки и поспешил в ванную. Хотелось поскорее смыть с себя не только грязь и запах потусторонней тварюги, но еще и все воспоминания о сегодняшнем дне.

Женщины в прихожей о чем-то негромко разговаривали. Но Дениса это мало волновало. Поскорее открутив краны на полную мощность, парень, наконец, решился взглянуть на себя в зеркало. Темно-русые волосы, еще с утра так модно зачесанные назад, сейчас клочьями торчали в разные стороны. Ссадина на скуле, разбитая губа, изодранные руки. Казалось, что он сцепился с бандой местных авторитетов. Денис вздохнул. Уже через два дня в новую школу, а он такой вот красавец-мужчина в полном расцвете сил.

— Карлсон, ей богу, — с досадой усмехнулся парень и отвернулся. Не заметив, как в его зеленоватых глазах промелькнул уже знакомый отсвет странного мира.

Мысли в голове перемешивались в одну непонятную субстанцию. Жизненно необходимо было разобрать всё произошедшее за сегодня по полочкам. Всё тело ныло, в голове пульсировала тупая боль. Кое-как выбравшись из ванной, Денис, крадучись, пробрался в свою комнату, захлопнул дверь, на всякий случай подставил стул и свалился на кровать с ноутбуком.

Пока экран разгорался, Денис составлял в голове план поисков. Несколько мгновений он размышлял, с чего же начать — соц. сети или великий и всё знающий поисковик? В результате, поисковик победил, и Денис запустил браузер и ввел в строку поиска единственное слово "норлах". Поисковик задумался, проверяя виртуальное пространство на совпадения. Уставший Денис решил рационально использовать время, и пока обрабатывался запрос, начал проверку своих новых знакомых в базе социальных сетей. В настройках поиска Денис ввел название города, предполагаемый возраст и пол. Осталось вспомнить имена.

"Рассвета", "Яр" и "Ратор" не дали никаких результатов. Денис нахмурился.

— Что ж за имена такие, что даже сеть вас не знает, — пробормотал он недовольно.

Денис попытался вспомнить имя девушки. В памяти отложилось, что это что-то хвойное.

— Ну не Ёлка же? Кто ж так детей называет-то? — Денис попробовал ввести это имя, но интеллектуальная система подправила его, вставив мягкий знак.

— А, ну да. Это, конечно же, меняет дело, — иронично прокомментировал Денис и принялся рассматривать страничку.

Ёлька Ткач. Город Царицын. Место обучения — Царицынский Лицей-интернат № 1. С фотографии на него взирала русоволосая девушка с едва заметными веснушками на чуть вздернутом носе. От улыбки на щеках проступали ямочки. Но больше всего притягивали глаза. Светло серые, они как будто светились покоем и счастьем. Такой взгляд мог заставить улыбаться любого прохожего. Если бы Денис не был таким уставшим и растерянным, он непременно бы постучался к ней в друзья и начал активную переписку. Но сегодня ему было совсем не до этого. В новой вкладке Денис нашел страничку последнего участника сегодняшних событий. Кевар Виторович ткАЧ — довольно пафосное приветствие и помпезная фотография на краю обрыва, за которым вечность, заставили Дениса поморщиться. Страничку Ёльки было куда приятнее просматривать. Судя по данным, Кевар был родственником Ёльки, а также учился вместе с ней в интернате.

— Ну прям дети-сироты, резвящиеся в трущобах в последние летние деньки!

Денис не мог объяснить, почему эта компания вызывала в нем такой поток раздражения. Но догадывался, что это было связано с попыткой утаить от него правду. А он этого ну очень как не любил. Обостренное чувство справедливости приносило парню немало проблем по жизни, но отступаться от него он не собирался.

Поисковик издал слабый писк, сообщая о готовности. Денис закрыл все вкладки, оставив одну-единственную. Сердце в груди забилось чуть быстрее, выдавая легкое волнение. Придвинув ноутбук ближе, он приготовился познать все тайны монстра-норлаха.

Первые страницы несли сплошное разочарование. Конечно же, информации о потустороннем чудовище нечего было делать на первых полосах. Но Денис знал тайны поиска. Чем глубже в сеть, тем больше вероятность найти что-то полезное. Через четверть часа непрерывного переключения страниц, Денис всё же нашел то заветное, единственное упоминание. На одном из мистических форумов некто под ником К.В.АЧ оставил заметку:

"Это ты еще норлаха не встречал. Вот это тварь пострашнее упыря и волкодлака будет!"

Дата сообщения соответствовала двухлетней давности. Форум, утративший поток читателей затерялся в виртуальном пространстве, и найти автора в этих нескончаемых потоках сетевых переплетений было довольно сложно.

Но сейчас у Дениса на это просто не было сил. Казалось, что он только что закончил бежать олимпийский марафон. Денис закрыл все вкладки и отложил ноутбук, забираясь под одеяло. Уже где-то на границе сознания, проваливаясь в сон, он услышал негромкий хлопок под кроватью. Как будто что-то упало. Но, не придав этому значения, парень провалился в долгожданное царство сна.

Тем временем на кухне повисло напряжение.

— Что произошло? — дождавшись, пока в комнате Дениса станет тихо, спросила Рита.

— Не стоило его сюда привозить, — покачала головой Рассвета, вместо ответа. — Столько времени прошло. Столько воды утекло. Нить далеко ушла. Не надо было ему появляться тут.

— Рассвета, хватит говорить загадками. Что случилось? — Рита поднялась и подошла к гостю. — А что касается нити... Не просто так ты столкнулась с ним посреди Царицына, в котором живет несколько сотен тысяч обычных людей, — на слове "обычных" Рита сделала заметное ударение.

Рассвета вздохнула и подошла к распахнутому окну. С улицы тянуло прохладой и морем. Если прислушаться — можно было услышать крики чаек и плеск волн, бьющихся о волнорезы.

— Возможно, ты и права. Но ему следует уехать назад к родителям. И чем скорее, тем лучше. Не место ему здесь. Не теперь. Вы сами сделали выбор.

Отрывистые фразы падали в тишину как капли расплавленного воска.

— Вета, признавайся, в чем дело? Уж явно не в том, что ребенок приехал на свою историческую Родину. Из-за этого ты бы не стала приходить ко мне в дом! Он что-то видел?

Рассвета обернулась. Синие глаза девушки полыхнули небесным огнём, в котором отразился верхний мир.

— Норлах, — тихо ответила девушка.

Рита пошатнулась и схватилась за спинку стула. Медленно сползла вниз и подняла растерянный взгляд на собеседницу.

— Как так-то?

— Дети открыли тропу. Он вырвался, напал. Не знаю, каким чудом им удалось отбиться от него.

— Они его убили? — надежда в голосе заставила Рассвету отвести взгляд.

— Нет, конечно. Он отступил. И мы не знаем, где он. Поэтому лучше увезти парня отсюда.

— Ты же знаешь, что это не спасет! — Рита вскочила со стула и принялась расхаживать по небольшому пространству кухни. — Он найдет его. Он его достанет. Вета, вы должны забрать его в школу.

— Это исключено! — в голосе с виду мягкой и приветливой девушки прозвучали стальные нотки. — Вы сами решили, что он уедет. Теперь назад дороги нет!

— Но иначе он погибнет! — воскликнула Рита.

— Мы найдем норлаха и отправим его назад. Всё будет как раньше.

— Но до того момента, как вы его найдете, он найдет Дениса. И заберет его с собой! Если вы не заберете его в школу, под купол, я буду жаловаться зрителям!

Категоричность Риты заставила Рассвету усмехнуться.

— А вы, я смотрю, всё такие же. Ничему вас время не учит.

— Учить нас должно не время, а собственные ошибки. А мы их, к счастью, смогли преодолеть, — довольно заносчиво ответила Рита. Но, продолжила уже мягче.

— Вета, ну хватит. Это никому не нужно. Когда Дениса привезли сюда, мы не планировали отдавать его к вам. Но семейные обстоятельства вынудили родителей отправить его ко мне. Можешь не сомневаться, он ничего не знает о своих корнях и клановой принадлежности. Раз ему не рассказали родители, я тем более не имею на это права. Поэтому вам нечего опасаться. Тем более, когда жизнь ребенка в опасности.

Рассвета вздохнула.

— Ты же знаешь, что в школе он может увидеть то, что ему видеть не нужно.

— Да брось! У вас учатся сотни обычных детей, которые даже не подозревают о том, кто и что живет рядом с ними. И это не мешает им заканчивать школу, получать аттестаты, медали за особые успехи в учении и бесценный жизненный опыт.

Рита перевела дыхание и вновь продолжила:

— Вета, он же не виноват в том, что ваши дети выпустили эту тварь. Он просто оказался поблизости.

— Ничего в нашей жизни не происходит просто так. Ты же знаешь, как сплетаются нити. Возможно, кто-то допустил ошибку, что привело к таким печальным последствиям. А мы не можем исправлять ошибки всех ткачей.

Рита отвернулась. По всему выходило, что Дениса придется отправить домой к родителям.

— Ты права. Никто не застрахован от ошибок.

В комнате воцарилась тишина. Тема для разговора была исчерпана, но каждый словно чего-то ждал. Трель мобильного телефона заставила обеих девушек вздрогнуть. Вета вытащила устройство из кармана, нахмурилась и нажала на кнопку ответа. Пара отрывистых фраз и она повернулась к обеспокоенной Рите.

— Звонил Вальтер. Мы возьмем его. Но только до того момента, как мы поймем норлаха.

Рита нахмурилась, внимательно вглядываясь в светлые глаза девушки.

— Но?

— Но при одном условии, ты права, — кивнула Рассвета. — Надо перекроить память.

Рита нахмурилась еще сильнее. Ритуал перекраивания памяти был малоприятным и весьма болезненным как для того, на ком он проводился, так и для того, кто его проводил. Особенно для того, кто его проводил. Одному человеку только однажды могли провести подобное, да и то лишь в том случае, когда происшествие было свежо и не затуманено другими событиями. Используя свою силу, мастера в буквальном смысле вырезали ненужные воспоминания из сознания, заменяя их обыденными картинками.

— Швея и ткач будут здесь через полчаса. До утра будут кроить, а дальше твоя задача наблюдать за поведением парня. Если к первому числу он не проявит признаков воспоминаний, мы ждем его на торжественной линейке.

Услышав последние слова девушки, Рита нахмурилась еще сильнее.

— А что заставляет вас думать, что с ритуалом возникнут какие-то проблемы? Насколько я помню, ваши мастера не просто так носят на шее золотые нити. Они делом доказали свое мастерство.

— Есть подозрения, — уклончиво ответила Рассвета, отводя взгляд в сторону окна. — Прости, мне пора. Утро близится.

Девушка резко развернулась и вышла из кухни, оставив за спиной растерянную Риту дожидаться мастеров.

Две серые тени слились с окружающим миром в наступающих рассветных сумерках. Невысокие фигуры в серо-фиолетовых плащах появились в квартире, словно по волшебству из ниоткуда. Воздух вокруг колыхался, отчего балахоны развевались сильнее положенного. Не сговариваясь, они обошли застывшую в коридоре Риту и направились в спальню того, к кому пришли.

Дверь отворилась без скрипа. Предрассветные тени на стенах всколыхнулись, приветствуя гостей. Одна фигура неуловимо взмахнула рукой, изгоняя их из помещения. Пространство для ритуала должно было быть абсолютно пустым. Дверь неслышно закрылась за их спинами, отсекая окружающий мир от этой комнаты. Времени было мало. Они чувствовали, как с каждым мгновением воспоминания затуманиваются, трансформируются и выцветают. Воздух задрожал, когда одна фигура достала из складок балахона невысокую прялку с бледной серебристой нитью. Потемневшее за многие века службы дерево задрожало в ответ, настраиваясь на работу.

Мир вокруг замер. Даже время потекло по другим законам, огибая эту маленькую спальню. Нить тихонько запела, веретено принялось медленно раскручиваться. Фигура в балахоне стояла рядом, изредка направляя его в нужную сторону. Вторая же фигура подошла вплотную к кровати, на которой спал Денис. Тот во сне пробормотал что-то неразборчивое и перевернулся на другой бок. Фигура взмахнула руками, и из под объемных рукавов показались кисти рук — бледные, ссохшиеся, как у старухи. Сделав в воздухе несколько движений, руки замерли над головой парня. В воздухе неразделимо смешивались пение нити, постукивание веретена об пол и клубы серого тумана. Последний расползлся над кроватью, заслоняя стены и зашгоренное окно. Достигнув потолка, туман начал медленно расступаться, складываясь в пока еще неясные очертания. Но уже в следующее мгновение на стене можно было различить пустырь с заброшенным складом.

Блеснула сталь — массивные резные ножницы вспороли туман в том месте, где начиналась дорога к входной двери склада. Денис тихо застонал во сне и снова перевернулся. Веретено заплясало быстрее. Фигура возле прялки ловко подцепила нить выкрученным пальцем с длинным треснутым ногтем и принялась связывать из нее рыхлую сеть. Сплетенные из нити ячейки мерцали в тумане сильнее — лучи бледного света тянулись друг к другу, цепляясь и тоже сплетаясь. В результате, к ногам фигуры мягкими складками падало тончайшее полотно, сотканное из блестящих лучей.

Между тем, картины на стене сменяли друг друга с возрастающей скоростью. Новые знакомые, подслушанный разговор, открытие тропы. Ножницы резали туман, отчего во все стороны разлетались фиолетовые клочья с обрывками изображения. Там, где рвалась ткань воспоминаний, зияли черные провалы абсолютной пустоты. За окном становилось всё светлее. Веретено крутилось с бешеной скоростью, не останавливаясь ни на миг. Фигуры в балахонах ссутулились, словно под тяжким грузом, но продолжали монотонно и хладнокровно выполнять свою работу — полотно всё так же струилось сквозь костлявые пальцы, а ножницы продолжали кроить воспоминания. Ёлька, Ратор, Кевар — лица сменяли друг друга, уже в следующее мгновение становясь обрывком воспоминания. Норлах — жуткая тварь подземного мира. Рука с ножницами дрогнула, прорезая страшного зверя

насквозь. Прыжок, переворот, откат — действия Дениса в самообороне. Рычание норлаха, прыжок вперед, ослепительный свет в руках у парня.

Ножницы как-то жалобно звякнули и рассыпались о последнее воспоминание. Фигуру откинуло назад прямо на шкаф с благодарственными письмами. Серым мешком та сползла на пол, не подавая признаков жизни. Веретено запело — нить подходила к концу. Вторая фигура заработала вдвое быстрее — теперь она должна была закончить ритуал в одиночестве. Завязав последний узел, балахон качнулся, выпуская готовое полотно на пол. Фигура скользнула к Денису, который лежал в испарине на смятой постели. Ножниц больше не было. Обрывки воспоминаний кружили рядом с провалами, стремясь найти кусок, из которого их вырвали. Костлявые руки вскинулись в воздух, разгоняя клочья по комнате и, подхватив серебристую ткань, ловко принялись залатывать прорехи. Там, где еще недавно зияла черно-фиолетовая пустота, теперь серебрились новые картины — город, кухня, подготовка к школе. Даже то воспоминание, которое разрушило ножницы было надежно укрыто под серебряным полотном.

Когда первый рассветный луч заглянул в спальню Дениса, его встретил лишь спертый воздух и растрепанный спящий парень.

Глава 4. Самый! Лучший! Лицей!

Первое утро осени подкралось как всегда неожиданно. Казалось, что еще несколько мгновений назад летняя ночь укрывала тебя своим теплым пологом, а в следующий миг первый рассветный луч принес с собой тихое дыхание осени. Прозрачный воздух слегка подрагивал, нежась в солнечных лучах. Деревья под окном во всю наслаждались пока еще не ушедшей зеленью. Но весь окружающий мир знал, что еще немного и осень полновластно вступит в свои права, нещадно заливая дождями городские улицы, даря прохожим простуду, как воздушные поцелуи. И нагоняя беспричинную тоску. Особенно нагоняя беспричинную тоску. Но пока до этого было еще далеко.

Город гудел в ожидании праздника. День Знаний отмечался в Царицыне с особым трепетом и размахом. В воздухе витало всеобщее веселье. Даже грусть некоторых школьников по поводу начала нового учебного года не могла перебить его. Но Денис сейчас испытывал вовсе не грусть. Ярость — ледяная, клубящаяся где-то в глубине души не давала парню сказать ни слова. Еще вчера он собирал вещи, чтобы благополучно отбыть в столицу к родителям, а уже сегодня утром Рита ворвалась в комнату, сияя как начищенный самовар, и объявила, что он остается здесь. И будет учиться в Самом-Лучшем-Лицее! В Царском Лицее! Денис не ожидал подобного поворота событий и теперь не мог совладать с эмоциями. В его ближайшие планы обучение в каком-то там лицее явно не входило, о чем он и поспешил заявить Рите. Был тут же поправлен, что лицей не какой-то там, а Царский Лицей и отправлен в зал примерять новую школьную форму. Собственно, это стало последней каплей. Денис взорвался, высказал всё, что думает по поводу царей и лицеев по-отдельности и вместе взятых. Но, был тут же заткнут суровым взглядом тетки.

— Я не стану это надевать! — категорично заявил парень, бросая злобный взгляд на фирменную лицейскую форму. Вернулся в спальню, натянул потертые джинсы и футболку со значком анархистов, закинул за спину рюкзак и уже на выходе из спальни натянул на голову старую бейсболку.

— Я готов! — запелляционный тон Дениса заставил Риту улыбнуться. Денис, ожидавший явно другой реакции застыл в недоумении, напрягся и вопросительно взглянул на тетку.

— Сумка с твоими вещами в багажнике такси. Такси уже у подъезда. Тебя отвезут в Лицей. Веди себя там прилично, не позорь мать! Кормят там основательно, деньги переведу на карточку. Но они тебе там особо не понадобятся. Режим не нарушать, чтобы тебя не выперли раньше срока.

Рита задумалась — пыталась припомнить, всё ли сказала, или есть еще что-то важное. Так и не вспомнив, она аккуратно сложила школьную форму и ловко загрузила её в рюкзак Дениса.

Тот же в первые мгновения внезапно повисшей тишины лишь недоуменно хлопал глазами. Потом до парня дошло, что его попросту выселяют на край света и вторая волна негодования накрыла его с головой.

— Рита! Какая сумка? Какой режим? Ты что, в интернат меня сдаешь? — крик парня звоном отразился от зеркал в прихожей.

— Это не интернат! Это Лицей-интернат для одаренных детей. Со всей страны дети в очередь туда записываются. А тебе повезло! — менторским тоном ответила тетка. — Тебя

взяли туда по старой дружбе. Так что будь добр...

— Рита! Ты что, выгоняешь меня? — ошарашенно пролепетал Денис. Только сейчас до него дошло, что это самое настоящее изгнание. Сначала от родителей. Теперь от Риты. Весть о том, что его ждет новое место жительства заметно расшатала и без того неустойчивую нервную систему Дениса. Сцепив зубы, он вернулся в свою комнату и полез под кровать — надо было забрать самое ценное, что у него тут осталось. Нащупав рукой гантели, Денис уже собирался уходить, как взгляд зацепился за непонятную серость, затаившуюся под кроватью. Денис потянулся и в следующий миг извлек оттуда уже знакомый потертый том мифов Царицына.

— А это тут откуда? — удивление на краткий миг заслонило даже негодование. — А ладно, пойдешь со мной. Тебя тоже вроде как из библиотеки изгнали.

Затолкав скромные ценности в рюкзак прямо поверх формы, Денис вышел из спальни с преувеличенно гордым видом. Обулся и, не говоря Рите ни слова, открыл дверь и вышел в подъезд. Хлопок за спиной ознаменовал конец беззаботного прозябания в этом мире.

Такси действительно стояло у входа. Белая "шестерка", по виду старше Дениса лет на десять, пыхла выхлопной трубой и рычала мотором. Машине не терпелось поскорее доставить парня "куда следует". Денис задумался. Злость и обида клокотали в душе, мешая делать верные выводы. Да и никаких разумных объяснений в голову не приходило. Несколько мгновений Денис сжимал и разжимал руку в кармане, а потом резко вытащил телефон и набрал номер отца.

Несколько длинных гудков и в трубке послышался отцовский голос.

— За что? — тихо спросил Денис.

Отец несколько секунд молчал, видимо, подбирая слова, после чего заговорил.

— Так надо. Считай, что это наша личная просьба и твое поручение. Я знаю, что ты не самый усердный ученик, но постарайся там продержаться хотя бы первую четверть.

Денис слушал речь отца о занятости на работе и проблемах бизнеса и понимал, что что-то тут не то. Действительно, довольно долгое время он рос, как сам по себе мальчик, свой собственный. С утра до ночи пропадающие на работе родители строили светлое будущее для него. В какой-то момент Денис чувствовал себя ненужным, пытался обратить на себя внимание плохой учебой и ужасным поведением. Но все эти попытки не привели к успеху. И вот сейчас в его голове созрел план, пойти, как говорят в математике "от противного".

Возможно, стань он самым лучшим учеником, родители начнут обращать на него внимание чуть больше, чем на китайскую вазу на лоджии.

— Садись, дорогой, — дружелюбный водитель с густыми темными усами вклинился в разговор и Денис спешно попрощался с отцом. Водитель приветливо распахнул заднюю дверцу, отчего Денис лишь горестно вздохнул и занял предложенное место.

— Нам далеко? — обреченно спросил он мужчину.

— Нет, рядом совсем, — с характерным кавказским акцентом ответил водитель. — Полчаса по перевалу, а там вообще рукой подать.

Услышав про перевал, Денис побледнел и вцепился в сиденье. О местных водителях и их скоростной езде он был наслышан. Теперь же представился шанс проверить всё это на практике.

— Да ты не бойся! Довезу с ветерком, — видимо, водитель заметил странную реакцию парня.

— А может не надо? С ветерком... — последнюю надежду заглушил рев двигателя.

На удивление парня, бояться действительно было нечего. То ли мифы про местных таксистов были сильно преувеличены, то ли ему попалось исключение из правил. Так или иначе, Денис даже смог расслабиться, разжать побелевшие от напряжения пальцы и погрузиться в созерцание окружающей природы. Городские улицы еще были довольно пустынными. Редкие родители, спешащие в круглосуточные цветочные ларьки, были не в счет. Водитель умудрился поймать зеленую светофорную волну, поэтому уже через десять минут они выехали на шоссе, ведущее в горы. Окружающий мир за окном стремительно менялся. Всё меньше и меньше напоминаний о цивилизации им встречалось по пути. А как только они въехали на перевал, Денис и вовсе забыл, что находится в этом мире. Расстилающиеся перед взором горные склоны и вершины вырастали словно из под земли. Крутой подъем вызывал легкое головокружение, но вместе с тем и чувство детского восторга. Никогда еще Денис не видел ничего подобного. Дышать становилось тяжелее — видимо, высота действительно была приличной.

— Не переживай, сейчас начнем спускаться — отозвался с переднего сиденья водитель. — Если зрение хорошее, море увидишь.

Дениса эта новость вдохновила. Парень приник к окну в надежде увидеть бескрайнюю синюю гладь. Но вместо этого увидел белого леопарда.

— Вот это да! — восхищенно выдохнул Денис. — Леопард!

— Это барс! — с гордостью поправил его водитель. — Старый. Говорят, он охраняет эти ущелья. Его еще мой дед видел. Увидеть его к большому счастью! Он недостойным не показывается!

Услышав это, Денис почувствовал, как за спиной вырастают маленькие крылья гордости. В легенды он не верил, но почувствовать себя достойным всегда приятно. Барс остановился около облезшего куста и с холодным интересом принялся наблюдать за движущимся автомобилем. В какой-то момент взгляды Дениса и дикой кошки встретились. Уже знакомый бледно-зеленый отсвет полыхнул в воздухе, заставив Дениса ойкнуть и отпрянуть от окна. А когда он вернулся на прежнее место, барса уже не было. Ушел. Остаток пути Денис провел в полном молчании, не решаясь разрушить то тонкое ощущение своей избранности, которое подарил ему взгляд снежного леопарда.

— Приехали, дорогой, — таксист резко затормозил у шлагбаума. — Дальше сам пойдешь, у меня пропусков нет.

Мужчина помог парню вытащить объемную сумку из багажника, помахал на прощание и, взревев двигателем, укатил вниз по горной дороге.

— Добро пожаловать, — недовольно проворчал Денис.

Отчего-то он не решился сделать первый шаг в ту неизвестность, которая таилась там, за шлагбаумом. За несколько дней пребывания в Царицыне парень успел узнать о старом царском лицее, который сегодня считался одним из самых показательных в стране. Детей туда принимали только по результатам олимпиад или других серьезных конкурсов. Желающих поступить туда было преогромное количество. И только он один, судя по всему, был не особо рад открывшейся перспективе учиться пусть и в лицее, но всё же в интернате.

"От меня попросту избавились", — эта мысль не давала ему покоя.

Неизвестно, сколько бы парень еще так простоял, но рев клаксона за спиной заставил его вздрогнуть и поспешно отскочить. Тонированный внедорожник алого цвета подъехал к шлагбауму, несколько мгновений техника раздумывала — пропускать автомобиль или нет, после чего железяка дернулась и резво поползла вверх. Внедорожник довольно заурчал и

покатил вверх по дороге. Денис решил, что стоять и дальше истуканом — занятие бесполезное. Поэтому он подхватил сумку и зашагал следом за машиной.

— Вычитать и умножать, малышей не обижать учат в школе, учат в школе, учат в школе!

Звуки старой доброй песни долетели до Дениса. Но далеко ли еще до лица, парню оставалось лишь догадываться. В горах звук распространялся по своим особенным законам. Больше получаса Денис шагал по обочине в гору, умудряясь даже получать удовольствие от окружающего мира. И даже тяжеленный рюкзак со злополучными гантелями, тяжелеющий с каждым метром, не мешал разглядывать местные красоты. Высокие кедры с потрескавшейся корой покачивались, касаясь друг друга верхушками. Под ногами периодически похрустывали шишки и случайные ветки. Денис поразился чистоте — лес выглядел так, словно тут никогда не ступала нога человека. И только узкая асфальтовая дорога говорила о том, что люди тут довольно частое явление.

— Добрый день, лицеисты! Здравствуйте, учителя, мастера, воспитатели, наставники и, конечно же, родители! — совсем рядом раздались голоса, судя по всему, ведущих. — Торжественная линейка, посвященная Дню Знаний, объявляется открытой!

Аккурат под звуки гимна Денис вышел к высоким кованым воротам, приветливо распахнутым навстречу гостям. И замер, поражаясь открывшемуся пейзажу. Насколько хватало взгляда — простиралась внушительная площадь, на которой сейчас ровными рядами выстроились ученики и их родители. От разнообразия букетов пестрило в глазах — куда ни глянь, везде мелькали белые банты и фартуки, а между ними чернели галстуки-бабочки. Денис в своем неформальном наряде казался на этом празднике явно чужеродным элементом. Парню сделалось как-то не по себе от своей минутной глупости. Не захотел слушать тетку, решил индивидуальность проявить... Да уж, отличился — ничего не скажешь. Меж тем гимн летел над лицейской площадью, эхом отражаясь в горах.

В конце площади возвышался самый настоящий дворец. Витые колонны крыльца поддерживали куполообразную крышу. Пятиэтажное здание красного кирпича могучим исполином вставало над учениками. По бокам две одинаковые башни, словно близнецы, наблюдали за происходящим на линейке. От башен в разные стороны отходило еще два корпуса, окна которых были украшены одинаковыми лоскутными занавесками.

"Наверное, это и есть общежитие, где мне предстоит обитать" — подумалось Денису. Разглядеть что-то еще было довольно проблематично из-за толпы на площади. Поэтому Денис дождался, пока доиграет гимн и направился чуть в сторону — к будке охранника.

— Здравствуйте, мне на линейку надо. Или к директору, — Денис заглянул в затемненное окошко. — Я тут учиться буду. Или уже учусь, не знаю точно.

В окошке послышалось движение, после чего стекло отъехало в сторону, и взору Дениса предстала внушительных размеров охранница. Назвать эту женщину охранником язык не поворачивался.

— Фамилия, — довольно суровый тон заставил Дениса назвать не только фамилию, но и место жительства, и дату рождения, и группу крови.

— Вас нет в списках, — через несколько секунд молчания и клацания по клавиатуре изрекла женщина.

— Это значит, я не зачислен? — с надеждой в голосе уточнил Денис. — Мне можно идти домой?

Парень уже начал было разворачиваться, но всё такое же суровое "Стоять!" пригвоздило его к тротуару.

Из будки слышались телефонные гудки — видимо, женщина звонила по громкой связи.

— Магистр Яр, тут мальчишка. Говорит, что должен учиться у нас, а в списках нет. Да, высокий. Одет как растаман. Что?

Денис хотел было возмутиться за сравнение с растаманом, но вовремя вспомнил о неравенстве в весовых категориях и промолчал. Гордость гордостью, а здоровье было дороже.

— Стой здесь, тебя сейчас заберут, — скомандовала женщина и кивнула на кованую скамью за воротами.

Денис пробормотал невнятное "спасибо" и поспешил скрыться из поля зрения суровой охранницы. Судя по всему, с дисциплиной тут проблем не возникало.

Толпа на площади загудела, приветствуя кого-то. В воздухе разлились звуки русской жалейки, смешанные с современными битами. Кажется, именно эта музыка звучала на олимпиаде в Сочи. Денис прислушался — к звукам музыки прибавился размеренный цокот, кажется, копыт, который с каждым мгновением усиливался где-то за спиной.

Толпа разразилась приветственными криками и как по команде развернулась в сторону Дениса. Тот смутился, не понимая, чем вызвано всеобщее внимание — уж не внешним видом, в самом-то деле. Неужели у них ученик без формы такое неординарное явление? Однако в следующий миг прямо за спиной раздалось конское ржание, которое заставило Дениса поспешно отпрыгнуть в сторону, за скамейку. Краем глаза он увидел причину такого повышенного внимания, как оказалось, не к нему.

Десяток всадников на черных, лоснящихся на солнце лошадях, галопом ворвались в распахнутые ворота. Толпа расступилась как по команде, давая наездникам дорогу. Всадники проскакали в центр площади и разделились на две ровные колонны. Лошади описали круг и остановились, вышагивая на месте ровно в такт звучащей музыке. Всадники же одновременно высвободили ноги из стремян и, оперевшись в лошадиные спины руками, приняли уверенную идеальную стойку под одобрительный свист толпы. Денис прищурился, пытаясь рассмотреть, как это им так ловко удалось встать на руки на такой шевелящейся поверхности, но всадники уже сменили положение — теперь они стояли в седле, приветствуя собравшихся на площади. Помахали и замерли, вытянув руки в стороны. Секундой позже Денис понял, что это для равновесия — лошади пришли в движение. Ровными колоннами они двинулись навстречу друг другу, высоко вскидывая стройные ноги. Как только расстояние сократилось до вытянутой руки, всадники переместили центр тяжести, а грациозные животные вскинулись на задние ноги, выкидывая передние соседу навстречу. Очередная смена ритма и лошади кинулись в разные стороны, кружась при этом действе, а всадники вновь оказались в седлах.

— Круто, — выдохнул Денис. Увиденное действительно впечатляло.

— Еще как, — раздался совсем рядом мужской голос и парень вздрогнул. Чуть в стороне возвышался молодой мужчина — назвать его парнем как-то мешало воспитание. Светлые волосы и небесной синевы глаза показались Денису смутно знакомыми, но он был уверен, что не мог встречать этого человека раньше — непременно запомнил бы.

Денис с недоумением воззрился на подошедшего.

— Магистр Яраз, — представился тот, выделив ударение на первую букву. — Следуй за мной.

Денис бросил печальный взгляд на представление, которое ему не суждено было

досмотреть.

— Не расстраивайся, — словно прочитал его мысли магистр. — Если захочешь, сможешь у них на тренировках поприсутствовать. Я разрешаю.

Денис с сомнением оглядел спину мужчины. Станный он был какой-то. И дело было даже не в старомодном звании "магистр". И не в причудливом имени. И даже не в разительном несоответствии уверенности в голосе и молодости в облике. От него так и веяло какой-то стихийной силой. Подобное чувство испытываешь, находясь на отвесной скале у волнующегося моря. Или наблюдая за тем, как надвигается грозовой фронт. Скрытая, спящая, ждущая нужного момента для выхода сила сквозила в каждом движении магистра. И Денис сразу поверил, что звание дано не за красивые глаза, а за какие-то серьезные достижения. И вообще с этим человеком лучше не спорить без причины. И с причиной тоже лучше не спорить.

Магистр повел его не к центральному входу, у которого сейчас собралась вся администрация лицея, а за угол здания. По пути Денис успел заметить и разноцветные клумбы, и деревянные фигурки сказочных героев, и даже разглядеть вдалеке очертания школьного стадиона. Но больше всего Дениса поразили корпуса, которые до этого скрывались за главным зданием.

— Это что, тоже лицейское? — не смог скрыть своего удивления Денис. Пять корпусов, стоящих по периметру территории отличались друг от друга и архитектурой, и размерами. Но было в них что-то общее — как у братьев — вроде бы и не одинаковые, но сразу видно, из одной семьи.

— Да, конечно, — магистр приостановился, давая возможность Денису получше рассмотреть архитектурный ансамбль.

— Библиотека, учебные корпуса, мастерские, спальни — всё это попросту не помещается в один корпус, — в голосе магистра слышалась гордость за родное учебное заведение. — Здесь обучается более полутора тысяч учеников. Более сотни преподавателей. Половина из них проживает на территории лицея постоянно. Надо же всех расселить, никого не обидеть.

— А я тоже буду жить в одном из них? — Денис пытался решить, какой же корпус ему нравится больше.

— Да, конечно, — улыбнулся магистр. — Куда определяют. Вот этот Теремок, — магистр указал на крайний левый корпус. И Денис сразу убедился, что иначе как Теремком его назвать нельзя. Трехэтажное здание с резной крышей и крыльцом и расписными ставнями манило своим уютом и теплотой. Полностью из сруба, дом словно бы выскочил со страниц детской сказки, да так тут и остался.

— Там живут лингвисты. Когда проектировали, хотели Вавилонской башней назвать, но решили не ломать концепцию лицея, — делился с Денисом магистр. — Пойдешь в лингвистический профиль, скорее всего туда определяют. Там же лингафонные кабинеты и виртуальные языковые лаборатории.

— Дальше у нас идет Левша, — Денис перевел взгляд на следующий корпус. Также трехэтажный, но не такой изящный. Кирпичное здание с множеством окон, каждое из которых было украшено либо небольшой подковой, либо миниатюрным молотом, либо наковальней. Разглядеть больше Денису мешали блики солнца. Корпус был широким, коренастым, если можно так сказать.

— Там мастерские. Умельцы наши там живут. Все курсы по мастерству проходят там —

резьба по дереву, кройка, шитье, роспись. Решись, что будешь осваивать и туда.

Денис слабо представлял себя в роли умельца, подковывающего блоху, но промолчал.

— А это младший брат нашего главного корпуса, — магистр указал на здание, стоявшее чуть поодаль от остальных. Отсюда была видна лишь его боковая часть, но и она впечатляла своим размахом. По размерам корпус ничуть не уступал главному. Такие же купола на башенках были точной копией тех, что Денис успел разглядеть на площади.

— Это Медногор. Весь естественно-научный профиль там обитает. Математики, физики, химики, биологи, географы, — перечислял магистр. — Там даже хозяйка своя есть, всё как в сказке.

Денис попытался себе представить загадочную хозяйку медной горы, но у парня ничего не вышло — никогда не любил сказок.

— Пожалуй, это самый большой и самый суровый корпус. За дисциплину там спрашивают чуть ли не больше, чем за учебу. Оттуда чаще всего отчисляют, — как бы невзначай проронил Яраз.

В кармане магистра запищал мобильник, отвлекая его от внеплановой экскурсии.

— Прости, про оставшиеся два здания узнаешь уже во время учебы. Сейчас нам пора.

Денис бросил печальный взгляд на третий корпус — что-то ему подсказывало, что с его везучестью по жизни, он попадет именно туда.

Процедура оформления заняла на удивление мало времени — не прошло и получаса, как Денис стал лицеистом. Секретарь бесцветным голосом сообщила парню, что по предварительным результатам он зачислен в 9 Б класс.

— А это, — Денис замялся. — Это какой корпус?

Глаза секретарши наполнились пониманием:

— Медногор, парень. Тебя в биологи определили.

— Я почему-то не сомневался, — вздохнул Денис.

— Мой тебе совет, найди форму и переоденься лучше здесь. Если Верона Вергардовна увидит тебя в таком виде в своем корпусе — вылетишь оттуда, даже не успев порог переступить.

— А это кто? — заносчиво спросил Денис, чувствуя, что эта загадочная Верона ему уже не нравится.

— Хозяйка медной горы, конечно же, — ободряюще подмигнула ему секретарша. — А теперь прости, работы много.

Денис снова вздохнул, подхватил сумку с вещами, новенький бейджик и свое расписание, и вышел из приемной. Поиски туалета, переодевание в форму, которая успела изрядно помяться в рюкзаке под гантелями и заключительные поиски необходимого кабинета заняли у Дениса всю перемену и первые минуты урока. В класс он ввалился через четыре минуты после звонка, про себя надеясь, что учитель не успел прийти на урок.

— Электричество — это как музыка, понимаете? Это полет, это движение, это упорядоченный хаос, — невысокий круглолицый мужчина стоял у доски и вдохновенно размахивал руками.

— Извините пожалуйста, можно войти? — перебил его Денис чувствуя, как все взгляды устремляются к нему.

— О, это двадцать четвертый! — радостно воскликнул учитель. — Проходите, присаживайтесь. Ничего страшного. Познакомьтесь потом, у нас сейчас Электричество!

Последнее слово он произнес с таким благоговением, что Денис не смог сдержать

усмешки. На его счастье, физик этого не заметил. Разглядев свободное место на второй парте среднего ряда, Денис без раздумий направился туда.

— Там занято, — чья-то нога преградила ему путь.

Денис перевел взгляд от прохода к говорившему.

Широкоплечий темноволосый парень в упор смотрел на него черными глазами, которые излучали вовсе не дружелюбие.

— Что-то не заметно, — Денис равнодушно перешагнул через подножку, демонстративно поставил рюкзак на парту, знатно гроыхнув гантелями, и уселся на свободное место. Объемную сумку со всеми вещами он запихнул себе под ноги.

— Вот это ты зря сделал, — сосед по парте задумчиво грыз карандаш, глядя на вещающего у доски физика. — Зачем наживать врагов в первые минуты? Нелогично же.

— Меня это не заботит, — Денис достал тетрадь и принялся переписывать формулы с доски.

Хорошо, что учебники он еще не успел получить.

Собеседник оглядел его с ног до головы и вновь повернулся к доске, так ничего больше и не сказав.

Первая половина урока прошла довольно скучно — физик внушал, что Электричество подобно магии. Ученики занимались своими делами, периодически всё же записывая основные тезисы учителя. Во второй половине он предложил каждому ряду решить задачи на скорость.

— На старт! Внимание! Мар... — дверь снова открылась, отвлекая физика от последней команды.

— Альцес Иллорович, извините за опоздание, можно войти? — звонкий голос разметал полусонное оцепенение, повисшее в классе.

Физик удивленно моргнул и расплылся в улыбке.

Денис закатил глаза, наконец, узнав имя физика. Видимо, это был один из критериев отбора в эту странную школу.

— Ну надо же, двадцать пять! Все наконец-то на месте. Проходи, Ёлька, проходи скорее. Мы как раз задачи решать собрались!

Было видно, что физик явно рад опоздавшей ученице.

Девушка улыбнулась ему в ответ и Денису, до этого молча наблюдавшему за ними, стало как-то слишком тепло и радостно. Парню даже показалось, что в класс заглянуло солнце, до этого упорно прятавшееся в набежавших тучах.

Девушка оглядела класс, то и дело даря мягкую улыбку кому-то из одноклассников. Денис замер в ожидании, когда же она посмотрит на него. Он уже успел разглядеть светлые серые глаза, русые волосы, собранные в хвост, вздернутый нос и ямочки на щеках. Девушка была милой и словно бы светила изнутри добродушием и дружелюбием. Наконец, она подняла на него свои большие серые глаза и улыбка на её лице тут же погасла, сменившись растерянностью. Денис не совсем понял, чем вызвана такая перемена, а взгляд девушки уже переметнулся к его недавнему черноглазому собеседнику.

— Я ему говорил, что там занято! — кинулся оправдываться тот. — Он нагло сел на твое место!

Теперь Денис мог объяснить это внезапное беспокойство — оказывается он, сам того не ведая, занял место этой милой девушки.

— Подумаешь, могу и пересесть! — Денис начал было складывать вещи обратно в

рюкзак, не обращая внимания на удивленные взгляды учеников и самого физика.

— Не стоит, всё в порядке, — девушка, наконец, улыбнулась и Денису. — Я сама виновата, не буду больше опаздывать.

С этими словами она прошла в конец класса и уселась на последнюю парту.

Остаток урока Денис пытался посвятить решению задач. Но вместо формулы расчета сопротивления на участке цепи, в голову постоянно влезал образ той самой опоздавшей ученицы. Ёлка... Странное имя. Впрочем, в конкурсе на самое странное имя она могла побороться с тем же магистром или физиком. Навязчивое ощущение, что он где-то слышал этот голос, мешало сосредоточиться, поэтому Денис довольно быстро отбросил карандаш в сторону и принялся разглядывать своих одноклассников. Двадцать пять человек в одинаковой форме вызвали стойкие ассоциации с инкубатором. Денис никогда не любил форму и в своей бывшей школе носил её только под угрозой вызова родителей к директору. А случилось такое довольно редко. Но что-то подсказывало парню, что здесь такой номер не прокатит. Уж слишком явными были намеки и магистра и секретарши на суровый нрав его нового куратора.

"Хозяка медной горы, ну надо же", — пронеслось в голове у парня как раз под раздавшийся с урока звонок. Не записав домашнее задание, Денис первым покинул кабинет физики.

Школьные коридоры быстро наполнялись учениками. Всё такие же одинаковые наряды, одухотворенные лица, наполненные тягой к знаниям, разговоры о предстоящих уроках — Денису казалось, что он единственный, абсолютно не вписывающийся в окружающий мир, элемент. Чужеродное тело. Настроение портилось с каждой минутой всё больше. Обида на родителей перемешивалась с раздражением от осознания своей чуждости этому миру будущих гениев. Глянув на расписание, парень поспешил укрыться от толпы в кабинете химии — следующий урок был именно по этому предмету. Помня о том, что многие уже имеют в этом классе свои места, Денис уселся на самую последнюю парту. Сумка с вещами мешала, но отнести её в спальню возможности не было — Денис попросту боялся потеряться в этом нагромождении корпусов.

За своими размышлениями парень не заметил, как класс вновь наполнился и прозвенел звонок на урок. Лишь внезапно воцарившаяся гробовая тишина подсказала ему, что что-то происходит в окружающем мире. Подняв глаза, он вздрогнул — прямо на него с холодной надменностью взирала невысокая женщина. Черные волосы, собранные в узел на затылке тронула легкая седина, отчего определить её возраст было довольно проблематично. Широкие скулы, нос с горбинкой и колючие, ярко-зеленые глаза вызвали ассоциации с самой настоящей ведьмой. Денис сглотнул и воровато огляделся.

— Молодой человек, Вас не смущает, что я стою перед Вами, а звонок на урок прозвенел десять секунд назад? — тихий, вкрадчивый голос гадюкой пополз по воздуху, врезаясь в барабанные перепонки.

Денис медленно поднялся, пробормотав скомканное "извините".

Женщина отвернулась, обводя взглядом класс.

"Точно жертву выбирает", — пронеслось в голове у Дениса.

— Самойлов, где Ваш дневник? — новая жертва была успешно выбрана. Денис на краткий миг испытал облегчение, но укол совести подоспел следом. Радоваться чужим неприятностям — не самое благородное дело.

Несчастный Самойлов под нерушимое молчание класса попытался было оправдаться,

но попытка изначально была обречена на провал. Под этим холодным взглядом хотелось саморасщепиться на атомы и молекулы, лишь бы только поскорее. И подальше.

Объявив Самойлову первое и последнее предупреждение, и попутно сделав еще несколько замечаний ученикам, женщина, наконец, разрешила всем занять свои места и начала урок.

— Меня зовут Верона Вергардовна. Я ваш учитель химии и по совместительству куратор вашего корпуса. С этого дня именно я отвечаю за все ваши проблемы, неудачи, переживания и прочее. Уясните сейчас и до конца жизни — каждый, кто живет в Медногоре, отчитывается в первую очередь передо мной! И запомните — ваша мысль еще даже не успела зародиться и побежать по сети нейронов, а я её уже перехватила и запретила. Ясно?

Судя по всё такой же ненарушаемой тишине ясно было всем, и проверять это утверждение пока что никто не желал.

Денис продолжал украдкой рассматривать нового учителя. С виду женщина, как женщина — не кричит, не отчитывает. Правда от взгляда холодный пот прошибает, и говорит так, словно все окружающие — виноградные улитки по уровню развития. А в целом, вполне вроде милая.

— Молодой человек, уже второй раз за урок Вы летаете в облаках. Вам здесь не интересно? — вновь все взгляды, включая льдисто-колючий устремились на Дениса.

— Простите, — тихо ответил тот. — Мысль зародилась и к вам побежала по нейронам.

Черноглазый парень, который до этого не особо дружелюбно отнесся к Денису, не выдержал и хихикнул.

Верона Вергардовна резко развернулась к смеющемуся.

— О, Ратор, счастье мое. И ты тут?

Ратор слишком поздно осознал свою оплошность и попытался втянуть голову в широкие плечи и просочиться сквозь пол.

— Не переживай, я мигом исправлю это недоразумение.

— Не стоит, Верона Вергардовна. Извините, пожалуйста, — в черных глазах читалось искреннее раскаяние.

— Извиню. После того, как вымоешь все рекреации корпуса!

Ратор вздохнул, но не решился на дальнейшие высказывания. Бросив Денису очередной взгляд полный дружбы и доброты, он раскрыл тетрадь и принялся записывать правила техники безопасности, которые уже вовсю диктовала хозяйка Медной Горы.

Время тянулось медленно и уныло. Казалось, что оно, как бурлак на Волге, тащит за собой многотонную баржу, которая нарочно тормозит движение. Денис скучал. Но показывать это открыто не решался — слишком колючим был взгляд зеленых глаз химички. Она же, как будто специально, говорила тихо и монотонно.

— При попадании кислоты на кожу первое, что следует сделать — написать себе на лбу слово идиот. Желательно несмываемой краской, — Верона Вергардовна плавно передвигалась из одного конца класса в другой, периодически поправляя того или иного ученика. — Далее следует открыть кран, который вы видите у себя на столе и хорошо промыть место ожога водой. Конечно, промыть надо бы сразу, но без надписи вы наверняка не усвоите всю глубину вашей ошибки. А так — чем дольше кислота контактирует с кожей, тем больше степень поражения, тем сильнее ожог и тем дольше он будет заживать. А это значит, — женщина остановилась прямо напротив усердно записывающего текст Ратора. —

Это значит, что вы дольше будете помнить о том, каким неосторожным кто-то был на уроке химии.

Ратор опасливо покосился на стоящую рядом учительницу:

— Да понял я, понял!

— Надеюсь, — холодно ответила та, после чего продолжила вышагивать по классу, вещая про технику безопасности.

Денис, внимательно наблюдавший за этой сценой, нахмурился. Какой-то не очень складной она выходила. Создавалось ощущение, что учитель и ученик говорили о чем-то, только им двоим известном. Возможно, Ратор уже успел в чем-то провиниться?

Денис поразился той вспышке радости, которая возникла в груди от этой мысли. Моргнув, чтобы прогнать наваждение, парень поспешно схватился за ручку — ему вовсе не хотелось быть уличенным в отсутствии конспекта.

Воздух вздрогнул, качнулся и расступился. Денис обернулся, пытаясь понять, почему ненарушаемая тишина внезапно стала такой густой. Ученики сидели в тех же позах — склонившись над тетрадками и усердно записывая. Но создавалось ощущение, что они находятся по ту сторону стекла. Денис моргнул, пытаясь прогнать наваждение, и оглянулся на другую половину класса. Тут картина выглядела полным отражением предыдущей. Верона Вергардовна все так же диктовала текст конспекта, с надменным видом оглядывая класс. Краем глаза парень уловил движение за окном — на маленьком выступе за стеклом сидел черный ворон. Ехидно прищулив один глаз, другим он неотрывно смотрел на Дениса. Парень сглотнул и переключил свое внимание вновь на одноклассников. Приглядевшись, он заметил, что, несмотря на одинаковость, картинка все же в некоторых местах отличается. У одних учеников слой застекленности казался больше — они словно бы сидели за старым, помутневшим от времени стеклом. У других же напротив, слой этот был тонким, практически неуловимым. Ратор, Ёлька, еще несколько человек — они были почти такие же, как и раньше. А вот та, у кого этот слой полностью отсутствовал прямо сейчас стояла перед ним, со взглядом, не предвещающим ничего хорошего.

— Проблемы? — голос Вероны Вергардовны, казалось, прямо сейчас приморозит Дениса к месту.

— Нет, простите, — смутился парень, не заметив, как мир принял привычные очертания.

— Думаю, я знаю, кто составит Ратору компанию по наведению чистоты в корпусе, — процедила Верона и отвернулась.

Денис хотел было возмутиться такой несправедливости, но вовремя кинул взгляд на тетрадь соседа по парте — тот уже заканчивал писать вторую страницу. У Дениса же не было исписано и половины...

После химии и знакомства со своим куратором, остальные уроки не вызвали в душе Дениса никакого отклика. Школа как школа со своими особенностями. Что действительно настораживало парня, так это необходимость жить в общежитии и делить свою комнату с кем-то еще. Денис не хотел себе признаваться, но в глубине души он не хотел оказаться соседом Ратора. Оставалось надеяться, что хотя бы в этом ему повезет. Однако, как и ожидалось, везение оставило Дениса в тот момент, когда он появился на свет. Толкнув скрипящую дверь в спальню первое, на что наткнулся Денис — недружелюбный взгляд черных глаз.

— Только не ты! — взвился Ратор.

— Взаимно! — хмуро бросил в ответ Денис и прошел в комнату, не обращая внимания на воцарившееся напряжение.

Три кровати, три книжных полки, три тумбочки. Стол, два стула и шкаф. Довольно аскетическая обстановка. На окнах — тяжелые лоскутные занавески. На стенах — фотографии наскальных рисунков. Денис кинул взгляд на кровати. Те, что стояли у окна были заняты — на одной сидел Ратор, на второй стоял чей-то рюкзак. Ему же досталась кровать, ближняя ко входу.

— Предупреждаю! Будешь храпеть — выброшу в окно! — грозно предупредил Ратор нового соседа.

Денис кинул на него хмурый взгляд и предпочел оставить эту реплику без ответа. Он давно уяснил, что лучшая тактика при подобных выпадах — холодное, абсолютное игнорирование. Обидчик насторожится, начнет думать, что он делает что-то не так, раз его не замечают, потом разозлится, но, не зная как себя вести, плюнет и отстанет. В прошлой школе эта тактика действовала безотказно. Вот и сейчас Денис, не обращая внимания на нападки Ратора, подошел к шкафу и принялся методично раскладывать вещи на свободной полке. После этого настала очередь учебников, которые ему выдали сразу после уроков, и тетрадей. В общей сложности на это ушел целый час. Еще три часа пришлось потратить на подготовку домашнего задания. Таинственный сосед так и не появился, поэтому звать Дениса на ужин пришлось Ратору.

За все это время парни не сказали друг другу ни слова. В ответ на краткое "Ужинать пошли" Денис лишь кивнул, поднялся с кровати и, закинув учебник физики на полку, вышел из комнаты.

До столовой в главном корпусе парни все также шли в молчании. Там их уже ждала Верона Вергардовна, которая зорко следила за соблюдением дисциплины. Выстроив свои классы ровными колоннами по парам, она кивнула кому-то у входа, разрешая им наконец-то пройти в зал.

Столовая поразила Дениса своими масштабами. Больше всего она походила на муравейник — то там, то тут бегали дежурные с разносами в руках, одни классы сменялись другими, очередь у раздачи двигалась довольно оживленно.

— Это же с какой скоростью работать надо, — удивленно пробормотал Денис.

— А вот попадешь сюда на дежурство, узнаешь, — вкрадчивый голос Вероны Вергардовны раздался прямо над ухом парня, отчего тот вздрогнул и поежился.

— У меня для вас объявление, — двигаясь вместе с учениками, уже во весь голос заговорила хозяйка медной горы. — После ужина на площади перед главным корпусом состоится дискотека. Всем быть в подобающем виде. За исключением тех, кто сегодня отправится намывать коридоры, — на последних словах взгляд учительницы устремился на Ратора с Денисом.

От подобной информации Ратор взвыл, но благоразумно решил не спорить. Дениса подобная перспектива не сильно расстроила. Вернувшись в комнату, парень переоделся в старый спортивный костюм и, захватив плеер с наушниками, вышел из комнаты. Он уже примерно запомнил дорогу, а потому без происшествий спустился на первый этаж к кабинету Вероны Вергардовны. Дверь распахнулась раньше, чем парень постучал. Женщина сурово осмотрела Дениса:

— Никаких наушников. Ты не развлекаться идешь, а отрабатывать наказание!

Протянутая ладонь красноречиво свидетельствовала о серьезности намерений куратора.

Денис вздохнул и отдал плеер.

— Тряпку и швабру возьмешь у охранника. На тебе весь первый этаж. Как закончишь, можешь отправляться в комнату. Вопросы?

Денис уточнил, надо ли ему сдавать результат своих трудов.

— О, не стоит. Я всё проверю, не сомневайся. Помоешь плохо, будешь отвечать за чистоту до конца месяца.

Денис почему-то не сомневался, что так и будет. Попрощавшись, он отправился к посту охранника, а оттуда, вооруженный ведром, шваброй и тряпкой — к дальнему коридору первого этажа.

Монотонный труд быстро надоел парню. Радовало, что коридоры были довольно чистыми — уборщицы старались на славу. Поэтому, несмотря на внушительные площади, Денис справился быстро — часа за два. Периодически ему попадались ученики, не пожелавшие отправиться на дискотеку. То там, то тут в погруженных в полумрак рекреациях встречались перешептывающиеся парочки. Денису показалось, что в одной из них он разглядел Ратора.

— Как же он будет отрабатывать наказание? — пробормотал себе под нос парень, но останавливаться не стал.

На удивление, никто с ним не заговаривал — то ли местные ученики не отличались любознательностью, то ли, зная характер Вероны, не удивлялись подобным картинам. Денису почему-то больше верилось в последнее.

Время приближалось к отбою, когда Денис вернул на пост охранника ведро и швабру.

— Держи, это твое, кажется, — охранник протянул Денису плеер. — Постарайся больше не попадать под горячую руку.

Мужчина выглядел суровым и серьезным, но глаза его улыбались.

— Спасибо, — Денис, не скрывая своего удивления, забрал плеер и робко улыбнулся охраннику.

— Привыкай, у тебя начинается новая жизнь, — подмигнул тот и вернулся к изучению сканворда.

Денис вставил наушники в уши, включил музыку на полную громкость и пружинящей походкой направился к себе в комнату. Он не видел тени, возникшей у него за спиной, и уж точно не слышал перешептываний.

— Кажется, удалось.

— Конечно.

— Он ничего не помнит.

— И не вспомнит.

— Что ж. Пускай учится. Время всё расставит по своим местам.

Глава 5. Зубы ущелья

Молочный туман мягко касался кожи. От этих прикосновений в разные стороны разбегались ярко зеленые искры. Мох под ногами пружинил и чуть потрескивал, искрясь такими же зеленоватыми бликами. Неприкосновенная тишина этого священного места нарушалась искристым треском и размеренным дыханием. Человек. Всё тот же странный человек уверенно шагал к Белому Дереву. Он уже знал дорогу и не боялся заблудиться в клубках этого тумана. Самоуверенный. Но местным обитателям это и нравилось. Возможно, только поэтому он до сих пор находил тропу и выходил под спутанную крону Дерева.

— С возвращением, — проскрипел с боковой ветки ворон. — Мы думали, ты уже не вернешься.

Птица хрипло рассмеялась, но человек не обратил на это внимание. Прошагав мимо, он вплотную подошел к стволу. Положил ладонь на потрескавшуюся светлую кору. Та загудела и завибрировала, отзываясь на прикосновение. Прислонился к ней лбом, когда почувствовал, что дерево потеплело.

Ворон, до этого ехидно посмеивавшийся, резко замолчал и, хлопая крыльями, перелетел на ближайшую ветку.

Дерево гудело. Но человек не обращал на этот гул внимания. Он неподвижно стоял, прижавшись к светлой коре и что-то шептал.

— Не может быть, — просипел удивленно ворон. — Неужто дверь откроет?

В ответ на этот вопрос туман расступился, а в двух шагах от человека показались очертания резной двери. Он улыбнулся и, погладив потрескавшуюся кору, шагнул в сторону двери. Туман дрогнул, рассыпаясь в разные стороны. Поток мягкого желтого света от десятков свечей столкнулся с зелеными искрами и победил. Зелень отступала, уступая место осеннему золоту.

— Растешь, — довольно крикнул ворон, наблюдая за действиями человека.

— Расту, — согласился тот, берясь за проступившую в тумане резную ручку.

В следующее мгновение он потянул её на себя, шагнул и оказался в просторном тереме. С прошлого раза здесь ничего не изменилось. Шелест пряжи смешивался со скрипом прялки. Черный кот всё также спал под лавкой. И лишь свеча у окна сгорела уже на треть. И всё также чадила — как и в прошлый раз что-то ей не нравилось.

— Пришел, — отовсюду послышался мягкий голос.

— Пришел, — подтвердил человек.

Все его внимание было устремлено к скрипящей прялке. Колесо крутилось равномерно, пропуская нить. Но вот веретено отчего-то плясало в разные стороны. И танец этот не предвещал ничего хорошего. Светящиеся нити, тысячами разбегающиеся в разные стороны грозились перепутаться.

— Плохо дело, да? — человек подошел к прялке и присел возле пляшущего веретена.

— Всё относительно, — раздалось в ответ. — Нет ничего непоправимого. Когда есть тот, кто может всё исправить.

— А он есть? — переспросил человек, наблюдая за бегом нитей.

— Кто знает, — порыв ветра пронесся по комнате, чуть не погасив свечу. Та затрещала сильнее и выплюнула в воздух струйку черного дыма.

— Ты. Ты же всё знаешь!

Тихий смех прокатился по комнате. Черный кот зевнул и приоткрыл один глаз. Изумрудная зелень сверкнула во тьме и потухла — кот снова заснул.

— Знать ничего не возможно. Нитей множество. Как они лягут — не предугадать. Ткачи пытаются уложить их в узоры, да не всегда нити слушаются. А иногда напутают, тогда совсем беда. Тогда и нужен ты.

— Зачем? — человек потянулся к одной самой запутанной нити.

Тонкий золотистый луч прерывался в нескольких местах, там, где нить скрутилась в узлы.

— Чтобы исправить, конечно же. Ты можешь. Если захочешь.

Человек слушал, но не понимал, что ему говорят эти стены. Тускнеющий свет притягивал взгляд, как магнитом. Веретено дергалось и плясало в разные стороны, отчего эта нить скручивалась всё сильнее и сильнее. Странно. В прошлый раз всё было спокойно. Человек протянул руку, задумался на мгновение, а потом коснулся крайнего узла. Яркая вспышка зелени ослепила парня. Но он успел заметить как этот узел дрогнул, сжался, а потом раскрутился. Но уже в следующее мгновение поток ледяной воды заставил человека подскочить на месте.

— Подъем, — дружелюбие в голосе Ратора буквально согрело это промозглое осеннее утро.

Часы над головой "будильника" показывали без пятнадцати шесть. Денис подскочил с кровати, ругаясь во весь голос.

— Ты обалдел? Нет, ты нормальный вообще? По голове получить хочешь? — всклокоченный, мокрый и злой Денис со стороны представлял довольно жалкую картину.

— Скажи спасибо, что он тебя разбудил, — послышалось с третьей кровати. Таинственный сосед наконец-то появился. — Если опоздаешь на пробежку, тебя сначала расстреляет Яр, потом Рассвета. И радуйся, если ты не дойдешь до Вергарда. Иначе быть беде.

Однако Дениса это вовсе не успокоило. Никакой благодарности к Ратору он не чувствовал и в помине. А вот злость ядовитой лавой клокотала в груди.

— А вы тут, значит, все такие умные, да? Всё знаете и снисходительно новичка поддерживаєте, да?

Денис не кричал, наоборот. От ледяного спокойствия в голосе по окнам могла пойти изморозь. Но на его соседей это не произвело должного впечатления. Ратор как ни в чем не бывало зашнуровывал кроссовки, а сосед, имени которого Денис так и не знал, листал какой-то учебник. Сообразив, что его праведный гнев остается без внимания, Денис пнул стул, больно ударив ногу, стиснул зубы, чтобы не взвыть и, подхватив полотенце, вышел из комнаты.

Хлопнула дверь. По коридору послышались шаги. Таинственный сосед вздохнул и потянулся.

— Всё же зря ты его водой, — парень отложил учебник, достал кроссовки из-под кровати и принялся распутывать шнурки.

— Он меня бесит! — категоричность Ратора позабавила собеседника.

— Вам вместе жить и учиться, — напомнил тот. — Постарайся найти с ним общий язык. Я не хочу видеть в своей комнате двух оленей, сцепившихся рогами.

— А ничего, что это и моя комната? — возмутился Ратор. — И я тут как бы тоже живу и имею права!

Собеседник Ратора не спеша поднялся с кровати, еще раз потянулся, натянул на ноги белоснежные кроссовки и принялся неторопливо складывать учебники и тетради в рюкзак. В общей сложности минут пять он молчал, Ратор уже и думать забыл о своем возмущении, когда его настиг невозмутимый ответ:

— Ты тут живешь только потому, что Верона твоя сестра. И она попросила меня пустить тебя сюда, чтобы ты не отсвечивал в учительском корпусе. Поэтому у тебя тут прав нет. А вот обязанностей — валом.

— Верона твоя сестра? — вернувшийся в этот момент Денис в изумлении застыл на пороге. — Так тут еще и по благу всё?

— Пошел ты! — Ратор оттолкнул Дениса от двери и вышел из комнаты.

— Мы все сейчас пойдем, — неизвестный парень достал из шкафа светлую толстовку и кивнул Денису.

— Я Вальтер. Одиннадцатый класс. Химик. Будем знакомы.

Протянутая ладонь заставила Дениса по-новому посмотреть на своего соседа. После своей вспышки он уже и не ждал к себе хорошего отношения. Но, как оказалось, ошибся.

— Денис. Будем, — ощущение дежавю накрыло парня с головой. Он вспомнил библиотеку, странного Елизара Филантьевича и понял! Понял, почему с самого начала беседы его не покидало чувство, что он где-то встречал этого парня. Манерой разговора, повадками, интонациями — он очень походил на старого библиотекаря.

— Пошевеливайся, не то опоздаем! — Вальтер подтолкнул Дениса к выходу. — Вергард за это три шкуры с нас спустит и даже спрашивать, как звали, не станет.

Площадь перед главным корпусом заметно пустовала по сравнению со вчерашним днем. Из полутора тысяч учеников сейчас на ней выстроились максимум сотни три. Для кого-то население целой школы, для царичинского лицея же мелочь.

— А где остальные? — Денис шагал рядом со своим старшим соседом и вертел головой по сторонам.

— По комнатам сидят. Малышня просыпается позже. А тут только старшекласники, — ответил Вальтер, то и дело приветствуя кого-то из толпы.

Денис принял такое объяснение и продолжил разглядывать народ. Сейчас, без одинаковой угрюмой формы окружающие люди походили на тех самых обычных подростков, к которым он привык в столице. Заспанные, явно недовольные тем, что приходится в такую рань строиться на зарядку. Денис чувствовал негодование большинства. Хотя были тут и те, кто искренне радовался такому началу дня. Группа подростков, среди которых мелькнул и Ратор. Они общались и громко смеялись, привлекая к себе внимание. Яркая одежда, хоть и не самая модная, надменные взгляды на окружающих — это была самая настоящая школьная банда. Особое внимание привлекла к себе одна девушка — как две капли воды похожая на Верону, только моложе. Черные блестящие волосы, заплетенные в толстую косу. Алый платок на голове, повязанный на манер банданы, казался огненной вспышкой в тумане окружающего утра. Высокая, стройная. Наверняка считалась тут красавицей местного значения. Почему-то Денис ощутил неожиданный прилив неприязни. Девушка повернулась, и уже знакомый колючий зеленый взгляд обжег Дениса. Ей явно не понравилось, что её так бесцеремонно рассматривают. Фыркнув, она отвернулась, а Денис поспешил к своему классу.

Найти их было не сложно — еще вчера он успел познакомиться если не со всеми, то с доброй половиной точно. Но сейчас его больше всего интересовал один ученик. А точнее

ученица.

Ёлька стояла чуть в стороне, о чем-то оживленно беседуя с его соседом по парте. Недолго думая, Денис направился прямо к ним.

— Утро красит нежным взором, — вместо приветствия пробурчал парень.

Двое прервали беседу и недоуменно уставились на Дениса.

— Ну, доброе утро в смысле, — смутился тот. — Как спалось? Как танцы вчерашние?

Он старался не показывать особо выраженного интереса, но по тому, как переглянулись одноклассники, понял, что у него не очень-то вышло.

— Отлично, — начал Саня, расплываясь в довольной улыбке. Тот самый философ-меланхолик, которому выпала честь быть соседом Дениса по парте.

— Обычно, — Ёлька пнула одноклассника в бок и улыбнулась. — Ничего интересного. Таких еще много будет.

Денис почувствовал, как в груди медленной теплотой разливается чувство благодарности.

Между тем Ёлька продолжила:

— Наверняка мыть старинные рекреации было интереснее. Ты встретил дух Бабая?

— Да, конечно, — с гордым видом отмахнулся Денис. — Он помогал мне менять воду в ведрах. Славный малый.

Ёлька рассмеялась. Саня усмехнулся. Денис, довольный собой хотел было продолжить свои заливания, но в этот момент на крыльце Ладогора появились наставники и вся площадь как по команде затихла.

Три фигуры в тумане осеннего утра казались странными пришельцами из потустороннего мира. Туман скрадывал шаги и словно бы расступался перед идущими. Серые балахоны с капюшонами выглядели довольно нелепо, но Денис не рискнул что-то комментировать. Слишком уж чувствовался в воздухе благоговейный трепет перед идущими. Фигуры двигались синхронно. Капюшоны скрывали лица, и невозможно было определить, кто перед ними. Спустившись с крыльца, они остановились. Крайняя справа подняла руку. Легкий взмах и из толпы одиннадцатиклассников отделилась одна ученица и резво побежала на середину площади.

— Школа! Внимание! Зарядку начи-най! — резвый голос девчонки разорвал магию момента.

— И всё? — Денис не смог скрыть своего разочарования, поворачиваясь к Сане.

— Да шаз, — рассмеялся тот, не скрывая своего торжества. — Это только разминка. Десять минут. Самое интересное дальше начнется. Мой тебе совет, повторяй движения.

Денис скептически глянул на товарища, но последовал совету — фигуры, застывшие чуть в отдалении, неустанно бдели за выполнением зарядки.

Как и предсказывал Саня, ровно через десять минут разминка закончилась, и фигуры вновь пришли в движение.

— Интересно, к кому мы попадем, — прошептал за спиной Саня, наблюдая за тем, как разделяются наставники.

Первая фигура подошла к одиннадцатым классам, скинула капюшон и выполнила поклон, отдаленно похожий на тот, что используется в восточных единоборствах для приветствия соперника. Одиннадцатиклассники загудели, приветствуя своего мастера. Высокая блондинка улыбнулась, что-то скомандовала, после чего вся толпа в четком порядке сорвалась на бег и уже через несколько мгновений скрылась за главным корпусом.

— Повезло же, а, — вздохнул Саня. — С Рассветой на стадионе — это не справедливо! В конце концов, они самые старшие. А выполнять будут легкотню!

— Саня, им ЕГЭ сдавать, все силы туда должны уходить, — напомнила парню Ёлька. — Так что все честно.

Саня пробормотал что-то невразумительное и принялся дальше наблюдать за происходящим на площади. Денис нахмурился. Уже в который раз за два дня пребывания здесь у него складывалась ощущение, что он знает окружающих людей. Как будто это были старые знакомые, с которыми они не встречались несколько лет, которые заметно изменились за это время, но от этого не перестали быть узнаваемыми.

Между тем вторая фигура подошла к ученикам десятого класса. Резким движением руки откинула капюшон, и Денис тут же узнал вчерашнего магистра. Яраз в балахоне выглядел на удивление органично. Также как и Рассвета, он подошел к ученикам, и через несколько мгновений толпа скрылась в противоположном от стадиона направлении.

— На плато ушли, — как-то слишком уж печально вздохнул Саня. — Теперь нам конец.

На площади остались только девятиклассники и та самая банда, в которой состоял Ратор — в общей сложности около полусотни человек. Напряженная тишина расплзалась по округе, накрывая каждого, кто попадал в поле её действия. Денис напрягся. Фигура в балахоне медленно откинула капюшон. На миг показалось, что льдистые, светло-голубые глаза блеснули в тумане. Но, конечно же, это было невозможно. Никто из девятиклассников не решился поприветствовать мастера. Этот взгляд не был колючим, как у Вероны. Но почему-то припечатывал к месту намного сильнее. Ощущение силы, исходившее от мастера, порождало одно единственное желание — не нарываться. Денис сглотнул. Ему казалось, что этот взгляд видит не просто ученика перед собой. Он смотрит в самую душу и видит самые темные стороны каждого. Даже без представления Денис понял, что это тот самый Вергард. Отец хозяйки Медногора. Впрочем, это было вполне логично. Такая дочь могла родиться только у такого отца.

Когда первое потрясение от взгляда прошло, Денис, наконец, смог мельком рассмотреть мастера — суровое лицо, словно вытесанное из камня, длинные русые волосы и шрам под левым глазом. Картинка та еще. На конкурсе красоты он вряд ли был бы в числе лидеров.

Стоило этой мысли проскользнуть в голове, как Денис тут же почувствовал обжигающую боль в правом виске.

— Ау! — Денис вскинул руку, растирая ноющее место.

— Какие-то проблемы? — тихий голос мастера раздался над самым ухом. Хотя он продолжал стоять на своем месте, и, казалось, всё также молчал.

Денис вскинул глаза на Вергарда. Тот действительно даже не смотрел в его сторону. Ничего не понимая, Денис пару раз потер висок, с удивлением обнаружив, что боль прошла, как будто её и не было. Равно как и желание допускать странные мысли про мастера к себе в голову.

Вергард так же, как и два предыдущих наставника поклонился и заговорил.

— Я приветствую новых учеников Медногора, Теремка, Левши, Черноозера и Киселя. С этого дня каждое утро я буду встречать вас здесь, и мы будем уходить в горы. Я научу вас слышать лес лучше, чем людей. Я научу вас понимать мир вокруг и использовать эти знания во благо. Я научу вас находить свой жизненный путь и преодолевать препятствия, которые дарят нам небесные пряжи. Научу. Но не всех. Лишь самые достойные из вас смогут дойти до конца тропы. Лишь самые сильные смогут не сломаться. Лишь самые смелые не испугаются.

Те же, кто не справятся с испытаниями останутся за бортом.

Вновь прибывшие ученики переглядывались, не слишком понимая, что им рассказывают. Но задавать вопросы никто не решался. Денис же вновь испытал чувство “расслоения мира”. Как и вчера, на уроке химии, он в какой-то момент понял, что люди вокруг отличаются. Кто-то словно укутан молочно-туманным коконом. Кто-то же, как Вергард, банда Ратора и Ёлька выглядят вполне обычно. Но, как и в прошлый раз времени на то, чтобы задуматься над происходящим не осталось. Вергард скомандовал “В горы!” и вся толпа ринулась по тропинке за своим мастером.

Утренний лес встретил школьников мягким сумраком и тишиной. Растопыренные лапы исполинских кедров пропускали редкие лучи, но этого все же не хватало, чтобы полностью разогнать тьму. Она цеплялась за стволы и коряги, таилась под кочками и пнями и то и дело выползала, погружая в тень целые участки сонного леса. Школьники к удивлению Дениса не галдели, не гомонили, не переговаривались, а сосредоточенно следовали за Вергардом. То ли сказывалось присутствие сурового мастера, то ли потрясение от путешествия в глухую чащу. Тротуар плавно перешел сначала в асфальтовую дорожку, потом в широкую протоптанную тропу. Постепенно тропа сужалась, и Денису было страшно представить, куда дальше заведет эта тропинковая эволюция. Он пожалел, что взял пример со своего соседа и надел новые светлые кроссовки. Пробежка по склонам обещала изрядно их потрепать. Как и самого Дениса. То, что в самом начале казалось легко выполнимой задачей — пробежать пару километров — на деле превращалось в сущую пытку. Денис всегда считал себя если не супер спортсменом, то вполне сносным середнячком в плане физической подготовки. Здесь же он довольно скоро оказался в самом хвосте колонны. Стоит ли говорить, что самодовольная ухмылка Ратора, который обогнал его в первые десять секунд и сейчас следовал за спиной Вергарда, будила в Денисе не самые приятные и теплые чувства. Ёлька, перед которой не хотелось падать в грязь лицом, тоже оказалось ближе к мастеру, чем к нему. Лишь верный Саня пыхтел рядом, периодически стелая и взывая силы небесные остановить это издевательство над бедными детьми.

Легкие горели огнем, глаза слезились, а во рту пересохло. Но останавливаться было нельзя. “Останетесь за бортом” — отдавалось в мозгу при каждом прыжке. Денис этого не хотел. Поэтому бежал. Пусть в хвосте колонны, пусть с трудом передвигая ноги, но бежал. Ветер в ушах даже не свистел — гудел, смешиваясь с хриплым дыханием. Времени разглядывать собратьев по несчастью у Дениса не было. Весь мир сузился до тропинки перед глазами. Только по шумному дыханию по бокам и сзади парень догадывался, что он всё еще не один. Деревья уже давно слились в одну сплошную тень, а остальные ученики — в яркие пятна с разных сторон.

Лес становился все темнее и непроходимее. Тропинка петляла между камнями, то устремляясь круто вниз, то убегая вверх по склону. Кустарник цеплялся за ноги, пни и коряги то и дело норовили прыгнуть прямо под ноги, камни, раскиданные где ни попадя вообще грозили эти самые ноги переломать. В очередной раз перепрыгнув через такой камень, Денис не заметил, что окружающие остановились и со всего духу налетел на спину несчастного Сани. Вскрикнув, оба повалились на землю и покатались вниз.

Стоявшие спереди ученики как по команде отскочили в сторону, уступая этому кубарю дорогу. Ветки и прошлогодние листья впивались в спину, а иголки засыпались за шиворот. Но самое страшное было не в этом. Трава, не прогретая солнцем, была сырой и скользкой, а тропа уходила резко вниз, отчего все попытки остановиться заранее были обречены на

провал.

Выше по склону что-то крикнула Ёлька, со стороны раздался суровый отклик Вергарда. Но Денис не мог разобрать слова. Сердце бешено ухало в груди, отдаваясь молотом в ушах. Саня отцепился от него и, ругаясь, скользил по склону рядом. Сзади из толпы раздался приглушенный испуганный вскрик и в следующее мгновение Денис понял, почему. В нескольких метрах склон заканчивался и начинался обрыв. Денис попытался затормозить, цепляясь за мокрую траву и камни, но сделал только хуже — рука соскользнула, и острый зазубренный край одного из камней распорол ладонь.

Время вокруг замедлилось. Денису показалось, что он наблюдает за всем со стороны. Два удара сердца — Саня дотягивается до торчавшего в стороне пня и прекращает свое падение. Еще два удара сердца — до пропасти остается какая-то пара метров. Один удар — до него долетает крик Вергарда. Еще один — он видит оскал расщелины прямо под ногами. Половина удара — земля под ногами кончается. Он срывается в пропасть.

Воздух под ним прогнулся, принимая парня в свои объятия. Речушка, пробегающая на дне, призывно блеснула серебристой гладью. Денис физически ощутил торжество расщелины — она была готова принять молодую жертву. Давненько никто из человеческих глупцов не попадался. Она была голодна. Она ждала его. И точно не собиралась отпускать.

— Ну уж нет! — зарычал Денис, изворачиваясь в полете.

Каменистый склон ущелья был прямо перед глазами. Из-под земли то там, то тут торчали корни деревьев. Денис изо всех сил попытался дотянуться до одного из них. Пожалуй, если бы не ощущение замедленности, он бы не смог. Но на этот раз фортуна решила улыбнуться ему. Ледяные пальцы схватились за толстую корягу. Тело дернулось и рывком замедлило свое падение, по инерции качнувшись в сторону. Что есть силы Денис сцепил пальцы правой руки, левой пытаясь дотянуться до соседней коряги.

Расщелина оскалилась. Не ожидала она такого поворота. Этот юнец должен был стать достойной платой за проход остальных. И она не намеревалась его упускать!

Порыв ветра подхватил пыль и мелкий лесной сор, бросая его в глаза парня. От неожиданности Денис вскрикнул и, бросив одну руку, кинулся протирать глаза. Тело сразу же дернулось, а единственная коряга, на которую пришелся сразу весь вес, затрещала, угрожая вновь отправить парня в полет.

— Чтоб тебя, — Денис, часто моргая, попытался вновь нащупать ветку. Но рука хватала лишь утренний осенний воздух.

Раскачиваясь на одной конечности, парень спешно соображал, что ж делать дальше. Помощь являться к нему не спешила, а значит, надо было выбирать самому. Кое как сморгнув пыль из глаз, Денис всё таки умудрился найти подходящий толстый корень, который позволил бы ему продержаться еще несколько минут. О большем и речи быть не могло. Нетренированные мышцы уже давали знать о себе болью и дрожью в руках.

Ущелье вздрогнуло. С обрыва вниз на голову парню посыпались камни. Острая крошка нещадно впивалась в пальцы, барабанила по макушке. Денис стиснул зубы и глянул вниз, прикидывая, что с ним будет, если он всё-таки сорвется. Двадцать метров высоты не сулили юному организму ничего хорошего. Камнепад усилился. Время вздрогнуло вместе с ущельем и побежало в привычном ритме. Сразу же навалилась усталость. Руки уже дрожали так, что Денису лишь чудом удавалось удерживаться на корнях. Глянуть вверх, посмотреть идет ли помощь — это было самым верным решением. Но из-за камнепада Денис рисковал лишиться глаз.

Вздыхнув, парень зажмурился и приготовился к худшему. Очередной порыв ветра эхом отразился от каменистого дна речушки — ущелье торжествующе взвыло, готовясь принять жертву в свои когтистые лапы. Пальцы соскользнули с коряги быстро — Денис даже понять не успел, что больше не сжимает шершавую поверхность. Но и падения не было. Ветер вокруг свистел и неистовствовал, швыряя в лицо колючки и землю. Но Денис не падал. Прищурившись, парень огляделся и вздрогнул. Над головой, цепляясь лапами, казалось, вовсе за воздух, возвышался тот самый барс, которого Денис видел вчера утром. Буквально лицом к морде. Зубами он вцепился в капюшон толстовки, который чудом еще не оторвался. Решив больше не испытывать судьбу, парень обхватил шею животного. Барс взрыкнул и каким-то неведомым науке образом пополз вверх. Мощные когти то подцепляли коряги, то впивались в рыхлую землю. Расщелина внизу гудела, не намереваясь отпускать свою добычу. Но хозяин леса был непреклонен. Он забирал человека с собой.

Когда до края обрыва осталась какая-то пара метров, Денис почувствовал, как напряжение последних мгновений могильной плитой наваливается на него. Уже на границе сознания он почувствовал, как сильные руки подхватили его и потащили вверх, на твердую землю. Сквозь забытие он успел разглядеть темную татуировку перед лицом. Еще никогда Денис так не радовался почве под ногами, спиной, головой и остальными частями тела.

— Я вернусь за тобой! — долетел до Дениса далекий вздох. Это было предостережение. Денис это понял. Почувствовал. Но сил на осознание уже не оставалось. Повернувшись, он нашел в толпе Ёлку. В серых глазах одноклассницы затаилась тревога. Улыбнувшись, он хотел было показать ей большой палец, но силы окончательно покинули его и он провалился в темноту обморока.

Шум бегущей воды заставил Дениса разлепить налитые свинцом веки. То самое ущелье, в которое он так стремился не попасть, окружало его со всех сторон. Находясь на самом дне, Денис в очередной раз порадовался внезапному появлению барса. Он как будто в самом деле с луны свалился ему на голову. И вытащил из этой пропасти. Тогда почему прямо сейчас он по щиколотку стоял в бурлящей горной речушке, на дне этого злополучного ущелья, так четко ощущая окружающий мир вокруг? Всплеск где-то сбоку послужил чем-то вроде ответа. Денис пошатнулся и побрел в ту сторону, откуда доносились звуки. Босые ноги скользили по каменистому дну, покрытому налетом из водорослей. Денис старался удерживать равновесие, чтобы не свалиться мешком в воду. Через добрый десяток метров река резко ушла в поворот. Звук всплесков стал четче. Денис поспешил туда же.

Несколько шагов и перед парнем предстала следующая картина — уже знакомый седой ворон сидел на белом валуне и подбрасывал лежащие рядом камешки в воду.

— Явился наконец-то, — каркнул ворон, как только Денис подошел к валуну на достаточное расстояние.

— Я не специально, — пробурчал в ответ Денис, силясь понять, как он тут оказался и что, собственно, происходит.

— Да уж, не специально он, — вновь каркнул ворон и, подцепив массивным клювом камешек, вновь бросил его в воду. Денис присмотрелся — поверхность воды, вопреки законам физики оставалась гладкой.

— А где круги? — удивленно присвистнул парень.

— Где где. Там же, где память твоя, — проворчал в ответ ворон, вновь бросая камешек в воду. И снова никаких кругов.

Денис нахмурился и подошел чуть ближе к валуну. Наощупь вода возле камня была

точно такой же — мокрая, холодная. Тогда почему не было кругов на воде?

Золотистое сияние за валуном отвлекло внимание Дениса.

— А это что? — скорее сам себя спросил парень. Осторожно, чтобы не свалиться в воду, он обошел валун и пригляделся. Тонкая, полупрозрачная золотистая сеть спускалась с щербатой поверхности камня прямо в воду. На самом дне, опутанные сетью, трепыхались мелкие рыбешки. Почему-то, несмотря на крупные для их размера ячейки, они никак не могли выбраться наружу.

Ворон, прищурился желтый глаз, наблюдал за действиями Дениса, изредка издавая хриплые звуки, напоминающие смех.

Денис наклонился, чтобы распутать сеть, но та словно растворилась и пальцы прошли сквозь воздух, так и не подцепив тонкую материю.

— Ничего не понимаю!

Вновь попытался подцепить сеть и вновь потерпел неудачу. Седой ворон, каркнув, рассмеялся во весь голос. Рыбешки, словно почувствовав близость спасителя, затрепыхались сильнее. Одна из них, самая мелкая, что есть силы принялась пробиваться сквозь невидимый барьер. Было в её движениях что-то, что заставило Дениса снова попробовать подцепить сеть, а потом снова, и снова. Парень потерял счет времени, терпя одну неудачу за другой. Но каждый раз, видя страдания живого существа, он принимался за исполнение своей бесполезной затеи с новой силой.

— Не получится так, — ворону надоело смеяться и он, наконец, решил дать этому странному человеку подсказку.

— А как получится? — Денис был раздражен, отчего вопрос прозвучал грубее, чем следовало бы.

— Как как, как вспомнишь, кто ты, — каркнул ворон и перелетел с валуна на раскидистый кедр, стоящий на побережье.

— Кто ты?

— Кто ты?

— Кто же ты?

Гулкое эхо подхватило и понесло вопрос по горам и ущельям, отражаясь от камней и от воды, забираясь в самую душу.

— Кто же ты?

— Кто?

— Кто?

— Кто?

Денис зажмурился. Золотистой сияние внезапно стало жечь глаза, отчего выступили слезы и задрожали руки. Денис зажмурился, чувствуя, как мир вокруг начинает раскачиваться, словно маятник.

— Кто ты? Кто? Кто? Кто же ты?

Эхо становилось все громче, превращаясь в раскаты грома за перевалом. Первые капли упали на лицо и парень не мог понять — это дождь или слезы. Рыбешки в сети затихли, смирились со своей участью. И лишь одна, та самая мелкая, продолжала неистово трепыхаться, всё еще надеясь на спасение.

— Помоги нам, — тихий писк едва коснулся слуха.

Денис зарычал, вновь пытаясь схватить сеть. Она собралась было вновь растаять и пройти сквозь пальцы воздухом, но в последний момент Денис успел заметить тонкий луч,

отклонившийся в сторону. Или это была нить? А может быть, ответ молнии? Не давая себе времени на раздумья, Денис схватился за этот блик света, и сеть дернулась, выпуская мелкую рыбешку на волю. Денис возликовал, готовясь освободить и её собратьев, но в этот миг ущелье вздрогнуло, отчего Денис повалился на спину. Раскат грома нещадно ударил по ушам, а вспышка молнии лишила возможности разглядеть хоть что-нибудь вокруг. Падая, парень успел подумать о валунах на дне. Но в следующее мгновение голова встретилась с одним из них, и Денис во второй раз за этот день провалился в черную пустоту.

Уют. Первое, что почувствовал Денис — это уют. Окружающий мир, пару мгновений назад такой холодный и враждебный внезапно стал мягким и теплым. Казалось, будто его завернули в кокон из пушистой паутины, чтобы грубая реальность не могла пробиться к его измученному последними событиями телу. Размеренная тишина прилипла к ушам, не пуская туда резкие и раздражающие звуки. Денис улыбнулся, довольный таким раскладом. Тихо, тепло, спокойно. На уроки идти не надо, никто не трогает, а главное, не требует вспомнить, кто же он. Как только эта мысль проскользнула в сознании, уютный кокон затрещал, грозя прорваться под натиском размышлений. Денис нахмурился. Такой поворот событий ему не понравился. Поэтому парень постарался выбросить все ненужные мысли из головы, чтобы продлить это состояние покоя на "подольше".

— А я знаю, что ты не спишь! Нехорошо хитрить и притворяться!

Тихий голос раздался над самым ухом. Денис вздрогнул и открыл глаза. Круглолицый старичок в полосатом халате и забавной тубетейке возвышался над кроватью, с интересом разглядывая парня.

Денис окинул взглядом помещение. Побеленный потолок и бледные выкрашенные стены в лучших традициях советского дизайна. Судя по всему, он был в медпункте.

— Вы кто? Санитар? — Денис подозрительно уставился на незваного посетителя.

— Нет, я врач, — рассмеялся старик, отчего круглое лицо забугрилось морщинами.

— Местный? Или из города вызвали? — Денис не удивился, если бы его решили после сегодняшнего происшествия сплавить куда подальше. Кому нужны проблемные ученики?

— Местный, местный, — еще сильнее заулыбался тот. — Самый, что ни на есть. Голова не болит?

— Да нет, уже прошло, — на автомате ответил Денис. — А мне долго тут валяться?

Старичок хитро улыбнулся и отошел от его кровати. Поправил вязаную салфетку на тумбочке, задернул занавеску на окне и со всего размаху запрыгнул на пустующую рядом кровать, смяв подушку-пирамидку.

— Валяться недолго. Скоро на уроки пойдешь. А потом коридоры мыть, — старый врач забавно поболтал ногами в воздухе, а после и вовсе улегся на кровать, сладко потянувшись.

— А коридоры то за что? — вознегодовал Денис. — Я вообще-то пострадавшая сторона! Мне покой нужен!

— Покой, — как-то печально усмехнулся старик. — Покой нам только снится. А коридоры мой, пока дают! Полезное дело. Важное.

Денис в ответ фыркнул, всем своим видом демонстрируя отношение к таким важным делам. Но странный врач, казалось, этого не заметил. Покачиваясь на сетчатой кровати, он с интересом разглядывал белый потолок и, казалось, вовсе перестал замечать окружающий мир. Денис какое-то время с подозрением поглядывал на своего посетителя, но вскоре перестал обращать на него внимание. Мысли, беспорядочно мечущиеся в голове стали приобретать какую-то направленность, медленно стекаясь к странному сну. Ноги только

сейчас стали согреваться после путешествия в ледяной воде. Голова побаливала от удара.

— Ноги согреваются. Насморка не будет. А вот голову в следующий раз береги, — долетел до Дениса веселый голос с соседней кровати. Парень уже собрался было ответить что-то очень умное, как внезапное осознание лишило его дара речи. Это был сон. Сон, про который он никому не успел рассказать.

— Откуда вы? — Денис подскочил с кровати, отчего мир вокруг слегка качнулся.

Но пустая палата ответила ему тишиной. Соседняя кровать была аккуратно заправлена. Лишь на вершине подушки-пирамидки висела нелепая тубетейка.

Глава 6. Трудовые будни

Осень, еще недавно начавшаяся, с каждым днем набирала обороты. Дни сыпались за днями, как пожелтевшие листья с деревьев. Сентябрь пролетел, как будто его вовсе и не было. Казалось, только вчера он приветствовал учащихся на линейке, а сегодня уже уступал место на календаре октябрю. А может быть, дело было в событиях. Мало кто знал, что коварный змей времени начинал крутиться быстрее, как только жизнь вокруг наполнялась интересными событиями. А уж их в жизни Дениса хватало. Новая школа, новые учителя, новые одноклассники и, возможно, друзья. Он так до конца и не разобрался, нравится ли ему в лицее или нет — времени не было. Каждое утро, ровно в шесть часов его будил либо Вальтер, либо Ратор. Последний все также игнорировал соседа, но почему-то продолжал будить. Построение, зарядка, пробежка возвращали парня из сладкого мира Морфея и заставляли окончательно проснуться. После случая с ущельем, на удивление Дениса, они не перестали уходить в горы. Наоборот, получив знатный нагоняй сначала от Вергарда, потом от Вероны, девятиклассники стали заниматься с удвоенной силой. По словам последней ни дождь, ни гром с молниями не могли помешать детям в их благородном порыве оздоравливаться. И дело было вовсе не в сурово-льдистом взгляде Мастера, от которого хотелось убежать хоть в горы, хоть на дно ущелья, хоть куда-нибудь.

После зарядки и пробежки все разбредались по комнатам, по официальной версии готовиться к началу учебного дня. На деле же это было время уборки. Самой настоящей генеральной уборки. Каждое утро перед началом занятий Верона вместе с парочкой дежурных лично обходила все спальни Медногора, инспектируя их на пыль, грязь и мятые покрывала. И пирамидки! О, вот это было самое настоящее испытание на крепость духа. Денис еще никогда не чувствовал в себе столько ненависти к этим безобидным фигуркам, как в первый день проверки.

Третье сентября. Первое утро в комнате после дня в изоляторе. Желание уехать домой, переполняющее и без того раздраженного парня. Дверь распахнулась резко, безаппеляционно и без предупредительного стука. Денис подскочил от неожиданности. Вальтер, видимо привыкший к подобному, даже не шелохнулся.

— Почему не проветрено? — Верона ворвалась в комнату, как вихрь, чуть не сбив стоящего на пути Дениса с ног.

— Так холодно же, — попытался возмутиться тот, предусмотрительно отступив в сторону. — Дождь же идет.

Верона Вергардовна медленно повернулась на голос, припечатывая взглядом к месту.

— Ну ладно, ладно, — Денис попятился к форточке. — Сейчас открою.

— Сейчас ты её должен был уже закрыть, — голос куратора ледяной змеей пополз по воздуху. — А открыть её надо было полчаса назад!

Денис вздохнул и потупил взгляд. За короткое время пребывания в лицее он уяснил, что спорить с Вероной смерти подобно. Женщина кивнула дежурным и принялась за осмотр комнаты. Провела пальцем по книжной полке Ратора, открыла шкафы, суровым взглядом оценила стопочки из одежды, сложенной сгибом наружу.

— Пакетики, — в голосе наставника прозвучало удовлетворение. Каждая вещь, заботливо свернутая, была уложена в отдельный полиэтиленовый пакетик. Когда Вальтер поведал Денису о том, как следует складывать вещи, парень взвыл в голос. Но,

познакомившись с нравом хозяйки Медной Горы, решил не рисковать и послушно разложил и свои вещи по пакетикам.

— Гигиена прежде всего! И санитария! — назидательно заявила Верона. — Мальчики, пойдем. Времени нет.

Судя по всему, инспекция удалась.

Уже на пороге взгляд её упал на кровать Дениса. Двадцать минут парень потратил на то, чтобы сложить стрелку на покрывале. И еще десять взбивал подушку в пирамидку. Но той, видимо, нежности и внимания показалось мало. Верхушка пирамидки, которую Денис так заботливо поднимал, грустно покосилась, склоняясь на левую сторону.

Верона медленно, как в заторможенной съемке развернулась. В зеленых глазах, как показалось парню, вспыхнули настоящие искры.

— Это! Не! Пирамидка!

Влепив комнате двойку за уборку, она вышла, пообещав Денису устроить веселую жизнь.

— Ничего, — успокоил погрустневшего соседа Вальтер. — Дело в привычке. Ратора она заставляла складывать пирамидки с трех лет.

Денис ничего на это не ответил. Но с этого дня проникся к Ратору долей сочувствия.

После уборки следовал завтрак. Еще одна часть глобального испытания на прочность. Утренняя столовая — место крушения надежд и ожиданий. Именно здесь, простояв в очереди после пробежки под дождем и суровой инспекции, как никогда хотелось порадовать себя вкусной едой. Но унылая овсяная каша, комом стоящая на тарелке убивала в учениках весь полет творчества и позитива. А уж манная каша, растекающаяся до краев живописной лужицей, и вовсе рождала желание взвыть в голос. Впрочем, это было лишь дело привычки. К концу сентября Денис с удивлением стал отмечать, что если в манную кашу крошить хлеба и засыпать сахаром, она растекается не так уж и сильно. А овсянку вполне неплохо спасает мёд из пакетиков, которого всегда было в столовой в избытке. Но верхом кулинарного мастерства, конечно же, считалась способность растопить каменный кусок масла ледникового периода над горячим чаем, не уронив его при этом, и размазать его по поверхности серого хлеба. До лица Денис часто перебирал в еде. Но что-то подсказывало парню, что через три года учебы тут, он даже землю сможет есть без возмущения.

Пока Денис отлынивал от учебы в Москве, отец часто пугал его армией. Сейчас же парень как никогда жалел, что ему только пятнадцать и до призывного возраста ждать еще минимум три года. Армия после такого показалась бы раем небесным. Там хотя бы не было учителей. Хотя нет, не учителей. Учителями назвать подобных людей можно было с трудом. Это были звери, но не люди. А точнее демоны. Демоны великого Знания, адепты химии, биологии, математики и географии. Жрецы иностранного и физики. Апостолы физкультуры, русского языка и литературы. Денис даже не подозревал, что можно учить так долго, так много и так усердно. Засесть в шкафу с подсветкой на телефоне за учебником? Легко. Встать в четыре утра, чтобы заучить, доучить и переучить? Да без проблем. Внезапно для себя парень стал замечать, что четырех часов самоподготовки катастрофически не хватает на то, чтобы выучить весь тот объем, который безжалостные преподаватели загружали в неокрепшие детские умы. И если в своей прежней школе парень без стыда и совести пускал учебу на самотек, то тут он себе подобного позволить не мог. И дело было не в угрозе отчисления или в страхе отчитываться перед Вероной за каждую двойку, вовсе нет. Главная причина, в которой Денис себе категорически не хотел признаваться, заключалась в одном

простом слове — гордость. Он меньше всего на свете хотел выглядеть дураком в глазах в первую очередь отца, ну и, конечно же, Ратора, Ёлки и остальных одноклассников. Впрочем, проколы случались. У всех.

Девятое сентября. Урок биологии. За окном серость и сырость. Дождь льет не переставая. Капли равномерно разбиваются о стекло, укачивая, усыпляя, убаюкивая и без того вымотанных девятиклассников. Домашнее задание — признаки живого. Казалось бы, легкая тема. Представь себя, амебу и кактус и найди общее. Ан нет. Мозг, перегруженный потоком информации, отказывается работать. Лиссандра Вергардовна — милый, добрый и чуткий учитель биологии. Сестра Вероны, Ратора и еще части учеников. Денис уже не удивляется местным связям и просто пытается запомнить, какие признаки проявляет всё живое. Момент икс приближается, тонкие пальцы учительницы скользят по списку в журнале, выбирая очередную жертву, которая падет сегодня на алтаре естественных наук.

— Самойлов.

Класс выдохнул и расслабился. Денис откинулся на спинку стула, наблюдая за невезучим одноклассником. Не то, чтобы тема была сложная, нет. Просто, какой бы милой не была Лиссандра, а гены есть гены. Родство с Вероной не прошло даром.

— Ну... у живого есть органы чувств, — запинаясь ответил несчастный Самойлов. Отчаянные попытки подать сигнал бедствия классу с треском провалились в тот самый миг, когда Лиссандра оторвалась от изучения журнала и обвела взглядом класс. Если и было что-то общее у сестер, так это глаза. Ярко зеленые глаза, взгляд которых проникал в самую душу.

"Ну точно наследственное же", — проскочило в голове у Дениса. Лиссандра словно бы услышала эту мысль и кинула на парня смеющийся взгляд.

— Да ты что? — учительница вернулась к опросу Самойлова. — И какие же это органы чувств, не подскажешь?

Класс замер, стараясь не показывать слишком явно начинающееся веселье.

— Ну...

Полный страдания и боли взгляд Самойлова не оставил равнодушным одноклассников. Денис потянулся вроде бы невзначай и потер правый глаз.

— Глаза! — тут же нашелся Самойлов.

— Очень интересно, — кивнула Лиссандра, представляя себе глазастую инфузорию. — Продолжай давай.

Самойлов снова кинул взгляд на откровенно веселящийся класс. Ёлка, сидящая теперь уже на своем месте, чихнула и почесала нос.

— Нос! — радостно воскликнул Самойлов. — Ну то есть это. Обояние.

Взрыв хохота пронесся по классу.

— Очень замечательно. Обоятельный кактус наверняка прекрасен. — Лиссандра не останавливала поток фантазии нерадивого ученика. Наоборот, ей, как и всем, было интересно, во что же он выльется. — Ты продолжай, продолжай.

Класс с трудом успокоился, наблюдая за тем, как Самойлов выйдет из сложившейся ситуации. Один только Ратор не обращал внимания на происходящее вокруг. У него был один урок, чтобы списать английский, чем он сейчас и занимался. Полностью отключившись от внешнего мира, Ратор усиленно выводил заморские буквы в тетради. На секунду задумавшись, парень закусил нижнюю губу и принялся дальше писать. На свою беду, именно в этот момент Самойлов бросил на него свой ищущий подсказки взгляд.

— Губы! — радостно выпалил ученик.

Очередная волна смеха грянула так сильно, что даже Ратор вернулся в реальность. Лиссандра утирала слезы, стоя за кафедрой. Весь девятый "Б" благополучно сползал под парты.

— Садись, Самойлов. И запомни! Губы станут твоим органом чувств, когда ты вырастешь и девушку себе найдешь. А пока учи биологию. Два.

В первые дни Денису казалось, что ему сложно будет привыкнуть к жизни в общежитии. Делить свою комнату, своё убежище и теплый уютный мирок с кем-то посторонним... Пока он жил с родителями, ему виделось это чем-то нереалистичным. Чем-то из разряда научной фантастики или детской сказки. На деле же все оказалось немного не так. Делить комнату с кем-то было не так уж сложно. Сложнее было привыкнуть к общей душевой. Точнее сказать, к общей душевой, работающей три раза в неделю. Три! Раза! В! Неделю! Возмущенный вопль Дениса, раздавшийся в тот момент, когда Вальтер сообщил ему об этом с веселым выражением лица, слышал не только Медногор.

— Подожди! Как это три раза в неделю? О, прошу, скажи, что это розыгрыш!

— Увы. Когда эти корпуса проектировались, почему-то не подумали об этой стороне жизни, — весело пожал плечами Вальтер. За три года жизни в Медногоре он привык к подобному распорядку. И каждый раз искренне забавлялся реакции новичков. Впрочем, Денис со своим негодованием превзошел всех.

— И что же это? В душ только по расписанию? — никак не успокаивался парень.

— Ага. И по очереди, — хмуро отозвался Ратор со своей кровати.

Он только что вернулся из вечернего полового дозора. Как и предполагал Денис, первого сентября одноклассник благополучно сбежал на танцы и не вымыл свою часть коридоров. Результатом стала месячная ссылка, в которой кроме полов прибавился еще и полив цветов. Стоит ли говорить, что настроение у него было ниже плинтуса.

— Как по очереди? — недоуменно заморгал Денис.

— Легко. Хочешь нормально помыться, пропускаешь ужин и бежишь в душ занимать очередь, — все также раздраженно пояснил Ратор и отвернулся к стенке, натянув на себя покрывало с головой. Денис перевел недоумевающий взгляд на Вальтера.

— Все так и есть, — кивнул тот.

— Отлично. Просто отлично. Либо сытый, либо чистый. А что делать, если мне надо в душ в нерабочий день? — Денис уже догадывался, какой ответ его ждет, но надеялся на лучший исход.

— Прорубь. Или умывальник.

Денис вздохнул. Последние надежды на комфортную жизнь рухнули.

"Вторник, Четверг, Суббота с 19–00 до 20–45" — суровая табличка на двери душевой отводила меньше двух часов мужской половине Медногора на банные процедуры. Денис поежился. Он и представить не мог, что в таком сверхмодном, суперэлитном и, конечно же, высокотехнологичном заведении, как Самый-Лучший-Лицей-В-Мире общий душ будет находиться в подвале. Но он пока с ума не сошел от учебы, галлюцинациями не страдал, а значит, все было верно. Душ, старый, с покосившейся скрипящей дверью и сквозняками находился в подвале.

— Да уж, как в лучших отелях мира, — присвистнул стоящий рядом Саня. Судя по его выражению лица, эмоции он испытывал примерно такие же.

— Ну что, рискнем? — Денис собрался с духом, толкнул дверь, шагнул и чуть не упал с

высокого порога.

Он ожидал, что на него пахнет паром и смесью запахов шампуней и гелей для душа. Он даже мог предположить, что кто-нибудь непременно крикнет что-то резкое на открытую дверь. Но чего он явно не ожидал, так это оказаться по щиколотку в холодной воде. Высокий порог не давал ей проливаться в коридор, но тут её было в избытке.

— О нет, — простонал Денис, чувствуя, как противные мурашки побежали по коже. — Она что и из крана такая холодная бежит?

— А я говорил, пропускаешь ужин, занимаешь очередь, мчишь сюда на всех парах, — Ратор, завернутый в полотенце усердно вытирал голову. — В начале вода теплее. Но пусть тебя успокоит, что в проруби она вообще ледяная.

Денис тяжело вздохнул и порадовался, что послушал Вальтера и натянул сланцы. Саня смерил Ратора суровым взглядом, резко развернулся и зашагал прочь.

— Эй, ты куда? — воскликнул Денис. — А душ?

— В умывальник залезу! — с гордо-обиженным видом изрек Саня и вышел, оставляя Дениса один на один в борьбе с холодной водой и очередью.

Дни тянулись медленно. Иногда Денису казалось, что он не доживет до вечера — усталость одолевала так, что хотелось упасть посреди коридора и больше не подниматься. Но Денис терпел. Каждое утро он ставил себе цель дожить до вечера и доживал. Иногда, отсчитывая минуты, иногда не имея времени даже вспомнить, как его зовут. Дни тянулись медленно, но недели пролетали катастрофически быстро. Устав Лицея не позволял ученикам покидать территорию в первый месяц учебы и не разрешал родителям посещать своих детишек. Только звонки. Поначалу Денису казалось, что он в тюрьме. В детской колонии особо строгого режима. Но добрейшие учителя с непреодолимыми горами заданий быстро выбили эти мысли из головы. На них просто не хватало времени. Весь день проходил в режиме подъем — пробежка — уборка — завтрак — учеба — учеба — учеба — обед-учеба-учеба-ужин-учеба — подъем. Денису казалось, что он учит даже во сне. До перехода в Лицей он и не подозревал, что у него такие пробелы в знаниях. Сейчас же это явственно ощущалось, и он изо всех сил старался скрыть это от окружающего мира. Радовало, что он был не один такой. Частенько в соседнем пристеночном шкафу с фонариком заседал Ратор. Вальтер чаще пропадал в библиотеке ночами напролет. Лишь в редкие дни ночных дежурств Вероны все укладывались без десяти десять, чтобы не навлекать на себя гнев куратора за нарушение режима. Уж что-что, а наказания она раздавать умела. Кто-то из-за нерасторопности отправлялся в столовую. Кто-то — мыть спортзал. Кому-то доставалась уборка территории. Нет, жителей соседних корпусов тоже отправляли на трудотерапию, но реже. Гораздо реже.

Ратор был наказан до конца четверти — полы всего Медногора ждали его. Денис с октября должен был составить ему компанию за пресловутые пирамидки. Не то, чтобы парень сильно расстроился. Усталость, накопившаяся за месяц, сделала его апатичным и равнодушным. Он лишь подумал, что ему будет, если он однажды заснет за цветочным горшком? Но всё же надеялся не испытывать этого на себе.

За учебной суетой и бесконечными хлопотами по привыканию-обустройству, Денис не заметил, как пролетел сентябрь. Поэтому, когда на самоподготовке к нему подседа Ёлька с вопросом, что дарить учителям — он немало удивился.

— Васнецов, ты чего? День учителя через неделю. А народ принято поздравлять, —

Ёлька покачала головой в ответ на недоумевающий взгляд.

— А, ну это, конфет там. Гвоздики. Кофе, — попытался напрямь память Денис. В прошлой школе он никогда не задавался подобными вопросами.

— Ты что, это же так банально, — фыркнула Ёлька. Она была старостой класса, и все подобные вопросы решались с её подачи.

— А давайте Вероне каменный цветок подарим! — подал голос Саня с последней парты.

— У нее целая комната, заваленная этими цветками, — не отрываясь от решения квадратных уравнений, бросил Ратор. — На любой вкус и цвет. В последнее время она их даже не вытаскивает, так в коробочках и валяются.

— А может тортик какой девочки сообразят? — продолжил сыпать идеями Саня.

— На утюге? — возмущенный девичий голос заставил Саню вздрогнуть. Пухлая бойкая Свинцова до девятого класса училась в "Киселе", потому считалась главным специалистом в вопросах кулинарии.

— А что? Я яичницу жарил и нормально! — развел руками Саня. — Вам лишь бы отговорку найти. Лишь бы только не делать ничего.

Свинцова покрутила пальцем у виска и вернулась к своему английскому.

— И вообще! Чего я один мучаюсь? Предлагайте вы свои варианты! — Саня включил режим вселенской обиженности.

Вариантов не было. Класс молчал. Каждый усиленно делал вид, что поглощен домашними заданиями.

Ёлька вздохнула. Хоть она и старалась скрыть, Денис заметил, что она расстроилась. Покрутив карандаш между пальцами, парень поднялся и направился к доске. По дороге он стянул с Самойлова, занятого биологией, кепку, но тот даже не заметил.

— Итак, достопочтенная публика, — уверенно начал свою речь Денис. — Негоже нам, славным ледам и джентельменам сидеть, сложа руки, пока одна прекрасная дама отдувается за весь класс!

Парень сделал паузу, дожидаясь, пока каждый обратит на него внимание. Народ оживился. Ученики медленно, с неохотой, но все же оторвались от своих дел. Кто-то смотрел на Дениса с раздражением, кто-то с интересом. Но равнодушных не было.

— Как любит говорить наша несравненная Верона Вергардовна — а сейчас достали полулистки! — волна смеха прошла по классу. Даже Ратор, до этого хмурый и недовольный, усмехнулся.

— И написали свой вариант подарка нашему милейшему куратору. Положим в шапку-невидимку, потом зачитаем!

Денис старался не смотреть на Ёльку, но знал, что она улыбается. Как он и предполагал, несогласных не оказалось. Даже Саня схватился за ручку и принялся составлять целый список возможных вариантов.

— Держи, — через некоторое время Денис вывалил на стол перед Ёлкой кучу свернутых листков. — Выберешь, что по душе. Если еще надо что-то прокатализировать будет, обращайся.

— Спасибо, — Ёлька улыбнулась, сгребая листочки в охапку. — Правда, спасибо большое.

— Да ладно, брось. Это было не сложно, — как от ничего не значащей мелочи отмахнулся Денис. Со всей силой стараясь сдержать довольную улыбку, расплзающуюся на

лице. Все-таки приятно чувствовать себя героем, пусть и сиюминутным.

— Это было неожиданно, — возразила девушка, поднимаясь.

Денис хотел было спросить, с чего бы, но не успел. Ратор окликнул Ёльку, и та убежала помогать ему с дискриминантом.

Неделя перед днем учителя пролетела еще быстрее. Ко всем заботам Дениса добавилось еще мытье коридоров. Каждый вечер перед отбоем парень вооружался ведром и шваброй и воодушевленно шагал намывать линолеум и паркет. Иногда к нему присоединялся Саня. Этот человек вообще рождал в душе Дениса сплошное непонимание. От природы одаренный умом, сообразительностью, а главное памятью он не прилагал практически никаких усилий в учебе. Большую часть времени он либо читал своё любимое фэнтези, либо слушал музыку. О домашнем задании вспоминал аккуратно на перемене. Десяти минут человеку хватало на то, чтобы по диагонали просмотреть параграф или списать примеры. При этом Денис искренне не мог понять, как тот умудрялся после этого выходить к доске и влет решать подобные примеры. Судя по всему, это был принцип сообщающихся сосудов — на Денисе природа слегка отдохнула, на Сане напряглась. Возможно, в этом и была причина сверхлегкомысленности одноклассника. При поверхностном общении он оставлял ощущение человека несерьезного, взбалмошного и безответственного. Но Денис за этот месяц неоднократно успел убедиться — не всё то, чем кажется.

За этими мыслями его и застал вечерний прохожий в коридоре.словно колобок, он выкатился из-за объемной кадки с монстеррой.

— О, вечер-вечерок! А я говорил, что будешь мыть коридоры! — по очертаниям силуэта и голосу Денис узнал странного доктора из медпункта.

— Здравствуйте, — Денис оставил швабру и откинул отросшую челку со лба. В полумраке коридора доктор выглядел серой тучкой. Прищурившись, Денис разглядел все тот же полосатый ватный халат и тюбетейку.

— И ты здоров будь, не болей. Что, провинился, да? Небось, Веронушку разозлил, зверя разбудил, да?

Денис нахмурился. Разговор выходил странный какой-то. Да и доктор этот тоже странный был. Сам по себе.

— Ну... пирамидки, понимаете. Неправильно сложил, — неохотно признался Денис.

Доктор хохотнул и подкатился к Денису поближе. Положил пухлую руку на плечо и заглянул прямо в глаза.

— Ты не буди зверя, ох не буди. Они-то не знают, кто ты, да и ты не знаешь. А как узнаете, так и не поверите. А как поверите, так поздно уже будет, нить далеко уйдет-убежит, распляшется веретено, ой распляшется. И не поможет никто, ни пряхи, ни Макошь сама.

Денис ошарашенно смотрел на своего собеседника не в силах пошевелиться. Он и рад был бы принять это за старческий бред, но слишком уж часто являлось ему это веретено во снах.

— Что? Вы откуда? Вы что в виду имеете? — затараторил Денис, выбираясь из сковавшего его оцепенения.

— Говорю, чтобы пирамидка стояла, книжку под подушку подкладывай. Способ проверенный.

Денис тряхнул головой, стараясь упорядочить мысли. Неужто ему сейчас всё привиделось?

— К-к-какую книжку? — немного запинаясь переспросил Денис.

— Ты кто? Химик? — круглое лицо пошло морщинами от появившейся на нем улыбки.

Денис неуверенно кивнул в ответ.

— Тогда "Начала химии". Хорошая книжка. Мощная!

Доктор похлопал озадаченного школьника по плечу, подмигнул и пошел дальше, насвистывая какой-то незатейливый мотив. Денис постарался собрать мысли в кучу. Сходил вылил ведро, вернулся за шваброй, вспомнил, что не вымыл тряпку, снова набрал воду, вымыл тряпку и вновь вылил ведро. В очередной раз возвращаясь за шваброй, погруженный в свои мысли, он не сразу сообразил, что в окружающем мире стало как-то подозрительно тихо. Оглядевшись, Денис вскрикнул — прямо на него из темноты коридора глядели два горящих знакомой потусторонней зеленью огонька.

— Васнецов! — парень выдохнул. Голос Вероны Вергардовны он бы узнал в любом мире и в любом состоянии. Внезапная усталость накатила на парня вместе с облегчением. Слишком много странностей на него наваливалось в последнее время.

— Есть Васнецов! — устало отозвался Денис.

— Да я вижу, что есть. Ты что тут делаешь? Чего ночами по коридорам шляешься?

— Так полы мою по вашему приказ... указанию, — вовремя спохватился Денис.

— Если ты их будешь мыть в полночь, боюсь, отправлю тебя на утренние дежурства в столовую! — прошипела Верона. — Бегом в кровать!

Денис не стал спорить и бегом отправился в спальню. На ходу он бросил взгляд на часы, которые действительно показывали полночь.

Утро встретило Дениса хмурым взглядом затянутого тучами небосвода. Пелена туч была такой плотной, что солнечные лучи попросту не могли пробиться. Темень вокруг дезориентировала парня.

— Еще ночь! — заявил он Вальтеру и отвернулся к стене.

— Увы, но нет. Подъем и побежали. Тебе еще к Ёльке заскочить на фото нужно, забыл?

Фото. Он уже был не рад своей выдумке с записками. На общем совете лучшей признали идею составить фото коллаж со всеми жителями Медногора. Всю неделю Ёлька посвятила этому действу, поэтому подвести её в последний момент Денис не мог. Хотя и чувствовал себя вареной свеклой. Вальтер же как всегда был бодр и позитивен. В такие моменты Денису хотелось убить соседа по комнате подушкой.

— Оооххх, — взвыл Денис, с неохотой выползая из-под одеяла. На автомате умывшись, он заправил кровать, заложил стрелки на покрывале, и уже хотел было поставить пирамидку, как вдруг вспомнил слова доктора. Потянувшись, он достал с полки увесистый том с химическими знаниями и засунул под подушку.

— Ну надо же, — как-то странно усмехнулся за спиной Вальтер. Но больше комментировать ничего не стал. Поторапливая Дениса, он вытолкнул его в коридор и закрыл комнату. Ратор убежал куда-то еще до их пробуждения, поэтому путь на зарядку они преодолевали вдвоем.

На улице небо казалось еще более хмурым. Резкие порывы ледяного ветра периодически бросали в лицо одинокие капли дождя. Оставалось надеяться, что дождь зарядит после того, как они вернутся с гор. Пожелтевшие-покрасневшие деревья медленно роняли листву на землю, отчего в воздухе разливался запах прелости и сырости.

— Всё багрец, — прокомментировал состояние природы Денис, занимая свое место в линейке. Привычный утренний ритуал начался как обычно. На крыльце Ладогора появились

три фигуры в балахонах, проследовали вниз на площадку, вызвали одного человека для проведения разминки. Денис со скучающим видом разминал плечи, не предавая происходящему вокруг особого значения. Всё было обычно ровно до того момента, как резные двери Ладогора не распахнулись вновь и оттуда не выбежала толпа людей в одинаковых спортивных костюмах. Ученики на построении пришли в движение. Одиннадцатый класс, как по команде развернулся и отошел в сторону, уступая вновь прибывшим место. Десятый класс восторженно приветствовал появившийся народ. И только девятиклассники не понимали, что же происходит.

Толпа между тем сбежала по ступенькам на площадку, очертила круг и заняла место одиннадцатого класса. Было в этих людях что-то очень знакомое. И только когда один из пробегающих повернулся, скинул капюшон и помахал присутствующим, Денис узнал магистра Яра.

— Эй, что происходит? — возмущался за спиной Саня.

— День самоуправления! — довольная произведенным эффектом Ёлька рассмеялась.

Дальше все пошло как по сценарию. Одиннадцатый класс покинул площадку. Три фигуры разделились. Учителя вместе с одной отправились на плато. Десятый класс на стадион. А им опять достались горы. Горы во главе с той самой девицей-копией-Вероны. Денис уже знал, что это третья сестра, но до сих пор нигде не пересекался с ней. Поговаривали, что нрав у нее самый крутой, но Денису верилось в это слабо. Всё-таки, чтобы достичь мастерства Вероны, нужны были долгие годы упорных тренировок. Впрочем, сегодня ему представилась удивительная возможность это проверить.

И он проверил. С самого начала она задала такой темп, что единственной мыслью у всех девятиклассников было лишь одно — дожить до возвращения.

— Вергард должен ей гордиться, — с трудом передвигая ноги по тропе, пропыхтел Саня.

— О да. Ты только Ратору этого не скажи, — у Ёльки, идущей рядом, дела обстояли немногим лучше.

— А почему? — выдавил из себя Денис, закрепляя ногу на очередном валуне.

Это была "Змейка" — самая крутая горная тропа. Они взбирались вверх почти под прямым углом, то и дело преодолевая валуны и коряги, торчащие из земли.

— У них вечное соперничество. Семейные разборки, — Ёлька соскользнула с очередного валуна, но Саня быстро среагировал и успел подхватить её.

— Спасибо большое, — благодарно улыбнулась Ёлька. У Дениса от этой улыбки, адресованной не ему все внутри сжалось.

"Ревнуешь", — ехидный внутренний голос раздался в голове.

"Вот еще. Мы просто одноклассники", — возмутился Денис.

Внутренний голос замолчал, но почему-то Денис не был уверен, что это надолго. Но времени на самокопание не было — группа уже отошла на значительное расстояние. Спускаться со склона было намного легче. Денис возрадовался, когда тропа пошла вниз. Почти под таким же уклоном, с еще большими валунами и корягами. Но всё же вниз.

Девятиклассники приободрились, радуясь почти завершённой пробежке. Аккурат в этот миг небо над их головами устало держать всю накопленную воду в себе. Крупные капли со стуком разбивались о валуны и головы учеников. И без того не слишком светлое утро помрачнело в разы. Сверкнула первая молния. Ударил гром, эхом разнесшийся по округе.

— Все на бег! — скомандовала младшая Верона.

Никто даже возмущаться не стал. Резко сорвавшись с места, девятиклассники побежали. Разрозненно, разобщенно, грозя столкнуть каждого нерасторопного соседа, вставшего на пути. Денис, Саня и Ёлька порадовались своей медлительности. По крайней мере сейчас они могли не бояться, что будут затоптаны. Дождь все усиливался. Одежда промокла практически сразу. Модные кеды Сани промокли следом. Немногим дольше продержались кроссовки Ёльки и Дениса. Тропа под ногами превратилась в жижу — скользкую и опасную. Мир вокруг потемнел настолько, что дальше вытянутой руки ничего было не разглядеть. Спасали частые вспышки молний, освещавшие путь.

— Это какое-то сумасшествие, — огибая очередной выскочивший из-под земли валун прокричал Денис.

Ёлька бежала молча. Пару раз, при особо ярких отсветах, Денис замечал, что губы девушки беззвучно шевелятся, словно она разговаривает сама с собой. Саня стонал и стонал при каждом ударе грома. Из-за эха, гуляющего по горам, казалось, что раскаты грома не прекращаются ни на секунду. С каждым мгновением земля под ногами раскисала всё сильнее. Денис чувствовал, как грязь налипает на подошву, затягивая, заставляя увязать все сильнее. Очередная вспышка высветила исполинский раскидистый кедр, выросший прямо на пути троицы. Не сговариваясь, они кинулись врассыпную.

На какое-то время Денис потерял своих друзей из виду. Темень в сочетании со всё усиливающимся ливнем не давали ему возможности остановиться и оглядеться. Самое первое, что он усвоил, находясь в горах — не стоит находиться в горах во время дождя. Так спокойнее для организма. И поэтому Денис бежал. Он знал, чувствовал, что и остальные не останавливаются. Добраться до корпуса сейчас стало главной задачей. И они её выполняли. Тропа чуть выпрямилась, бежать стало в разы легче. Денис ускорился, насколько это было возможно. Привыкнув к вспышкам, он то и дело огибал валуны и деревья. Пока очередной отсвет не заставил его резко отпрянуть с тропы. Прямо на него в нескольких метрах впереди смотрело нечто. Волкоподобное существо с горящими злобой ярко-зелеными глазами. Голова взорвалась волной боли, перед глазами замелькали искры.

— Да что ж ты стоишь на дороге-то, — Ёлька, появившаяся не пойми откуда, схватила его за руку и потянула вперед.

— Нельзя, там, там... — Денис попытался остановить подругу, бегущую прямо на страшное нечто.

Но следующая вспышка молнии осветила пустую тропу.

Глава 7. Дети подземелья

Из-за дождя администрация лицея пошла на беспрецедентные меры — ученикам разрешили явиться на уроки на час позже, да еще и душ открыли вне графика. Больше всех этому радовалась Ёлька — как всегда для подготовки сюрприза не хватило ровно одного часа. И сейчас девушка вместе с подружками в срочном порядке дорисовывала, доклеивала и прочие до-, чтобы порадовать их строгого куратора.

Денис не рискнул соваться в душ, а потому ограничился умывальником и горячим чаем. После пробежки он остался в комнате в одиночестве. Ратор так и не появился, но что-то подсказывало Денису, что добрая сестра вновь отправила его на трудотерапию. Несчастный умудрился получить три двойки кряду и теперь, скорее всего, отдувался в столовой. Вальтер же убежал сразу после пробежки вершить великие дела. Сегодня ему выпала честь на один день стать хозяином Медногора. Ответственность это подразумевало немереную, поэтому Денис искренне сочувствовал несчастному. И радовался, что его миссия закончилась в тот момент, когда Ёлька сделала его фото и осталась довольна результатом. По всему выходило, что у него был целый час на то, чтобы просто отдохнуть. Впервые за месяц с небольшим можно было никуда не торопиться и просто расслабиться. Денис воодушевленно потянулся на кровати.

Дверь распахнулась резко, но Денис даже не пошевелился. Ежедневные проверки приучили его не подскакивать при каждом резком звуке.

— Васнецов, подъем! Родина ждет!

Вальтер влетел в комнату, стаскивая Дениса с кровати.

— Да ты обалдел, что ли? — возмутился тот. — Что за спешка? Медногор горит?

— Хуже! — Вальтер, не сбавляя темпа, начал выкидывать вещи из шкафа, подбирая нужную одежду. — Данара на пробежке подвернула ногу, теперь мне срочно нужна замена на учительскую проверку комнат, а заменять не кем. Все при деле.

— Данара? Это кто? — Денис уже прикинул, что вариантов отвертеться от этого занятия нет. С другой стороны, попасть в святая святых, в учительские спальни Ладогора мечтал, наверное, каждый второй ученик Лицея.

— Ну Верона младшая, или как ты там её называешь, — Вальтер скептически оглядел бирюзовую рубашку, приложил к ней темно-синий галстук и отбросил его в сторону.

— У меня изумрудный есть, — Денис подошел к шкафу и вытащил оттуда коробочку с галстуком и протянул другу. — Можешь себе оставить, я все равно подобное не ношу.

— Это пока, — усмехнулся Вальтер, с благодарностью принимая коробочку. — Ты уже собрался? Быстрее давай, проверка через десять минут.

— Вальтер, ну пожалей меня, — заканючил Денис. — От одной мысли, что опять придется выползть под этот ливень, мне хочется стать черепашкой, залезть в свой домик и не высовываться!

Для большей убедительности Денис попытался изобразить этот процесс руками. Вальтер усмехнулся, облачаясь в рубашку.

— Не переживай, мы по переходу пойдем. Не намокнешь, сахарный ты наш, не растаешь.

— По какому переходу? — воодушевился Денис.

— А ты разве не знал? Все корпуса связаны между собой подземными переходами. По

одному из них мы и пойдём сейчас. Давай, собирайся!

Одиннадцатиклассник уже завязывал галстук. Денис присвистнул от такой перспективы и кинулся к шкафу. Облачившись в костюм в рекордно малые сроки, он кое-как пригладил торчащие в разные стороны волосы и выскочил в коридор.

На удивление Дениса, они пошли не в подвал, как он предполагал, а наверх.

— Вальтер, скажи, а здесь подземные переходы располагаются не под землей? — ничего не понимающий Денис разглядывал чердак. Полумрак, царивший тут, был настолько густым, что Вальтеру пришлось включить фонарик на телефоне.

— Конечно нет. И ходим мы на самом деле кверху ногами. И вообще всё, что ты видишь на самом деле иллюзия, — абсолютно серьезно ответил Вальтер.

— Подержи! — староста вручил Денису свой телефон с подсветкой и принялся возиться с замком.

Через несколько мгновений послышался щелчок, и Вальтер гостеприимно распахнул дверь на очередную лестницу.

— И всё? — разочарованно вздохнул Денис. — А где же Чудище Трехголовое, охраняющее вход в пещеру с сокровищами?

— Подожди, сейчас встретишь, — улыбнулся Вальтер. — Как только в комнату Вероны зайдешь.

Денис задумался, спускаясь по пыльным ступеням. Судя по всему, сюда никого не отправляли в трудовую ссылку.

— Верона — это одна голова, а остальные? — пытался решить загадку Денис.

— Ну так Лиссандра и Данара же, — отозвался Вальтер, который шел впереди, освещая путь.

— Да ну нет, Лиссандра не чудище, ты что. Она добрая же. Ну, по сравнению с остальным семейством.

— Да? Это пока ты не перепутал кислоты в цикле Креббса или последовательность нуклеотидов в аланине, — усмехнулся всё знающий Вальтер.

Денис спорить не стал. На его счастье, подобных ужасов они еще не проходили.

Лестница закончилась. Повозившись с еще одним замком, парни оказались в подземном переходе. Запах сырости, висевший в воздухе плотным слоем, заставил Дениса пару раз чихнуть. Серые стены с редкими светильниками навевали мысли о катакомбах и подземных пещерах. Денис с интересом огляделся и поежился — температура воздуха была довольно низкой.

— Да, тут не очень уютно, — Вальтер заметил реакцию товарища.

— Мягко говоря, — согласился Денис.

Несмотря на холод и сырость, не это настораживало его. Враждебность. Настороженность. И тревога. Всё это словно висело в воздухе вместе с сыростью и затхлостью. Где-то впереди послышался всплеск. Вальтер то ли сделал вид, что не услышал, то ли действительно не услышал и зашагал вперед. Денису ничего не осталось, как верно последовать следом.

Он пытался прикинуть, какая часть двора сейчас находится над ними, но получалось не очень, и вскоре Денис оставил эту затею.

Коридор пошел под уклон вниз. Судя по всему, они уходили еще дальше под землю. Денис хотел было поинтересоваться, но Вальтер опередил его.

— Подземные лаборатории Ладогора. Мы их обходить сейчас будем.

Денис вспомнил, что действительно в главном корпусе была парочка каких-то новомодных аудиторий, куда им, как малышне, пока доступ был запрещен.

Температура воздуха упала еще на пару градусов, и Денис начал жалеть, что не оделся теплее. Внезапный треск отвлек его от мыслей о замерзающих конечностях. Тихий, но монотонно-размеренный. Он то усиливался, то становился едва различимым. Денис напрягся. Было в этом звуке что-то знакомое. Парень попытался определить источник, но не вышло. Казалось, что он исходит из самих стен.

— Вальтер, а что это за звук?

Вальтер замер и медленно повернулся.

— Какой звук? — в удивленном взгляде было что-то, что заставило Дениса усомниться в его искренности.

— Мы пришли, кстати.

Щелкнул замок и в следующий миг из раскрытой двери на Дениса полился поток тепла и света.

Учительские спальни Ладогора оставались тайной за семью печатями для большинства учеников на все годы обучения. Каждый лицеист мечтал пройти суровый отбор фортуной и оказаться здесь на день самоуправления. Потому, Денис не верил в свою удачу и сейчас даже пару раз щипнул себя за ногу, чтобы удостовериться в реальности происходящего. Поток мягкого электрического света из старых плафонов разгонял серость и полумрак дождливого утра. Просторный холл с весело потрескивающим камином был наполнен теплом и ароматом кедровых шишек. Высокие арочные окна, украшенные витражами, напомнили Денису царицынскую библиотеку. Он хотел было поделиться наблюдением с Вальтером, но тот, не теряя времени, зашагал к лестнице.

Мраморные ступени с резными перилами цвета слоновой кости гармонировали с золотистыми гобеленами на стенах. Денис присмотрелся и отметил, что вензеля на перилах повторяют рисунок лепнины и загогулины подрамников, развешенных на стенах с репродукциями знаменитых картин. В стилях и течениях Денис разбирался слабо, но богатство и величественность внутреннего убранства Ладогора отметил сразу же. Пока они поднимались на второй этаж от завитушек, блеска золота и чистоты ступенек начало рябить в глазах.

— Такое чувство, что по Эрмитажу идешь, — Денис не смог сдержать комментарии.

— А ты и идешь, — еле слышно отозвался Вальтер. Но Денис его услышал.

— Вальтер, ну где вы ходите?

Из-за угла им навстречу вышла высокая стройная блондинка — девушка Вальтера. Денис видел её несколько раз, когда она просила Ратора передать что-то другу. Кажется, она была старостой Теремка.

— Привет. Искал Данаре замену, — Вальтер коротко кивнул её сопровождающим — таким же выпускникам. — Это Денис, он поможет.

Блондинка одарила Дениса прохладным взглядом, от которого тот почувствовал себя инфузорией.

— Ну если ты так считаешь... — медленно протянула она. Денису показалось, что его накололи на две сосульки — таким выразительным был взгляд блондинки. Парни за её спиной усмехнулись, как бы поддерживая общее мнение.

— Считаю, — ответный взгляд Вальтера был не многим теплее. — А теперь пойдем, времени нет. Этот дождь все перевернул.

Денис почувствовал, что общее напряжение и недовольство сошло на нет, так и не достигнув пика. Блондинка хотела было что-то возразить, но не решилась спорить с Вальтером. Потому лишь кивнула и, взметнув вихрь светлых волос, зашагала вперед.

Спальный корпус учителей Ладогора располагался в двух задних башнях и чем-то походил на гостиницу. Из общего холла в разные стороны разбегались коридоры, где и находились спальные комнаты. Хотя, комнатами назвать это было сложно — на взгляд Дениса это были самые настоящие квартирки. Зачастую, там жили не только учителя, но и их дети, мужья и жены и даже родители. И все они являлись работниками Лицея. Из пояснений Вальтера Денис понял, что главное правило Лицея — не просто работать, но и жить в нем. "Школа — это дом родной", — для сотрудников Лицея эта фраза имела самое прямое значение. Отвечая на расспросы Дениса, Вальтер не без удовольствия поведал о старой доброй традиции, уходящей своими корнями во времена основания Лицея. Первый директор Валентин Ткач, основавший тут школу для детей декабристов, вписал это правило в Устав Лицея первым пунктом. И вот уже почти двести лет оно неукоснительно соблюдалось всем преподавательским составом. С одной стороны это напоминало режим "невъездных", а с другой — семьи преподавателей пользовались рядом привилегий. В том числе и в вопросах обучения собственных детей. Денис слушал это вполуха, больше всего его заинтересовала личность первого директора, а точнее — его фамилия.

— Валентин Ткач, говоришь. А наша Ёлька не родственница ему, случайно? — поинтересовался Денис как бы невзначай.

Но по хитрому прищурю Вальтера понял, что тот его раскусил.

— Именно так. Ткачи были директорами лицея всегда. Это тоже в уставе прописано.

— Но сейчас же директор Витор Витольдович Ткаченко... — Денис нахмурился, что-то прикидывая в уме.

— Ну, и что тебя смущает? Украинская вариация фамилии. Во времена революции такое встречалось сплошь и рядом, — пожал плечами Вальтер. — Это дядя Ёльки со стороны матери.

Денис потряс головой. Что-то в этой истории не укладывалось.

— А фамилия тогда как же? Или... — глаза Дениса округлились.

— Нет, нет, — поспешил успокоить его Вальтер. — Никаких родственных браков. Просто у Ткачей всегда сохраняется фамилия. Традиция такая, понимаешь. Хоть от матери, хоть от отца — без разницы.

— Странная традиция, — удивился Денис.

— Древний род, древние правила, — резюмировал Вальтер.

За разговорами они добрались до первой спальни. Денис почувствовал разгорающийся в груди азарт. Сегодня ему представилась возможность на краткий миг почувствовать себя сильным Лицея. Вальтер постучал в дверь — проверка комнат началась.

— Пыль на плафоне!

— Где стрелки на покрывале?

— Почему одежда не в пакетиках?

— Как это, не было времени заправить кровать?

Денис поначалу побаивался делать замечания своим учителям, которые уже завтра могли бы все это припомнить. Но, глядя на бесстрашного Вальтера, выставяющего двойки за чистоту направо и налево, очень быстро вошел во вкус. Учителя же, на его удивление, не то, что не обижались — радовались подобному течению событий. Оправдания, который

слышал Денис настолько походили на их собственные, будто их специально записывали и заучивали к этому дню. Комната за комнатой, ученики выискивали пыль, фантики и не заправленные кровати. Всеобщее веселье наполняло коридоры. Денис уже не скрывал своей довольной улыбки, заходя в очередную спальню.

— А он что тут делает? — женский голос, наполненный высокомерием и возмущением, ворвался в нежные барабанные перепонки Дениса. Тот скривился, словно от зубной боли и прищурился. Верона-младшая сидела на кровати с забинтованной ногой и недружелюбно смотрела на вошедших парней.

— Тебя заменяет, — спокойно ответил Вальтер и принялся инспектировать комнату.

Денис же замер на пороге, удивленный таким недружелюбным приемом.

— Так и будешь тут стоять? — из второй спальни появилась Лиссандра.

Следом за ней вышла и хозяйка Медногора. Удивительно, но в спортивном костюме и домашних тапочках она выглядела не такой суровой и холодной. Или это близость сестры сказывалась благоприятным образом? Мягкий взгляд Лиссандры приободрил Дениса и тот решительно шагнул в преподавательскую спальню. Полумрак, царивший в комнате, перемешивался с горьковатым ароматом можжевельника — по стенам были развешаны разнообразные фигурки, вырезанные из этого дерева. Над каждой кроватью висел массивный ловец снов — рыжий и черный, на каждой тумбочке по ночнику — в тон ловцам. Поэтому Денису не составило труда понять, где чья кровать. Тяжелые лоскутные шторы на окнах приглушали шум дождя, отчего в комнате царило лишь тихое шуршание. Денис подошел к подоконнику, убедился в отсутствии пыли и отошел к шкафу. Провел пальцами по поверхности, удостоверился в чистоте и тут. Открывать шкаф парень не решился. В конце концов, несмотря на день самоуправления, тут жили две женщины. А столкнуться с разнообразием женского гардероба лицом к лицу Денису явно не хотелось.

— Ну, тут порядок, — с важным видом резюмировал Денис. — Осталось проверить кровати и пирамидки!

Первой стояла кровать Лиссандры. Идеально ровная стрелка на покрывале, упруго взбитая подушка с забавной кисточкой на вершине. Четкость и правильность удивительно гармонировали с мягкостью и неким озорством. Денис отметил про себя, что и сама Лиссандра отлично сочетала в себе эти качества.

— Лиссандра Вергардовна, идеальная пирамидка, — похвалил своего учителя Денис. Та в ответ довольно рассмеялась и подмигнула Вероне.

— Видишь, все же я укладываю пирамидки лучше!

— Ну это мы сейчас посмотрим, — усмехнулась Верона, стоя в дверях и внимательно наблюдая за действиями Дениса.

Тот было смутился от такого внимания к себе со стороны двух главных учителей, но быстро взял себя в руки и шагнул к кровати Вероны, скрывшись за удачно стоящим шкафом. Если у сестры во всем преобладали рыже-коричневый тона, то тут в основном доминировали темные — черный, синий, зеленый. От кровати по стене расползлся рисунок дерева, отчего на ум приходила стойкая ассоциация с птичьим гнездом.

"Лиса и Ворона", — некоторые именно так называли сестер Геро за спиной. Те, судя по наличию картинок из этой басни на стенах, прекрасно знали об этом прозвище и не стеснялись подшучивать над собой.

Денис проверил покрывало и повернулся было к подушке, как почувствовал легкий пинок в ногу. Опустив взгляд, парень охнул — маленький седовласый и седобородый дедуля

с озорными глазами показал ему на пирамидку, потом приложил палец к губам, призывая к тишине, и без разбега запрыгнул на подушку. Та прогнулась под тяжестью дедули, отчего верхушка пирамидки уныло покосилась на левую сторону. Старичок еще раз показал Денису соблюдать тишину и, подпрыгнув, забрался на шкаф, за которым стояла ничего не подозревающая Верона.

Денис сам не понял, что его остановило от восклицания — то ли внезапность, то ли полнейшая нереальность происходящего. Глядя на старичка вспомнились бабушкины сказки про домовых и леших. Те же лапти, потертая одежда и седые кудри. Не хватало только русской печки и дремлющего кота поблизости. Старичок, словно прочитав мысли Дениса, показал ему большой палец и замотал ногами.

— Васнецов, ну что там?

Верона Вергардовна, находясь все так же в дверном проходе, напомнила Денису о своих обязанностях. Шкаф перекрывал ей видимость, а значит, эту сцену она явно видеть не могла. Денис собрался с духом и, вспоминая её тон в первый день проверки, вышел из-за шкафа и выдал:

— Это! Не! Пирамидки! Двойка вам, Верона Вергардовна!

По вытянувшемуся лицу куратора он понял, что произвел небывалый эффект. Резко оттолкнувшись от дверного косяка, она кинулась к кровати. В этот момент старичок, сидевший на шкафу, ловко спрыгнул на пол. В комнате раздался глухой звук от падения чего-то тяжелого и топот маленьких ног. Денис слышал его раньше, но теперь наконец, увидел, кому он принадлежит. Не дожидаясь, пока Верона поймет, кто виноват в порче пирамидки, Денис выскочил сначала из спальни, а потом и из квартирки сестер Геро, стараясь не упустить из виду убегающего старичка.

— Эй! — услышал он за спиной голос Вероны младшей, но, не обращая внимания, кинулся вслед за домовым. А в том, что это именно он, парень уже не сомневался.

В пустых коридорах топот маленьких ног разносился эхом, путая Дениса. Вот он был уверен, что слышит его справа, а в следующее мгновение он уже раздавался за спиной. Несколько раз Денису приходилось останавливаться и вслушиваться, чтобы определить направление. Несмотря на с виду преклонный возраст, домовый обладал небывалой прытью. Денис после месяца ежедневного бега по горам с трудом успевал за ним. А уж представить, что было бы, не изнурая он себя ежедневными тренировками, было вообще легко — домовый попросту скрылся бы из виду за первым же углом. Но Денис не собирался сдаваться без боя. Внутренний голос подсказывал ему, что именно домовый стал причиной его ссылки на полomoйку.

Поглощенный азартом погони, парень не заметил, как вновь оказался в подzemелье Ладогора. Только когда впереди послышался тот самый монотонный треск, так часто являвшийся ему во снах, Денис опомнился и осмотрелся. Этот коридор они явно не проходили вместе с Вальтером. Вместо привычного кирпича стены тут были выложены крупными валунами, поросшими густым и темным мхом. Звук капающей воды отражался от стен и смешивался с размеренным треском. Знакомого топота нигде не было слышно. Денис поежился. Несмотря на то, что тут было не так уж и холодно, по спине побежали неприятные мурашки.

Треск то затихал, то накатывал с новой силой. Полумрак пульсировал вместе со звуком. Денис оглянулся в надежде понять, где же он очутился, но сзади раскинулись лишь ответвления коридора, в котором он сейчас стоял. Он даже не помнил, из какого его

принесло. Не придумав ничего лучше, Денис зашагал вперед. Туда, откуда раздавался этот самый треск.

Коридор уходил все глубже и глубже в подземелье. В скором времени изо рта стали вырываться облачка пара. Денис чувствовал, как холод пробирается под костюм. Ему казалось, что он идет бесконечно долго, но часы показывали, что прошла всего лишь пара минут. Треск, который по подсчетам Дениса должен был усилиться, оставался все таким же далеким и тихим. Зато со стороны одного из многочисленных ответвлений послышался тихий смех и тот самый знакомый топот. Денис, не раздумывая, свернул туда.

Коридор резко пошел вверх, одновременно сужаясь. Сырость уступила место теплу, потрепанные старые светильники сменились новыми плафонами с энергосберегающими лампочками. Несмотря на те же валуны, от мха не осталось и следа. Казалось, что камни были начищены до блеска специальным мохоотталкивающим составом. Топот впереди прервался. Послышался тихий скрип. Хлопнула дверь. Денис добавил шагу, пригибаясь — коридор не только сужался, потолок заметно опустился. Здесь явно ходили люди нестандартного роста.

— Или домовые, — пробормотал себе под нос Денис.

Словно подтверждая его слова, на пути встретился дырявый лапоть детского размера. Видимо, потерял тот самый убегающий дедуля. Денис по наитию подобрал лапоть и продолжил путь.

Резная дубовая дверь выросла перед носом словно бы из воздуха. Денис резко затормозил, чтобы не впечататься в нее лбом. Несколько секунд он раздумывал, стучать или нет, но что-то его остановило. Собравшись с духом, он толкнул дверь. С тихим скрипом та отворилась, пропуская Дениса внутрь. На мгновение он замер, не веря своим глазам. Просторная комната с настоящими русскими печками разного размера, цвета и даже формы предстала перед его взором. Куда ни глянь, всюду сновали седовласые дедули, не обращая внимания на незваного гостя. Денис протер глаза, поморгал, попытался вспомнить, точно ли он проснулся — настолько нереальным казалось ему увиденное.

— Быть такого не может, — пробормотал Денис, отступая назад к дверям.

Домовые же, казалось, ничуть не удивились появлению подростка. Подобно муравьям они сновали туда-сюда, не прекращая выполнять свою работу. Кто-то чистил кастрюли, кто-то штопал шторы, кто-то тащил лавки-скамейки, видимо, на ремонт.

— Эй, юнец, а тебя кто прислал? Вальтеру опять горшки цветочные понадобились?

Сурово сдвинув кустистые брови, поинтересовался пробегающий мимо старичок. Лысина на макушке блестела в свете лампы как начищенный самовар. А надутые щеки делали его похожим на хомяка.

Денис растерялся, насколько это было возможно в подобной ситуации. Он пытался решить, что его поразило больше — то, что в данный момент он разговаривал с настоящим домовым, в существование которого не верил еще час назад. То, что этот домовый каким-то образом узнал, что он знаком с Вальтером. Или же то, что сам Вальтер, как оказалось, знал этих милых существ. Не найдя, что ответить, Денис лишь развел руками.

Домовой заметил в руках Дениса лапоть и затопал ногами от возмущения:

— Ух, Потеряшка! Снова лапти порастерял! Говорил я ему, веревки пришей, а он слушать не хотел! Ну я ему устрою!

Домовой убежал куда-то в сторону дальней печки, потрясая в воздухе кулаками. Денис так и остался стоять на месте, пытаясь переварить увиденное.

— Эй ты, — откуда-то сбоку раздался тихий свист. — Лапоть-то отдай! Тебе он все равно маленький!

Денис присмотрелся и разглядел в тени угла того самого домовенка, который устроил представление в комнате Вероны. Хоть с виду они и были все на одно лицо, при ближайшем рассмотрении отличия бросались в глаза. Этот, несмотря на морщины и седые волосы, выглядел значительно моложе своих собратьев. С заискивающим взглядом он стоял в углу, изредка прислушиваясь к топоту пробегающих мимо домовых.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А ты мне что? — прищурившись, поинтересовался Денис и заскочил в тень.

— А я тебя в корпус выведу, — глаза домовенка хитро заблестели. — Сам ты никогда отсюда дорогу в Медногор не найдешь. Сгинешь у Черноозера и поминай, как звали.

Потеряшка почесал нос-картошку и заглянул Денису в глаза.

— Ну что, договорились, а? Меня Старшой на горох поставит за потерянный лапоть. Это уже третий за неделю, больше никак нельзя.

Денис, немного привыкший к странной ситуации, задумался. Лишиться единственного доказательства существования домовых ему не хотелось. С другой стороны, остаться навечно в подземельях хотелось еще меньше.

— А ты на вопросы мои ответишь?

— Ну нет, — обиженно засопел домовый. — Один лапоть — одно одолжение. Таков порядок.

Денис снова призадумался, вспоминая сказки, что читала ему бабушка в детстве. Там герои всегда находили какой-то подвох, лазейку. Домовенок нетерпеливо ждал решения и Денис, наконец, ответил.

— Хорошо. Тогда выведешь ли ты меня на поверхность, отвечая на мои вопросы разные, домовый-батюшка?

Денис не знал, откуда в его голове возникли подобные формулировки, но звучание ему понравилось. Как раз в духе ситуации вышло. Домовый почесал седую голову.

— Но... один лапоть — одно действие же, понимаешь? Ты уж решай вести, или отвечать?

— Вести, отвечая. Это деепричастие, несовершенный вид. Дополнительное действие, продолжающее основное, понимаешь?

Судя по тому, как Потеряшка захлопал черными глазами-бусинками и напряженно засопел, он не понимал совсем ничего. Но рассудить мог только Старшой, к которому идти в одном лапте было никак нельзя. Махнув рукой, домовый согласился на условия школьника.

Денис вышел, придерживав резную дверь для домового. Тот поблагодарил и уверенно затопал по коридору. Какое-то время Денис шел молча, пытаясь сообразить, какой же вопрос задать первым.

— А вы это, ну, правда существуете? — так и не придумав ничего оригинального, спросил Денис.

— Ну ты ж нас видел. Существуетем, живем, жилища охраняем. Все по Уставу.

— А почему я вас раньше не видел? — не унимался Денис.

— Ну так не хотел видеть, вестимо. Хотел бы, давно уже повстречал бы своего домового.

— А у меня он тоже есть?

Денис подождал, пока остановившийся домовый натянет лапоть на ногу.

— Домовые есть везде, где есть домашний очаг. Жильцов может не быть, а домовый будет. Иначе кому ж жилище оберегать?

Денис мысленно согласился с подобным заявлением. Действительно, кому?

Коридор постепенно расширился, а вскоре на валунах появился знакомый мох. Они покидали убежище домовых.

— А вас тут много? — задал следующий вопрос школьник.

— Да многовато будет. Спален-то много. А кроме спален работы еще ого-го-го сколько. Так что живем, храним потихоньку. Сложно, правда, в последнее время стало. Станки барахлят, полотно выходит кривое, бугристое. Как будто провинились в чем. Ой...

Домовой зажал себе рот руками и притих. Денис понял, что тот проболтался о чем-то важном. Правда, совсем не понял, о чем именно. Но решил оставить это на потом. Пока же он продолжал задавать невинные вопросы домовому.

— А почему люди думают, что вас не существует?

— Ну как же, человеку-то всегда проще сказать, что чего-то нет, чем попытаться понять и постичь это! — глубокомысленная фраза настолько не вязалась с забавным видом домового, что Денис не смог сдержать улыбки. Но доля истины была в этих словах, определенно.

— А в кого еще мы не верим, чего еще постичь не можем? — осторожно выпытывал Денис. Что-то подсказывало ему, что он может узнать очень много нового и интересного о Самом-Лучшем-Лицее за это путешествие.

— Мавки, русалки, лешаки, болотницы, — принялся загибать пальцы болтливый домовый. Казалось, он сам радуется выпавшей возможности поговорить.

— Что, и Баба Яга? — усмехнулся Денис.

— Тише ты! — затопал ногами Потеряшка. — Ты что, с ёлки засохшей свалился что ль? Кто ж призывает-то, да еще и возле станков? Вот как дойдем до Черноозера, тогда да, можешь звать, сколько влезет. А сейчас молчок, рот на замок!

Денис присвистнул. Расскажи он об этом разговоре мамину психологу — явно отправится в санаторий для неуравновешенных. Но, несмотря на абсурдность и нереальность, он действительно сейчас шел по сырому подземелью в обществе смешного домового, который, как оказалось, боялся Бабы Яги.

— А почему ты её боишься-то?

— Я? Я ничего не боюсь! — бравурно выпятил груд старичок. — Просто утянет к себе в избу, а хозяйка она похлеще вашей Вероны. Спуску не дает, дел навалит, да улетает на своей ступе. А кот у нее, ты видел? Глазища зеленючие, шерстища черная. Как зевнет — так разбегайся, чтобы не съел случайно!

Денис припомнил одного похожего кота, которого видел в своем сне.

— И спит, небось, под лавкой на полосатом коврикe, да?

— А ты откуда знаешь? Неужто побывал уже в избешке? — удивился домовый.

Денис в ответ пожал плечами, но сделал еще одну мысленную заметку — разузнать побольше при случае.

Коридор пошел вниз. Резко похолодало, а впереди послышался плеск воды. Денис уже приготовился увидеть подземное озеро или колодец, на крайний случай, но Потеряшка юркнул в очередное ответвление и вывел его в новый подземный ход. Денис пригляделся и понял, что они уже недалеко от выхода на свет белый — массивные валуны сменились современным кирпичом.

— А как ваш Старшой понял, что я из Медногора? — после недолгого молчания спросил Денис.

— Так по вам видно же, — искренне поразился домовый.

— Русским духом пахнет, что ль? — решил состричь Денис. На его взгляд ничем особым ученики разных корпусов не отличались друг от друга.

— Нет, — домовый задумался, почесал нос и пояснил. — Просто видно.

Денис хотел было допытаться, в чем же заключались различия, но впереди послышались голоса.

— Я сразу поняла, что от него будут одни проблемы! Не надо было тащить с собой малявку в Ладогор через подземелья!

По недовольному голосу Денис узнал девушку Вальтера. О какой "малявке" идет речь, догадаться не составило большого труда.

— Настя, все было нормально, пока домовый не расшалился. Чем уж он ему приглянулся, я не знаю, — второй голос принадлежал Вальтеру.

— О, гляди, тебя тоже потеряли. Не я одна такая потеряшка, — довольно улыбнулся домовый. — Тут я тебя оставлю. За лапоть спасибо.

Домовой развернулся и собрался было бежать, как Денис окликнул его.

— Скажи, а как увидеть домового?

Тот задумался, пошмыгивая носом.

— Да как и всех. Позвать по имени. Глядишь, отзовется и придет.

С этими словами Потеряшка резво развернулся и скрылся в одном из ответвлений коридора. Денис еще какое-то время стоял молча, а потом принялся звать Вальтера. Судя по голосам, он был все еще где-то поблизости.

— Ты где был-то?

Денис ждал этого вопроса всю дорогу из подземелий в спальню. Но прозвучал он только на лестнице спального этажа. Дождь за окном закончился, оставив на небе лишь тяжелые свинцовые тучи. Настя свернула в одном из ответвлений, ведущим в Теремок, оставив медногорцев вдвоем. Вальтер молчал, но в конце концов любопытство взяло верх.

— Бродил, — не стал врать Денис. — Выход искал.

— И как, нашел? — по взгляду старосты Денис понял, что он ему не очень поверил. Но это были целиком и полностью его проблемы. Раз он считал, что имеет право знать о секретах Лицея и не посвящать в них Дениса, значит Денис имеет такое же полное право ничего не рассказывать Вальтеру. Он посмотрел на своего старшего товарища. Вроде бы тот остался прежним — те же темные волосы, синие глаза, идеальность в одежде и манерах. Но почему-то теперь Денису казалось, что он видит удвоенную картинку. Первая соответствовала старому Вальтеру. А вот вторая, пока еще неизведанная, оставалась за завесой тайны. Но Денис был уверен, что вскоре раскроет её. Внимательно посмотрев Вальтеру в глаза, он ответил:

— Нет. Но скоро найду!

С этими словами Денис оставил Вальтера в одиночестве и направился в спальню. Впереди его ждал целый день без нравоучений, наставлений, без мытья полов и непонятных событий. Но самое главное, что чувство нереальности, непонятности и нелогичности, наконец, начинало рассеиваться. Словно порыв ветра разгонял пелену тумана. Денис впервые в жизни почувствовал, что нашел направление своего движения по жизни. И во что

бы то ни стало, решил докопаться до истины. Раскрыть все секреты Самого-Лучшего-Лицея. Теперь он знал, где искать и с чего начать.

Глава 8. Мифы Царицына

День учителя прошел, оставив после себя неизгладимый след в памяти и учителей, и учеников. Особенно учеников. Особенно Дениса. Вторую неделю парень пропадал по вечерам в библиотеке, пытаясь найти ответы на вопросы. Высокоскоростной интернет, проведенный только в эту часть лицея, не слишком облегчал эту задачу. Каждый вечер после самоподготовки Денис приходил сюда и погружался в мировую сеть, стараясь понять, что же такое он повстречал в подземельях Лицея.

В первый вечер после того путешествия Денис так и не смог заснуть. Впрочем, как и в последующие. Как только он закрывал глаза, в памяти всплывали мрачные каменные коридоры, а в ушах раздавался монотонный треск. То тут, то там мерещился топот маленьких ног, а вдалеке слышался плеск воды. Денис не выдерживал этой игры разума, вставал, выходил в темный холл к окну и долго смотрел в темноту ночи, которая прятала горные склоны, деревья, камни. Ему то казалось, что он сошел с ума, то, наоборот, что нашел что-то жизненно важное. Больше всего парня тяготила невозможность поделиться с кем-нибудь своими переживаниями. Раньше он считал подобные порывы девчачьим бредом, сейчас же ему как никогда был необходим собеседник. Но таковых среди его окружения не находилось. Вальтер теперь вызывал острое недоверие. Ратор, Ёлька, Верона — все казались заговорщиками. Они тоже что-то знали, они тоже были другими. Это открытие Денис совершил случайно. В очередной раз на химии он разглядывал застекленных одноклассников и тех, кто оставался неизменным. Денис сам не понял, как ему это удавалось. Просто в какой-то момент урока мир в очередной раз качнулся и расслоился — часть учеников осталась "за стеклом", вторая часть, во главе с Вероной, осталась неизменной. В этот момент в класс заглянул Вальтер — пришел что-то передать куратору. Денис прищурился, разглядывая соседа, который в этом расслоении был на одной стороне с Ёлкой и Вероной. Не надо было обладать большим умом, чтобы проследить взаимосвязь знаний о тайных жителях лицея с особенностями облика в зазеркалье. Денис решил именно так назвать то, что каждый раз видел на химии.

— У них не только имена странные, они сами странные, — в очередной раз, разговаривая с собой, выдал Денис, продолжая изучать веб-страницы многочисленных сайтов со славянской мифологией.

Чего только он там не встречал — и обряды вызова лешего, и классификацию русалок, и приворотные заговоры. Современный мир, как оказалось, пестрил разного рода материалами о верованиях и обрядах предков. Только вот достоверность этих материалов стояла под большим сомнением.

— Для того, чтобы призвать домового, необходимо в полночь в день солнцестояния начертить на полу круг солью и поставить туда блюдце с молоком, — процитировал Денис информацию одной из страниц очередного форума.

— "Это бред, нежить не любит соль. Не пишите ерунды", — прочитал Денис ответ одного из постояльцев форума.

К.В.АЧ — этот довольно странный ник попадался Денису уже не в первый раз на разных тематических сайтах. То там, то тут этот Квац отпускал едкие комментарии относительно написанной информации. И про домовых, и про русалок, и про бабу Ягу. Казалось, что он истинный знаток потустороннего мира. Особенно Денису запомнился

нешуточный спор о древних символах.

— Это Коловрат. Знак Перуна Громовержца. Наши предки наносили его на щиты как оберег и охранительный знак в бою. С Коловратом на щитах они крушили врагов и прославляли величие и силу русского народа, — повествовал один из завсегдатаев, представляя народу картинку с изображением древнего символа. — Олицетворение яркого солнца, любви и удачи в делах.

— Смешались в кучу кони, люди и залпы тысячи орудий, — следовал ответ того самого К.В.АЧа.

Денис усмехнулся, он всегда ценил людей, способных тонко иронизировать. Между тем, К.В.АЧ продолжал сеанс остроумия.

— Вы не просто намешали в кучу всего возможного и невозможного, вы пытаетесь выдать это за истину! Данный символ — вымысел чьей-то нездоровой фантазии. Его никогда не существовало, он не отражен ни в хрониках, ни в фольклоре. Поэтому оставьте свой бред при себе и не смущайте народ!

Несколько дней оппонент К.В.АЧа не отвечал, потом решился ринуться в бой за правду и истину.

— Уважаемый, вы сыплете обвинениями, не разбираясь в сути!..

Далее следовал долгий спор с доводами каждой стороны. Причем, доводы К.В.АЧа казались более логичными и убедительными, что не мог не отметить Денис. Но больше всего его заинтересовало последнее сообщение, после которого администратор закрыл эту ветку форума из-за перехода на личности и потока оскорблений.

— Что же, похвально то, как взрослый адекватный по собственным убеждениям человек пытается унижить и оскорбить тринадцатилетнего школьника. Всего доброго.

Судя по всему, выходило, что тот самый К.В.АЧ почти его ровесник. Заинтересовавшись, Денис развернул целую кампанию по добыче информации об этом персонаже. Но интернет не спешил выдавать все тайны этого ника. Все, что ему удалось узнать — это возраст, место нахождения в Российской Федерации, в Южном округе. Впрочем, место жительства персонажа было сейчас не самым важным. Денис почувствовал, что скорее всего это тот самый собеседник, которого он так долго искал. Быстро зарегистрировавшись на форуме под ником "Гамаюн_2000", Денис отправил сообщение.

"Привет. Ты, видимо, владеешь инфой. Скажи, ты веришь в существование домовых?"

Ответ пришел на следующий день.

"Привет. А тебе зачем?"

Денис задумался, как правильнее написать ответ. Не вываливать же на незнакомца сразу весть о том, что он видел целое поселение пару дней назад.

"Доклад задали по истории. Написать про любого персонажа родной мифологии. Теряюсь в информационном потоке"

"А причем тут вера в их существование?"

Денис погрузился. Действительно, выходила какая-то бессвязная ерунда, лишенная логики.

"Ну да, ты прав. Ни при чем. Просто интересно стало твое мнение. Ты в этом, вроде как, разбираешься. Давно слежу за твоими постами. Откуда такие знания?"

"Читаю много".

Ответ был довольно прохладным. Денис погрузился еще сильнее. Собеседник не горел желанием делиться своими тайными знаниями с первым встречным. Но Денис был не из

тех, кто так легко сдается. Он решил зайти с другой стороны.

"Что читаешь?"

Теперь настала очередь собеседника задуматься.

"Разное. Сказки. Мифы. Только в первоисточниках. В сети много бреда и ереси".

"Вот уж точно. Это я заметил. Ну ты молодец, борешься с ересью как можешь. Это похвально!"

Денис решил, что немного ненавязчивой лести пойдёт на пользу общению. Однако собеседник, видимо, так не считал. Сколько Денис ни обновлял страницу в ожидании ответа, тот так и не пришел. Но Денис не отчаялся. Вектор поисков был обновлен — сказки и мифы. Первым порывом было пойти к библиотекарю и попросить у него самый старый томик сказок и преданий. Но память кольнула, и Денис замер, так и не сделав шаг.

— Мифы, — пробормотал парень. — История Царицына. Мифы и Легенды.

В голове сразу вспыхнули события летнего дня, когда он случайным образом заснул посреди кабинета Елизара Филантьевича. Заснул за чтением книги.

Денис напрягся, вспоминая свои ощущения — окружающий мир качнулся, потом словно бы расслоился, а в следующее мгновение он оказался посреди резного терема. Что же, в последнее время он слишком часто испытывал что-то подобное. Только оказывался теперь далеко не в тереме.

Не теряя времени даром, Денис кинулся в спальню, чтобы откопать в своих вещах старый, потрепанный том.

Книга, как и предполагал Денис, нашлась на дне рюкзака. Вытащив увесистый том, Денис положил его перед собой на стол. Провел слегка дрожащими пальцами по потрепанному корешку. На краткий миг Денису показалось, что кончики пальца, словно бы, слегка ударило током — едва уловимое покалывание пробежало по руке от прикосновения. Денис собрался с мыслями, выдохнул и открыл книгу. Воздух вокруг сгустился, за окном медленно наступали осенние сумерки. Денис напряженно вглядывался в заголовок первого мифа "Сотворение мира". Витая буква спускалась вниз, как змея, текст посерел от времени, страницы выглядели ломкими и потрепанными. Но в целом, книга ничем не отличалась от других своих собратьев. Мир не раскачивала, реальность не выворачивала. Денис задумался, напрягая память. Что-то же явно произошло в тот день в библиотеке. Что-то, что помогло Денису увидеть иную реальность. А в том, что это была именно она, Денис уже не сомневался.

Перелистнув страницу, Денис прочитал второе название. Потом еще и еще. Он потерял счет времени, до боли в глазах вглядываясь в названия. Листал, читал, снова листал и снова читал. Где-то на двухсотой странице парень отчаялся, и хотел было захлопнуть книгу.

— Не кончаются, — услышал он тихое бормотание за спиной.

Денис вскинулся и резко развернулся. На шкафу, болтая ногой в одном лапте, сидел уже знакомый домовый.

Денис выдохнул, успокаиваясь, и уселся на свое место.

— Кто не кончается? — спросил он домового.

— Страницы. Они не кончаются, — домовый указал на раскрытую книгу.

Денис подарил Потеряшке взгляд, полный иронии, но все же принялся листать страницы с двойной скоростью. И действительно, чем больше он листал, тем толще становилась книга.

— Вот чудеса! — не скрывал своего удивления парень.

— А то, — усмехнулся домовой. Спрыгнул со шкафа на пирамидку, отчего та опять накренилась, и подошел к столу.

— Так ты, оказывается, и читать не умеешь, да?

— Чего это не умею? — возмутился Денис. — Умею, лет с пяти, наверное.

Домовой взобрался на стоящий рядом стул и склонился над книгой.

— Умеешь, да не умеешь. Кто ж Книгу Велеса так читает, а? Её ж любить надо. Верить надо в нее. Только тогда она свои тайны раскроет. А так что, ничего-да не выходит, да?

— Не выходит, — печально кивнул Денис, снова собираясь закрыть книгу.

Домовой придержал обложку, не дав Денису этого делать.

— Ты это, не печалься раньше времени. Раз книга у тебя, значит, ты уже читал её. Просто забыл. Надо поверить и вспомнить. И тогда она откроется!

Денис почесал затылок и посмотрел на раскрытую книгу, потом на домового и снова на книгу.

— Э, нет, — усмехнулся Потеряшка. — Сейчас она для тебя закрыта. Как раскроется, ты сам поймешь. Почувствуешь. Увидишь.

Глаза Дениса округлились от удивления. Он вспомнил, как в библиотеке буквально провалился в книгу. Залистав еще быстрее, Денис начал искать нужный миф. Теперь он верил, что все у него получится.

"Баба Яга", — гласило название.

Домовой рядом с интересом разглядывал буквицу и иллюстрацию. Денис сосредоточился, настраиваясь на нужный лад. Представил себе древнюю бабулю, готовую поджарить в печке, огромного кота, забор из черепушек. Кажется, все эти атрибуты всегда присутствовали в сказках. От напряжения покалывало в пальцах, а звуки стали громче и четче.

— Ты это, — от шепота за спиной Денис чуть не подпрыгнул.

— Ну чего тебе еще, а? — вознегодовал парень.

— Чего-чего, за подсказки платить вообще-то надо! — обиделся Потеряшка.

— И чем я должен тебе отплатить? Пойди туда, не знаю куда. Принеси то, не знаю что?

— Ну, куда ты собрался и так видно, — с хитринкой посмотрел на Дениса домовой. — А принести я тоже знаю, что. В ларце резном лапоть лежит. Принеси мне его, а. А тс Старшой снова на горох поставит.

Денис хотел было согласиться, но в последний момент его что-то остановило.

— Посмотрим, — уклонился от обещания тот.

Денис не слышал, как домовой покинул комнату. Всё его внимание сосредоточилось на выцветшей странице. Темные буквы сплетались в единый узор. Денис прищурился, вглядываясь в отчего-то ставшие неровными строки. На странице медленно проступали очертания далекого ельника. Воздух вокруг стал заметно холоднее. Свет потускнел, а звуки затихли.

Миг — и Денис почувствовал мягкую почву под ногами. Вокруг, куда ни глянь, простиралось распаханное поле — урожай уже собрали, и теперь для матери-земли настало время отдыха. Денис вздрогнул — на нос упали редкие капли начинающегося дождя. Не раздумывая, он зашагал вперед. Туда, где темной полосой чернел лес. Могучие ели с раскидистыми лапами встретили парня тихим поскрипыванием. В очередной раз Денис поразился ежеутренним пробежкам по горам — ноги сами огибали валуны и коряги,

выпрыгивающие, словно из-под земли. Тропинка тут если и была когда-то, давным-давно заросла. Вечерний сумрак медленно перекатывался в ночь, лес готовился ко сну.

— Вечерник едет! Вечерник едет! Ой увезет с собой! — в скрипе деревьев расслышал Денис. Действуя скорее на инстинктах, парень забрался под расщепленную молнией надвое ель. Вдалеке ухнул филин, над деревьями пронесся порыв ветра. И лес затих. Денис поежился. Создавалось ощущение, что все вокруг застыло, как в заколдованном сне. Впрочем, Денис не был уверен, спит ли он сейчас, или находится в параллельной вселенной. Грани между явью и вымыслом стирались там, где дело касалось Самого-Лучшего-Лицея.

Филин ухнул еще раз и мир дрогнул. Прогнулся от великой тяжести. Земля тихо застонала, встречая небесного стражника. Денис сжался в своем укрытии, вглядываясь в окружающую темноту.

Воздух вокруг окрасился в алый цвет, ветер донес до слуха конское ржание и стук копыт. С каждым мгновением он приближался, содрогая землю. Несколько ударов сердца и Денис расслышал сопение могучего коня. Любопытство толкало парня выглянуть наружу, но здравый смысл накрепко привязал его к корням.

"Повстречать небесных стражников — с Явью распрощаться", — пронеслось в голове у Дениса. Парень не знал, где мог слышат эту фразу, но верил в нее безоговорочно. Как и в домовых, русалок, Перуна и триединство сотворенного мира.

Между тем топот копыт удалялся, а вскоре и вовсе затих. На небо, разметав пелену туч, выкатился новорожденный месяц в сопровождении звезд. Посидев для верности еще какое-то время под деревом, Денис поднялся и зашагал дальше. Темный ельник не спал, несмотря на наступление ночи. То тут, то там слышалось шуршание. То тут, то там раздавался крик совы. То тут, то там срывались в небо потревоженные присутствием человека птицы. Лес наблюдал за пришельцем. Недобро прищурившись, он следил за каждым шагом, за каждым движением. Денис чувствовал этот взгляд, но старался идти вперед не останавливаясь. Лес испытывал парня на прочность. Остановишься — тут же набросится вся сила лесная.

Чем дальше в лес заходил Денис, тем сложнее становилось идти. Деревья росли непроходимой стеной, худошавому парню приходилось буквально протискиваться через стволы. Ратор бы тут явно застрял. Денис представил себе эту картину и злорадно усмехнулся. За что и был тут же наказан лесом — прямо под ногами оказался большой валун, об который Денис отбил ногу. Лес не любил легкомыслия. Денис прошипел сквозь зубы что-то непонятно-ругательное, с досадой потер ушибленное место и зашагал дальше с утроенным вниманием.

Вскоре деревья стали расти реже и реже, пока прямо перед Денисом не предстала небольшая поляна. Казалось, кто-то взмахом руки разогнал вековые сосны, расчистив место под жилище. Высокий частокол окружал старинный терем. Сквозь острые пики забора виднелась крыша с дымящей трубой. Судя по всему, в доме кто-то был. Денис подошел к воротам и приготовился стучать. Но едва рука коснулась резьбы, ворота раскрылись, приглашая парня войти во двор. Денис задумался, но, отбросив сомнения, шагнул вперед. Если он хотел узнать правду, иного пути не было. В свете звезд двор казался вымощенным серебристыми плитками. В центре двора, возвышаясь над частоколом, красовался резной терем. Расписные ставни поражали своей красотой даже при таком скудном освещении. Денис представил, какой вид открывается в солнечных лучах и с сожалением вздохнул — вряд ли ему представится шанс увидеть ту красоту днем. Залюбовавшись теремом, Денис не сразу сообразил, что это немного не то место, куда он шел. Парень ожидал привычной

сказочной избушки на курьих ножках — повернись к лесу задом, ко мне передом, русским духом пахнет — и все в таком роде. Но ножек не было. Да и дверь красовалась сразу за крыльцом. Денис не стал терять времени даром и взбежал по деревянным ступеням наверх, толкнул дверь и вошел в темный терем.

В лицо пахнуло сухостью и теплом. После путешествия по отсыревшему октябрьскому лесу Денис даже зажмурился от удовольствия. Вокруг царил полумрак и почти осязаемая тишина. Лишь изредка из печки доносилось приглушенное потрескивание, которое перемежалось с монотонным поскрипыванием прялки из дальней комнаты. Денис чувствовал себя так, будто оказался дома у старого родного друга — ощущение привычности и знакомости преследовала парня, куда бы он ни бросил взгляд. Откуда-то Денис знал, что в печке стоят горшки разной формы и размера с ароматной кашей. А на печке сушатся малина и яблоки. Денис подошел к лавке, под которой дремал черный кот.

— Что, пришел таки, — кот зевнул, приоткрыв зеленый глаз.

— Пришел, — кивнул Денис, усаживаясь на лавку.

— А зачем пришел? — кот лизнул правую лапу.

— К хозяйке твоей пришел. Ответы получить, уму-разуму научиться. Говорят, она добрым молодцам помогает, заплутавших на путь истинный выводит.

Денис в который раз заметил, как витиевато начинает выражаться, попадая в эту реальность. Казалось, что нужные слова сами всплывают из памяти.

— Помогать-то помогает. Да не всем и не всегда. И вопросы задавать уметь надо, чтобы верный ответ получить. А что до пути, так тут никто не подсказчик. Только ты сам можешь решить, куда двигаться. Только ты сам можешь решить, что для тебя верно и правильно.

Кот потянулся, выгнулся дугой и направился к печке, где стояло блюдо с молоком. Денис терпеливо ждал, пока кот решит продолжить беседу.

— Хозяйки нет, — спустя какое-то время изрек очевидное наблюдение кот.

Денис не выдержал и усмехнулся.

— Да уж вижу, что нет. Ну ничего, я подожду. Время есть до рассвета.

Кот ничего не ответил. Запрыгнул на печку, свернулся клубочком, закрыл нос лапой и снова заснул.

Денис прислонился к окну, разглядывая перемигивающиеся звезды. Время превратилось в сплошное болото. Парень не мог сказать, сколько он так сидит — месяц или минуту. Лишь когда вдалеке снова ухнул филин, Денис вздрогнул, выпадая из сковавшего его оцепенения.

— Полночник! Полночник! Полночник идет! — зашептались между собой деревья и травы.

Денис сам не понял, что его толкнуло вниз. Но, заслышав знакомый стук копыт, парень схоронился под лавкой, стараясь даже не дышать без острой необходимости. На этот раз мир укутала непроглядная тьма. Казалось, что кто-то погасил звезды, выдернув вилку из розетки. Стук копыт раздавался все ближе — Полночник объезжал владения, вверенные ему до рассвета. Денис затаил дыхание, чувствуя приближение ночного всадника. Казалось, вместе с Денисом затаился и весь мир. Но вот тот проехал, не найдя нарушителей, и звуки постепенно стали возвращаться на свои места. С новой силой загорелись звезды, замигал рогатый месяц, в печке начал потрескивать огонь. Денис уже было собрался выползти из-под лавки, как расслышал приближающийся свист.

— Пестом погоняет, помелом заметает, — не веря собственным ушам пробормотал Денис. Кот на печке довольно мяукнул, подтверждая слова Дениса.

Свист нарастал — затрещали ветки, запищали травы. За печкой началась суета — раздавался топот, то и дело что-то падало, возвращалось на место и снова падало. Кот зевнул и спрыгнул с печки, направляясь ко входу.

Денис затаился под лавкой, словно это деревянное сооружение могло защитить его от силы лесной хозяйки. Свист за окном усилился, а потом внезапно все стихло. Денис пропустил момент приземления ступы на двор. Лишь только когда скрипнула входная дверь, да с улицы по полу пробежался сквозняк Денис понял, что Баба Яга изволила домой вернуться.

— Семён! — грозный голос прокатился по комнате.

За печкой послышался тихий писк, удар и что-то мохнатое выкатилось в центр комнаты. Приглядевшись, Денис распознал в этом комке шерсти домового. Потрепанного, взъерошенного и взволнованного.

— Простите, матушка, с ног-рук сбились, веретенце держали, вот и не смазали, — сбивчиво забормотал домовый.

Денис из своего укрытия видел только домового, поэтому не мог понять, что же сейчас сделает его хозяка. В тереме воцарилась тишина — все замерли в ожидании приговора.

— Иди уж, смазывай сейчас, коль раньше не успел, — Денису показалось, что в голосе Яги послышалась усталость.

Раздались шаги — обычные, нормальные шаги, без пристука костяной ноги, который ожидал услышать Денис.

— Ну выходи, раз уж явился, — скрипучий голос Яги раздался прямо над лавкой. Денис так и не понял, как это она так незаметно подкралась. Стукнувшись головой о деревянную скамью, Денис нехотя выбрался из своего укрытия. Страх не было. А вот интереса, помноженного на детское любопытство — хоть отбавляй.

Не стесняясь, Денис уставился на хозяйку терема и, пожалуй, самую известную персону народного фольклора во все глаза. Как он и предполагал, образ Бабы Яги был сильно преувеличен людской молвой. Действительно перед ним находилась бабуля лет семидесяти с небольшим. Серые волосы покрывал серый платок из грубого льна. Такого же цвета рубаха без какой либо вышивки, грубая потрепанная временем и молью юбка, меховой жилет и старые стоптанные лапти. Но ни горба, ни носа крючком, ни костяной ноги не было. Черты лица Денис не мог разглядеть, как ни старался. Возможно, виной всему был полумрак, царивший в комнате, возможно — то и дело вырывающиеся тени от печного огня, а, возможно, нежелание самой бабули показывать свое лицо. Взгляд то и дело соскальзывал с лица старухи. Вроде ты только смотрел ей в глаза, а в следующий миг уже не мог вспомнить, какие они.

Баба Яга с таким же интересом рассматривала Дениса.

"Наверняка думает, сразу в печку посадить, или сначала накормить-напоить-спать уложить", — мысль в голове Дениса проскользнула и тут же погасла, настигнутая другой — неплохо было бы поздороваться для начала конструктивного диалога.

— Э... Здравсьте, — ляпнул Денис чуть дрогнувшим голосом. — Ну, в смысле, здравия желаю! Долгих лет! Не хворать, — и парень замялся. Впервые в жизни он приветствовал Бабу Ягу и, вполне закономерно, что он понятия не имел, что следует говорить в таких ситуациях.

— В общем, приветствую, — подытожил Денис.

Старуха усмехнулась, отчего в свете луны блеснул золотой зуб и поманила кота к себе.

Тот с довольным урчанием взобрался ей на колени.

— Не хворать, не хворать, — скрипучим голосом поприветствовала та незваного гостя. — Что привело тебя, мил человек? Что заставило ночь преодолеть, в мой ельник сунуться? Дело какое доброе, али наоборот?

Денис, что было сил, старался побороть ощущение абсурдности и нереальности происходящего. Он всеми частями тела ощущал раздвоение своей личности. Одна его половина понимала, то он находится в страницах книги, разговаривая со сказочным персонажем, другая же упорно твердила: "Это все бред, ты просто снова заснул за столом". И определить, какая половина была права — парень не мог. Его молчание Яга растолковала по-своему.

— Ну раз не можешь дать ответа честного, то... — Денис прямо физически почувствовал нарастающее напряжение в воздухе.

— Нет-нет! — поспешил заверить он. — По делу. По доброму. За помощью к самой мудрой и справедливой явился! Только ты можешь мне помочь, бабушка!

Денис старался говорить медленнее, чтобы речь не превратилась в бессвязный комок слов, но выходило не очень успешно.

Баба Яга усмехнулась, и напряжение в комнате рассеялось.

— Ну что ж, говори, коли явился. Вижу, не простой ты человек. Да и в терем не впервой без приглашения захаживаешь.

Денис удивился, кажется, в прошлый его визит Бабы Яги точно не было. Уж он-то непременно запомнил бы такого колоритного персонажа. Баба Яга между тем продолжала.

— Да и пришел ты неведомой тропой. Небось, книга или клубочек привел.

— Книга, — ответил Денис, даже не удивляясь подобной осведомленности бабули. — В общем, с нее-то все и началось. Как первый раз провалился в книгу, так и пошли какие-то чудеса со мной происходить. То в школу из дому выгнали, то возвращаться домой запретили. В школе не пойми что происходит. Домовые шастают, школьникам тайны мироздания открывают. Говорят, что русалки и лешии в природе есть. А потом и того хуже, говорят, что ты — настоящая!

— Ох, страх-то какой, — Баба Яга картинно вскинула руки. — И что же, все прям верят в эти сказки?

— Ну, не все. Да и рассказывают не всем, наверное... В общем, я случайно узнал про ваше существование. Не верил и верить не хотел, хотя сейчас понимаю, что намеков множество было. То расслоения реальности в классе, то сны непонятные, то видения после несчастных случаев. А, может, и сами несчастные случаи. Я их еще, кстати, не анализировал и не связывал. Но вот после того, как увидел домового, а потом целое их поселение, совсем голову потерял. Сначала решил было, что это галлюцинации у меня на фоне учебы, там, перенапряжения, все такое. Но потом стало ясно, что не только я один знаю про домовых.

Баба Яга пробормотала что-то похожее на "творят, что хотят", но спросила у Дениса совсем другое.

— Это как же ты понял, что не ты один про домовых-то знаешь?

— Ну... — смутился Денис. — Подслушал случайно разговор старосты нашего. Ну и сложил один и один, все сошлось.

— Сошлось, — снова усмехнулась старуха, почесав кота за ухом. — Ну так что же ты от меня хочешь, мил человек? Рассказать про быт домовых и прочей нежити? Али про верования предков растолковать?

Денис задумался. Все это он, безусловно, хотел узнать, но был один вопрос, который покоя не давал уже долгое время. Он звучал во всех снах, он являлся в видениях, он же встречался в жизни.

— Нет, бабушка. Расскажи-ка лучше обо мне. Кто же я? Открой судьбу мою!

Снова слова подбирались легко и естественно, как будто Денис всю жизнь общался-изъяснялся подобным образом.

Улыбка сошла с губ старухи, отчего та сделалась еще старше и суровее.

— А вот этого, мил человек, никто сказать тебе не сможет, коли сам не разберешься. Идем.

Старуха поднялась и, опираясь на клюку, пошла к спальне с прялкой. Только сейчас он заметил легкую хромоту, как и то, что страх и ужас народных сказок была на голову ниже его. Это наблюдение придало парню уверенности в своих силах.

"Вроде и не страшная же. И чего её так демонизируют?" — сам себе задал вопрос Денис, заходя в спальню.

С прошлого визита ничего не изменилось. Все та же чадаящая свечка, все те же выцветшие коврики на полу, всё то же дергающееся веретено. Правда на этот раз оно плясало куда сильнее — множественные нити, разбегающиеся в разные стороны, то и дело перепутывались.

— А чего это оно? — удивился Денис, подходя к поскрипывающей прялке.

Баба Яга вздохнула и покачала головой. Во взгляде старухи промелькнула печаль.

— К концу нить идет, видимо.

Взор бабули затуманился. Казалось, что она задумалась то ли о лучших годах бурной молодости, то ли о неотвратимости старости. Денис пожал плечами, не слишком удивляясь такой резкой перемене настроения, и повернулся назад к пляшущему веретену.

— Смотри. Смотри. Смотри, — зашептали дрожащие тени вокруг.

И Денис присмотрелся. Из тысячи бледно светящихся нитей Денис сразу опознал свою. Он не видел, откуда она берет начало, как не видел и её конца.

"Это хороший знак", — подумал парень, взглядываясь снова. В одном месте его нить закручивалась в плотный узел. Денис захотел его коснуться, чтобы распутать, но удивленный возглас Бабы Яги за спиной остановил его.

— Вот те раз! Неужто память кроили?!

Денис, завороченный блеском своей нити не стал оборачиваться, но сделал в голове заметку непременно выпытать у старухи, что это значит.

В разных местах нить его пересекалась с другими нити. Какие-то были совсем тусклыми и незначительными. Какие-то, наоборот, сияли намного ярче его собственной. Денис пригляделся внимательней. До определенного момента две переплетенные между собой нити шли рядом с его. В какой-то момент они отделились и отдалились, уходя все дальше и дальше, вскоре обрываясь...

— Нет! — воскликнул Денис, кидаясь к веретену. Он до конца не осознавал, что это значит. Но понимания этого потустороннего мироустройства хватило для того, чтобы растолковать — это родительские жизни. И то, как они обрывались, Денису явно не понравилось.

— Ишь ты, куда! — старуха стукнула клюкой об пол, отчего Денис кубарем откатился от прялки.

— Да как же это? Да родители же! — запротестовал Денис, пытаясь подняться с пола.

Но неведомая сила плотно прижала его к конопляным коврикам.

— Всякая нить рано или поздно обрывается. Это закон жизни! Не ты его писал, не тебе и переписывать!

В глазах Бабы Яги разгорался зеленый огонь. Воздух вокруг начал трещать от напряжения. По клюке пробегали редкие искры. Теперь Денис понимал, почему эту милую старушку демонизируют народные сказители. Но в его душе вместо страха поднялась привычная волна протеста и злости. Два месяца, находясь в Самом-Лучшем-Лицее, Денис подавлял в себе все порывы возразить, запротестовать, взбрыкнуть. Два месяца Денис терпел откровенно глупые и бездарные поручения из одного-единственного желания — не подставить родителей, оправдать их ожидания и доказать, что он вполне способен к самостоятельной адекватной жизни. И вот сегодня его терпению пришел конец. Уж кому-кому, но не старому сказочному персонажу со страниц потрепанной книжки приказывать ему, Денису Васнецову!

Парень медленно потянулся вверх, преодолевая притяжение к коврикам. Уверенность в своей правоте придавала ему сил. Веретено на прялке заплясало еще сильнее, перепутывая совершенно разные нити.

— Ты что творишь, окаянный! — старуха снова стукнула клюкой об пол, отчего с нее посыпались искры.

Денис почувствовал, как на плечи навалилось втрое больше от прежней силы, но продолжал упорствовать, пытаясь подняться.

— Не позволю! — прошипел Денис, прогибаясь под силой притяжения.

— Кто ты? Кто ты? Кто же ты? Вспомни!

— Вспомни себя!

— Вспомни! — со всех сторон слышался шепот прыгающих по стенам теней.

Свечка зачадилась сильнее, выплевывая в воздух кольца черного дыма.

Денис чувствовал, что силы покидают тело — еще немного и он будет попросту раздавлен между двух цветастых ковриков.

— Вспомни! Вспомни! Вспомни! — тихий голос мамы долетел до Дениса вместе с порывом ветра.

Вспышка ослепительного золотистого света ослепила не только Дениса, но и костеную старуху. Та вскрикнула, закрываясь от неведомого источника. Денис воспользовался моментом, почувствовав, как неведомая сила отступила, и выбил резную клюку из морщинистых рук. Денис подскочил к веретену, выискивая глазами две нужные нити. Недолго думая, он схватил их дрожащими пальцами и потянул сильнее. Веретено запело, нити удлинились — медленно, словно с неохотой, они все же потекли вперед, с каждым ударом сердца становясь длиннее. Денис проследил за тем, как конец их скрывается в переплетении других нитей-судеб и отошел от прялки. Теперь настало время возвращаться назад.

— Что же ты наделал, — прошипела Баба Яга, привыкнув к полумраку спальни.

— Родителей спас! — холодно ответил Денис, выходя из спальни. Клюку он не собирался возвращать. Чувствовал, что это его пропуск в обратный путь. Баба Яга так и осталась сидеть в темной спальне перед скрипящей прялкой. Денису показалось, что она что-то неистово шепчет. Но времени на размышления у него не было. Приближался рассвет.

Денис выскочил из спальни, кинулся к выходу, как заметил резной ларец у порога.

"Лапоть бы", — вспомнилась ему просьба Потеряшки.

Подскочив к ларцу, Денис откинул крышку и, не обращая внимания на диковинки — времени не было, — вытащил старый потрепанный лапоть. Черный кот кинулся ему под ноги, шипя и норовя вцепиться в кроссовок, но Денис его отбросил в сторону ударом клюки об пол. С жалобным "Мяу", кот отскочил.

Денис выбежал во двор и со всех ног бросился прочь от этого места. Отбежав на значительное расстояние, он оглянулся. Высокий частокол все также верно скрывал от глаз странного вида терем. Только теперь с него несколькими десятками светящихся глазниц Денису вслед подмигивали выбеленные черепушки.

Обратный путь благодаря клюке Бабы Яги был намного легче и проще. Пни-коряги, завидев волшебный артефакт в руках путника, почтительно расступались, освобождая путь. Предрассветный туман не клубился перед Денисом, давая возможность не сбиться с тропы. Ночное зверье угрюмо провожало пришельца вслед. Раз уж смог у Яги клюку забрать — лучше с ним не связываться.

Где-то вдалеке заухал филин.

— Рассвет! Рассвет! Рассвет идет, Зарю ведет! — захихикали кусты, да ёлки.

Денис даже если бы и хотел, не смог бы бежать-прятаться. Борьба с лесной хозяйкой отняла у парня все силы. Поэтому он продолжал размеренно переставлять ноги вперед по тропе, даже когда за спиной слышались шаги. Такие же размеренные и неторопливые. Ни конского ржания, ни стонов матери-земли не было. Казалось, мир с радостью встречает этого всадника. Волна белого света разливалась вокруг, встречая рассвет. Денис оглянулся — любопытство взяло верх. По небосводу, ведя коня под уздцы, шел светловолосый витязь. На коне же, теребя лучистую гриву, восседала дивного вида девица. Денис, не останавливаясь, шел следом, вглядываясь в лица небесных странников. В один миг двое, видимо, заметили ночного путешественника. Не сговариваясь, они поглядели на Дениса и тот ахнул. Синие глаза, светлые волосы, румяные лица, что каждое утро встречали учеников Лицея на площадке. Прямо с небосвода в лучах восходящего солнца на Дениса смотрели Яр и Рассвета.

Денис хотел было воскликнуть, но в этот миг мир качнулся и Денис понял, что лежит на столе, уткнувшись лицом в потертые страницы "Мифов Царицына".

Глава 9. Час испытания

— Ну что, достал? — над ухом Дениса раздался тихий шепот Потеряшки. Денис вздрогнул и поднялся со стола. Посмотрел на часы и присвистнул. Если верить будильнику Ратора, он провел в книге не больше десяти минут.

— А, ну да. Ход времени различается, — Потеряшка проследил за взглядом Дениса и шмыгнул носом. — Ну, так где лапоть-то?

— А тебе не интересно, что там было, а? — обиженно спросил Денис. — Я, может, жизнью рисковал, вытаскивая его из ларца. Ты вообще сам-то хоть раз видел эту бабуленцию?

— Что ты, что ты! — взмахнул руками домовой. — Дед миловал. Такого счастья мне не нужно.

Денис усмехнулся. Почему-то теперь его не удивляло нежелание некоторых персонажей встречаться с Бабой Ягой. Та еще старушка, как оказалось.

Денис потянулся, разминая уставшие плечи. Несмотря на то, что времени в этом мире прошло всего ничего, тело гудело так, как будто он действительно всю ночь шел по лесу. Он старался делать вид, что не замечает пристального взгляда домового, но, в конце концов, не выдержал.

— Да на, забери уже. Друг еще, называется!

Денис вытащил из-за пояса лапоть и кинул его Потеряшке. Тот подпрыгнул, поймал его в полете и, прижав к себе, резво выскочил из комнаты.

— Хоть бы спасибо сказал! — вздохнул Денис и подошел к столу. Раскрытая книга казалась еще старше, чем обычно. Страницы посерели, а свет, исходивший от них еще несколько минут назад, словно бы погас.

— Тоже устала? — Денис погладил корешок и закрыл книгу, убирая её под подушку.

Жутко хотелось спать, и Денис решил не сопротивляться этому порыву. Ничего с ним не будет, если он один вечер не поужинает. А коридор помыть можно и с утра пораньше.

Денис резво стянул с себя ветровку и услышал, как что-то с глухим стуком выпало из карманов на пол. Наклонившись, он рассмотрел миниатюрную копию той самой клюки, что помогала ему в лесу. Сейчас она больше походила на сувенир или детскую игрушку. Подобрав клюку, Денис отправил её в карман брюк — со всеми странностями и полученными знаниями он решил разобраться завтра. Путешествие в темный ельник оставило его совсем без сил. А сказки всегда говорили, что утро вечера мудренее.

Ночь была беспокойной. Денис как будто тонул в бездне Морфея, сопротивляясь ему изо всех сил. Иногда он выныривал на поверхность — в этот миг сон пропадал и становилось понятно, что он лежит в своей кровати, а по соседству храпит Ратор. Денис успокаивался, прикрывал глаза и снова проваливался в бездну. Всю ночь его кто-то звал. Просил что-то вспомнить, вернуться назад, куда-то идти. Он то и дело стонал и переворачивался с боку на бок.

В три ночи Вальтер не выдержал и разбудил его, предложив отвести в изолятор. Денис отказался и снова провалился в забытие. Под утро зарядил дождь и Денис, наконец, успокоился и даже умудрился поймать какой-то сон. Снились родители. Счастливые, они убегали от него по искристому песку, на который мягко накатывали волны. Денис — трехлетний, несмышленный и растерянный пытался их догнать, но не выходило. Он

чувствовал, что должен им сказать что-то жизненно важное, догнать во что бы то ни стало. Но каждый раз, когда ему казалось, что последнее усилие и они поравняются, что-то происходило, и родители снова пускались в бег. Денис спотыкался, падал, поднимался и бежал снова. Трехлетний карапуз, не обращающий внимание на боль в содранных коленках. А родители все отдалялись и отдалялись, пока не стали точками на горизонте. Денис хотел было закричать, но мощная рука Ратора вырвала его из паутины сна.

— Достал стонать, — сосед тряс Дениса за плечо. — Если проблемы с нервами, сходи в психушку. Всю ночь не поспать было из-за тебя.

— Извини, — Денис провел по лицу, словно бы стараясь смахнуть с него остатки сна. — Как-то плохо спалось, да.

Внимательный взгляд Вальтера заставил его отвернуться и натянуть одеяло на голову. Сегодня надо позвонить родителям! Больше месяца он с ними не разговаривал. Редкие звонки Рите и сухие разговоры с просьбой передать, что все в порядке, и он ни в чем не нуждается, были не в счет. Первоначальная обида на эту ссылку давно прошла, но быт и круговорот лицейских дел как-то не давали выкроить время для звонка. Решено! Сегодня же после уроков надо будет позвонить! С этими мыслями Денис выбрался из-под одеяла и пошел умываться.

— Станный он какой-то, — Ратор проводил одноклассника подозрительным взглядом.

— Ага, — кивнул Вальтер, соглашаясь.

— Ты уверен, что он ничего не увидел в подземельях? — Ратор старательно взбивал подушку, чтобы не злить Верону с утра пораньше.

— Да ни в чем я не уверен. А то ты не знаешь, что там вечно шастают все, кому не лень. Может и встретил кого. Тем более Кевар говорил, что на форуме кто-то активизировался, про домовых расспрашивал.

— И ты думаешь, это наш Васнецов? Да ну, он же тугой, как валенок. У него под носом будет русалка плясать, он и не заметит, — Ратор закончил взбивать подушку и принялся раскладывать вещи в шкафу.

— Может быть ты прав, — задумчиво ответил Вальтер. — А может быть, и нет.

Денис вернулся спустя десять минут задумчивый и слегка потерянный. Вальтер и Ратор переглянулись, но не стали приставать с расспросами. В комнате повисло напряженное молчание и чтобы хоть как-то его разрядить, Ратор включил радио.

Музыкальная заставка и бодрый голос диктора сообщили пробуждающемуся народу, что в эфире "Вести Царицына". Денис закатил глаза и принялся собираться — выпуски местных новостей его мало волновали. Впрочем, как и его соседей. Школьники размеренно складывали учебники, тетради в рюкзаки, распихивали вещи по пакетикам и наводили стрелки на покрывалах. В последние дни каждое утро шел проливной дождь, благодаря чему лицеисты были лишены удовольствия пробежки и зарядки. Временно, конечно же.

— Вчера, на трассе М-29, произошло крупное ДТП, — без тени эмоций вещал диктор. — Грузовая фура столкнулась с легковым автомобилем марки Ниссан Джук.

У Дениса что-то в груди кольнуло. Он резко развернулся и кинулся к радио, делая звук громче.

— Чего это ты? — начал было Ратор.

— Заткнись, — оборвал его Денис, вслушиваясь в слова диктора.

— По предварительным данным причиной аварии стал лесной зверь, выскочивший на дорогу. Водитель автомобиля попытался уйти от столкновения с животным и выехал на

встречную полосу, не заметив движущийся навстречу грузовик.

Нехорошее предчувствие заставило Дениса кинуться к телефону. Длинные гудки вгрызались в барабанные перепонки, медленно вселяя панику. Отец не отвечал. Попытка дозвониться матери также не увенчалась успехом. Телефон Риты тоже молчал. Денис сел на кровать и сделал несколько глубоких вдохов. Сейчас надо было попытаться успокоиться и действовать, не поддаваясь эмоциям. Вероятность того, что пострадавший ниссан — это именно их "жучок" довольно мала. Ну в самом деле, что делать столичной машине на трассе, ведущей в Царицын? Откуда ему взяться тут посреди рабочей недели, когда на носу конец года, отчеты и прочее, чем его кормили родители каждый раз, объясняя свою загруженность на работе.

— Может, они к тебе ехали, а? — сам с собой заговорил Денис. Но, заметив на себе недоумевающие взгляды соседей, смутился.

— Мне надо в библиотеку. В интернет нормальный.

— Тебя проводить? — осторожно поинтересовался Вальтер. Таким взбудораженным Денис выглядел впервые.

Так и не дождавшись ответа, Вальтер поднялся и последовал за соседом.

— Наведи тут, — небрежно бросил он через плечо недовольному Ратору и захлопнул дверь, преграждая путь потоку раторского недовольства.

Денис шел быстро, молча и не обращая внимания на окружающий мир. Вздумай остановить его Верона или даже Вергард — он не заметил бы. Впрочем, Вальтера он тоже не замечал до того момента, пока тот не налетел на его спину перед дверью в библиотеку.

— Прости, — пробормотал Вальтер, но Денис лишь махнул рукой в ответ и погрузился в свои мысли.

Всю дорогу ему не давал покоя вопрос — могли ли родители оказаться посреди октября не в столице, а в Царицыне? По всем законам логики выходило, что нет. Но шестое чувство, защемленное после выпуска новостей где-то в области груди, кричало об обратном.

Денис залетел в библиотеку и направился к своему привычному месту — у дальнего окна за колонной. Компьютер загружался с привычным треском и скрипом, но сегодня его медлительность раздражала как никогда. Еще полминуты загружалось изображение рабочего стола. За это время Денис успел прокрутить в голове всевозможные планы-алгоритмы, чтобы в случае чего действовать незамедлительно. Наконец, компьютер вышел в привычный рабочий режим и Денис с головой кинулся в океан социальных сетей. Найти нужную группу о буднях Царицына не составило труда. Также как и найти сообщение об утренней аварии. С замиранием сердца Денис вчитывался в строки на экране:

"...Вчера поздно вечером на трассе случилось страшное ДТП. Водитель легкового автомобиля со столичными номерами выехал на встречную полосу, в результате чего произошло столкновение..."

Строки сливались перед глазами в единый черный поток и изливались прямоком в необъятную бездну, которая медленно разрасталась в груди. Денис хотел выдохнуть, но вместо этого вышел какой-то всхлип. В глазах защипало, но он изо всех сил постарался взять себя в руки и прокрутил колесико вниз. Дальше приводились фотографии с места происшествия. На возрастной ценз Денис не обратил никакого внимания, судорожно всматриваясь в изображения, стараясь разглядеть номера на автомобиле.

Вальтер склонился над монитором, также рассматривая картинки.

— Да уж. Это твои знакомые?

— Да, — тихо отозвался Денис, боясь произносить свои догадки вслух. Казалось, если он не озвучит этого, то беда пройдет мимо. Это окажется какой-то другой столичный ниссан, а его родители прямо сейчас перезвонят и отчитают за недолжное внимание к урокам и неуважение к Рите. Пожалуй, сейчас Денис желал бы этого больше всего на свете.

Словно в ответ на его мысли в кармане запищал телефон. Денис вздрогнул и вытащил гаджет, пытаясь понять, что это за номер. Судя по всему, звонили с городского.

— Денис, — стоило ему поднести трубку к уху, как встревоженный голос Риты в ключья разорвал последнюю надежду.

— Они живы? — тихо спросил Денис, боясь услышать ответ.

— Живы, — внезапно подал голос Вальтер. Денис перевел на него полный недоумения взгляд.

— В статье сказано, что пассажиры выжили каким-то чудом. Как будто кто-то в последний момент отвел удар по касательной.

Рита что-то говорила, но Денис уже не слушал.

"Чудом выжили"...

"Кто-то отвел"...

Перед глазами встала старая прялка с ворохом светящихся нитей, тянущихся в разные стороны.

В ушах раздался тихий шепот теней и скрип старой прялки. Денис, как замороженный слушал эти звуки несколько мгновений, пока в сознании не раздался скрип тормозов, визг шин и звон бьющегося стекла. Лица родителей перед глазами, искаженные страхом и болью были настолько реальны, что Денис не смог и дальше сидеть за столом. Резко сорвавшись, он кинулся прочь. Он должен был сам их увидеть. И убедиться в том, что они действительно живы и их жизням ничего не угрожает.

— Ты куда? — Вальтер кинулся следом. В таком состоянии Денис явно не производил впечатление уравновешенного человека.

— К родителям. В город.

— Издеваешься? Во-первых, на улице ливень стеной, а автобусов, как ты знаешь, тут нет. Только по выходным.

Денис, не слушая друга, упрямо шагал вперед.

— А во-вторых, кто тебя отпустит-то? Ты же знаешь, что среди недели выехать отсюда можно только в сопровождении родителей.

— Ага, которые сейчас находятся между жизнью и смертью в какой-нибудь зачуханой больничке, — огрызнулся Денис.

— Во-первых, у нас отличная городская больница, — холодное спокойствие в голосе Вальтера заставило Дениса притормозить. — А во-вторых, ты ведешь себя, как истеричка.

— Что ты сказал?

Напряжение, копившееся в теле со вчерашнего путешествия в книгу, требовало выхода. И единственный вариант, который в данный момент видел Денис — ввязаться в драку со старостой Медногора. Рациональное мышление и здравый смысл отключились в тот момент, когда он услышал презрительное "истеричка" в свой адрес. Да как мог этот самовлюбленный хлыщ называть его истеричкой? С каких пор беспокойство за судьбу своих близких стало чем-то странным и нерациональным? Обида захлестнула Дениса с головой. Поэтому он, не раздумывая, кинулся на Вальтера, выбрасывая вперед правый кулак. Только когда он понял, что Вальтер даже не пытается ему противостоять, а лишь равнодушно стоит напротив, Денис

понял, что что-то тут не так. Бить беззащитных было совсем уж низко и не достойно. Попытка затормозить ни к чему не привела — тело по инерции продолжало двигаться вперед. Денис попытался было увести корпус в сторону, но центр тяжести сместился, отчего парень запутался в собственных ногах и мешком рухнул к ногам Вальтера.

— Знаешь, можно было просто извиниться за несдержанность, — голос Вальтера был серьезен, но в глазах плясали смешинки. — А не падать в покаянии к моим ногам.

— Да ну тебя, — пробормотал Денис, пытаясь подняться.

— Давай я помогу!

Вальтер протянул руку. Денис поднял на него взгляд и впервые почувствовал, что он не один. Пусть сейчас, в этот краткий миг, но рядом был человек, готовый ему помочь. Денис благодарно принял руку и поднялся.

— У меня есть план.

Вальтеру потребовалось десять минут, чтобы в красках описать свой гениальный план Денису. За это время они как раз дошли до кабинета директора, Денис успокоился и начал рассуждать более-менее здраво. По крайней мере, желание кидаться на прохожих с кулаками у него пропало. А мысль извиниться перед Вальтером, как только все пройдет, наоборот, озарила сознание.

Он бы кинулся это делать сразу, если бы не резная дверь в кабинет директора, до которой они добрались.

— Ну, давай! Если что — зови! Союз лицеистов тебя поддержит, в случае чего, — Вальтер подмигнул Денису и отошел за угол.

Разговаривать с директором ему предстояло самостоятельно.

Стук в дверь эхом разлетелся по пустым коридорам, отчего Денису сделалось немного не по себе. В другой ситуации он, скорее всего, нашел бы себе оправдание, чтобы зайти попозже. Но сегодня был не тот день и не тот случай.

За дверью слышались глухие шаги и в следующее мгновение она распахнулась. Суровый взгляд льдистых глаз директора мог бы заморозить кого угодно, но Денис решил идти до конца.

— Доброе утро, Витор Витольдович. Мне срочно нужно в город! Выпустите меня, пожалуйста.

Денис оттараторил это без запинки и выдохнул лишь в конце фразы.

Директор нахмурился. На лбу залегла глубокая морщина, отражающая явное недовольство появлением ученика в сердце лица — кабинет руководителя.

— Васнецов, — протянул директор, оглядывая ученика с ног до головы. — Ну, здравствуй, здравствуй. Неожиданная встреча.

Тихий, вкрадчивый голос директора не вязался с внушительным видом.

— Ну, пойдём, раз пришел — кивнул директор, пропуская Дениса в кабинет.

Тот поколебался, но всё же шагнул вперед. Среди лицеистов ходило устоявшееся мнение, что выйти из этого кабинета можно было только с документами на отчисление. Денис надеялся, что сможет обойтись без этого, но, завидев суровое лицо директора, начал сомневаться в верности своих действий. Может, лучше было сбежать по-тихому?

— Рассказывай! — задумчиво проговорил директор, усаживаясь в высокое кожаное кресло. Денис засмотрелся на этот внушительный образец важности и величия, отчего не сразу понял, что к нему обращаются. Только когда седая бровь на лице директора вопросительно поползла вверх, Денис спохватился и принялся обрисовывать ситуацию.

Денис поначалу не хотел говорить про подозрения и беспокойство. Но взгляд директора из льдисто-холодного постепенно превращался в просто холодный и парень заговорил. Про свои подозрения, про то, что очень уж номера совпадали, да и родители внезапно перестали отвечать на звонки. К концу своего рассказа Денис почувствовал, что его снова одолевает паника. Поэтому, сцепив руки за спиной, он громко выдохнул и замолчал.

— Почему пришел ты, а не куратор? — прервав Дениса на полуслове поинтересовался директор, постукивая пальцами по до блеска отполированной столешнице.

Ответа на этот вопрос не нашлось, и парень лишь пожал плечами.

"Ну все, теперь еще и Верона выпишет благодарность безграничную", — пронеслось в голове у Дениса. Но эта мысль не вызвала у него страха. Наоборот, если ценой за его выезд из город станет коридорная ссылка до конца года, он даже не пикнет.

— Молодежь, — вздохнул директор и поднял телефонную трубку, набирая какой-то номер. На протяжении всего разговора Денис чувствовал на себе изучающий взгляд директора. Но был слишком взволнован, чтобы предать этому хоть какое-то значение.

В ожидании решения Денис разглядывал директорский кабинет. На первый взгляд ничего удивительного в нем не было. На стене портреты президента, премьер-министра и еще какого-то важного дядечки. На другой стене — изображение основателя лица. На полу светлый ковер с толстым ворсом. Длинный стол заседаний с массивными стульями по бокам. Стеллажи с грамотами и благодарностями от всевозможных ведомств и сейф. Малахитовые шторы на окне создавали в комнате полумрак, отчего сложно было сообразить, какое сейчас время суток. В общем и целом, это был стандартный кабинет руководителя, отражающий всю важность и значимость директора Самого-Лучшего-В-Мире-Лицея.

Денис собрался было посмотреть на кабинет под другим углом зрения, но неяркий блеск в дальнем стеллаже отвлек его. Бросив короткий взгляд на директора, Денис убедился, что тот все также увлечен телефонным разговором. Тихо развернувшись, Денис подошел к стеллажу и пригляделся. Как оказалось, сияние исходило от невысокой резной фигурки прялки. А точнее, от веретена с куделью, которое сейчас чуть подрагивало. Одна единственная золотистая нить и издавала то самое знакомое Денису слабое мерцание. Нить была тонкой, словно паутинка и медленно, но безвозвратно подходила к концу. Точно такие же две нити он недавно удлинял в старом тереме. А сегодня узнал, что с родителями случилась беда...

Злость нарастающей волной поднялась в душе Дениса. Из-за такой же прялки его родители чуть не погибли! Из-за такой же прялки всё вокруг летело не пойми куда! Он сам не мог объяснить, откуда появились эти мысли, но всевозрастающее желание что-нибудь разбить усиливалось с каждым мгновением. Он знал, что стоит ему лишь захотеть, и он оборвет эту тоненькую ниточку одним движением пальцев. Он уже чувствовал, как она сначала натянется, а потом порвется с тихим стоном. Как мир вокруг качнется, принимая новую оборванную судьбу.

— Васнецов!

Денис вздрогнул и отшатнулся от стеллажа. Часто заморгал, прогоняя наваждение, и повернулся к директору. Рядом с ним стояла Верона. Растрепанная и встревоженная. Было похоже, что её только что вытащили из-под одеяла и заставили явиться как сивку-бурку на бежевый ковер пред очами директора. Но даже в таком виде взгляд горящих зеленою глаз заставлял поёжиться.

— Д-доброе утро, Вер-рона Вергардовна, — слегка заикаясь, поприветствовал Денис.

— Что у тебя? — проигнорировала приветствие Верона.

— В город надо. Выпустите?

— Через пять минут у главных ворот. Опоздаешь, поеду без тебя!

Денис начал было рассыпаться в благодарностях, но холодный взгляд директора заставил его лишь тихо просочиться сквозь приоткрытую дверь.

— И скажи Вальтеру, если еще хоть раз начнет качать права своим союзом лицеистов, я его расформирую!

Уже на выходе долетел до Дениса недовольный голос Вероны.

Небеса разверзлись. Именно такие мысли пришли Денису в голову, когда он вышел на крыльцо. Потоки небесной воды скрадывали звуки, дневной свет и очертания окружающего мира. Денис пожалел, что попросил Вальтера пойти к директору через переходы и сейчас остался без зонта и без куртки. Мысль о том, как он будет перебегать лицейскую площадь, чтобы встретить Верону у ворот вызывала содрогание. Сверкнуло.

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, — досчитал Денис до удара грома. Гроза проходила где-то стороной. Но ливень и не думал заканчиваться. Собравшись с духом, Денис приготовился к резкому старту и забегу под дождем и по лужам. Но скрип шин заставил его замереть, с удивлением вглядываясь в дождь. Интересно, кто же мог себе позволить такую наглость, как разезды по лицейской площади?

Из-за пелены дождя вынырнул алый внедорожник. Тот самый, который повстречался Денису в первый лицейский день. Лихо развернувшись, он притормозил у самого крыльца. Тонированное стекло плавно отъехало вниз, и Денис увидел недовольную Верону:

— И долго ты еще ворон считать будешь?

"Тут только одна", — хотел было ляпнуть Денис, но вовремя придержал язык и забирался в машину. Впрочем, удивленного возгласа избежать не удалось. В короткой кожаной куртке, рваных джинсах и ботинках из мягкой кожи Верона Вергардовна была совсем на себя не похожа. Неизменными оставались очки с затемненными стеклами. Порыв ветра, залетевший от раскрытой двери, растрепал распущенные волосы. Денис присвистнул. Когда она успела переодеться?

— Еще раз так сделаешь, выброшу с перевала из открытого окна! — тихо сказала Верона. Но Денис уловил неприкрытую угрозу в её голосе. Эта выкинет и скажет, что так и было!

Шины закрипели на мокрой плитке, и автомобиль рванул с места. Денис вжался в сиденье и поспешил пристегнуться. Так, по крайней мере, у Вероны будет дополнительная помеха для выкидывания. Но хозяйка Медногора, кажется, забыла о его существовании.

Надавив на педаль газа, она сосредоточилась на дороге. Из-за дождя видимость была нулевой, и Денис начинал опасаться, как бы их действительно не вынесло в пропасть на очередном резком повороте. Но Верона выглядела спокойной и сосредоточенной, хоть и уставшей. Денис был уверен, что темные очки скрывают мешки под глазами. Как она видит что-то в полумраке, да еще и с затемненными очками, оставалось загадкой. Снова сверкнула молния. На этот раз Денис успел досчитать до шести. Гроза приближалась. Или это они ехали ей навстречу. Денис решил отвлечься от невеселых мыслей о родителях и вероятности падения в пропасть. Не придумав ничего лучше, он стал украдкой рассматривать своего куратора. Под звуки гитарных рифов она лихо управлялась с машиной, не обращая на взгляды ученика никакого внимания. Денис попытался представить, сколько же ей лет? В школе, в бесформенном халате с жутким узлом на голове она больше всего походила на

результат скрещивания моли и летучей мыши. И казалось, что ей давно перевалило за сорок, и она верными шагами подтягивается к пенсии. Сейчас же ни о какой пенсионерки и речи быть не могло. Наверное, ей даже сорока не было... Любопытство разгоралось в душе с каждым мгновением. Не в силах сдерживаться, Денис выпалил:

— Верона Вергардовна, а можно нескромный вопрос?

— Нет! — не отрывая взгляда от дороги, резко ответила Верона. И, видимо, заметив смущение Дениса, немного смягчилась. — На будущее. Если хочешь что-то спросить, сделать, устроить — не жди одобрения от окружающего мира. Готовься нести ответственность за свои действия, но одобрения не жди.

— А почему? — оживился Денис. Получить бесплатный жизненный совет от грозы Медногора он явно не ожидал.

— Потому что это попытка переложить ответственность. Чтобы в случае чего сказать, ну вы же одобрили-разрешили-поощрили, а я не при чем. А это низко.

Верона немного сбросила скорость, входя в поворот.

— Сколько вам лет? — выпалил Денис, вжимаясь в кресло.

— Двадцать семь, — ответила Верона. Но Денис услышал другую цифру. Мир снова на мгновение расслоился и до Дениса долетел тихий голос Вероны "двести семьдесят".

— И две недели коридоров, — добавила женщина, вновь набирая скорость.

— За что? — для вида возмутился Денис, обдумывая, что это сейчас произошло.

— За нарушение приказов. Я тебе не разрешала задавать нескромные вопросы!

Денис хотел было возразить, но визг тормозов заглушил его реплику. Машину резко бросило в сторону, развернуло раз, другой и Денис зажмурился, представляя, как они сорвутся в пропасть или на полной скорости въедут в скалу. Пальцы до боли сжали кожаное кресло и Денис чувствовал, как под ногтями трещит обивка. Мгновения потекли медленно, словно протискиваясь через полотно мироздания. Внедорожник пищал, скрипел и гудел, вращаясь по дороге, как волчок. Денис чувствовал это вращение, но боялся открыть глаза и увидеть перед собой разверзшуюся бездну. Сквозь закрытые веки Денис видел вспышки молний, которые не прекращались ни на секунду. Словно кто-то забыл выключить клубный стробоскоп, и теперь он отрывался на полную катушку.

Раскаты грома смешивались с визгом шин и дыханием Дениса. Верона что-то бормотала, но он не мог разобрать слов. Весь его мир сейчас сузился до внезапно ставшего таким легким и игрушечным внедорожника.

"Наверное, родители чувствовали то же самое", — пронеслось в голове у Дениса.

Резкая боль пронзила грудь. Денис вскрикнул и вскинул руку. Но повреждений не было. Цел и невредим, он сидел в замеревшей машине и тяжело дышал. Глянув, что они остановились в каких-то сантиметрах от обрыва, Денис сжался и похолодел. Попытки самоуспокоения, что всё позади не увенчались успехом. Хотелось оказаться подальше от этого места. И боль никуда не делась. Алым цветком она расцветала в груди, пульсируя в такт сердцебиению.

— Опасность, — не совсем понимая, что делает, пробормотал Денис. Дрожащими руками он попытался отстегнуть ремень безопасности.

— Сиди и не дергайся! — приказала Верона, медленно отъезжая от обрыва.

Сверкнуло. Денис вздрогнул и, наконец, сумел отцепить этот дурацкий ремень! Резко дернув дверь, он буквально вывалился на дорогу. На задворках сознания парень порадовался, что Верона не набрала моментально скорость как в прошлый раз.

— А ну вернись!

Верона выскочила из машины, пытаясь поднять Дениса с асфальта. Но тот лишь вяло отмахнулся, стараясь отползти как можно дальше. Тревога невероятной силы гнала его прочь. Куда угодно, хоть в пропасть, хоть в бездну, лишь бы подальше отсюда.

Капли дождя стекали по лицу, нежно шепча:

— В пропасть... в пропасть... в пропасть...

Денис огляделся. Да, пропасть, еще недавно казавшаяся чем-то жутким и ужасным, сейчас манила, обещая успокоение и избавление от всех страхов и тревог. Пошатываясь, Денис поднялся на колени и пополз к обрыву.

— Васнецов! — прогрехотал над ухом голос Вероны.

Всегда казавшаяся хрупкой женщина резко подхватила Дениса и поставила на ноги, хорошенько при этом встряхнув.

— А ну прекрати истерику и соберись!

"В пропасть... в пропасть... в пропасть..."

— Ты забыл, что у тебя родители в больнице?

"В бездну... в бездну... в бездну..."

— Или тебе безразлично их состояние?

"Опасность!" — взорвалось в мозгу. Действуя на автопилоте, Денис схватил Верону в охапку и рванул в сторону. Ноги заскользили на мокром асфальте, отчего двое повалились, перекатываясь всё дальше и дальше от машины. И, как оказалось, очень вовремя. Туда, где они только что стояли с грохотом свалился здоровый валун. Раскат грома не смог заглушить звук от удара. Денис приподнялся на локте.

— Надо уходить!

Но Верона его не слушала. Напрягшись, она смотрела Денису за спину. Через удар сердца он и сам почувствовал, что там что-то есть. Взгляд, полный ненависти, буквально прожигал спину. Медленно повернувшись, Денис увидел такую знакомую зелень. Невероятное существо стояло прямо напротив и с ненавистью взирало на Дениса. Казалось, что тварь ждала какого-то сигнала.

Туман в голове наливался свинцовой тяжестью. Денис зашипел и сдвинул виски. Эта тварь, такая знакомая. Почти родная. Что-то их связывало. И, прищурившись, Денис это увидел. Тонкая, едва различимая в этом мире нить тянулась от чудовища к нему. Её почти невозможно было рассмотреть — бледный, тусклый свет, исходящий от Дениса, затмевал золото нити. Денис вытянул перед собой руки. Казалось, что они опутаны липкой паутиной. Не до конца понимая, что делает, Денис принялся срывать её с себя. Паутина не поддавалась, налипая сильнее. Денис разозлился, прикладывая всё больше и больше усилий. В очередной раз сверкнула молния, и Денис расслышал слабый треск. С правой руки отлетел кусок паутинки. Денис заработал быстрее. Он не знал, что делает, но чувствовал, что сейчас это самое верное решение. Тварь стояла всё также в стороне, замерев, и наблюдала. Денис откуда-то знал, что она прекрасно понимает весь смысл происходящего и также ждет, когда Денис расправится с этой паутиной. Наконец, последний кусок тонкой материи рассеялся в воздухе и Денис пошатнулся. Воспоминания бурным потоком возвращались на свои законные места. Уход из библиотеки. Улицы вечернего Царицына. Старый склад. Трое школьников. Зеленый свет.

— Норлах, — просипел Денис, окончательно вспоминая.

В тот же миг норлах взревел и кинулся на Дениса. Тот даже не успел уклониться.

Стремительно метнувшаяся наперерез тень сбила чудище с ног и резво отскочила в сторону. Денис отшатнулся назад и откинул со лба челку, с которой на глаза стекали ручейки воды. Одежда давно промокла, а в кроссовках противно хлюпало. Но сейчас это не имело никакого значения.

Доживать жизнь в мокрой одежде. Красота, — пробормотал Денис, стараясь разглядеть своего спасителя.

Там, где еще недавно был норлах, рыча и скалясь, стоял ирбис. Шерсть на шее зверя вздыбилась, а глаза горели зеленым огнем. Не тем, от которого пробегал мороз по коже, а каким-то до боли знакомым. А вот Верона куда-то пропала. Денис резко выдохнул и привычным движением качнул мир вперед. Картинка расслоилась и он УВИДЕЛ. Верону принявшую боевую стойку.

— Что стоишь? Беги, дурак! — прошипела женщина и кинулась на поднявшегося с земли норлаха.

Денис, как замороженный, несколько мгновений наблюдал за схваткой двух потусторонних существ. Верона перестала быть человеком. Теперь она была истинным Зверем. Действовала как зверь, мыслила как зверь. Удары мощных лап попадали точно в цель, отчего норлах выл и злился еще сильнее. Каждый раз, когда тот пытался схватить барса массивной клешней, тот изворачивался и отскакивал в сторону.

— Беги! — снова донеслось до Дениса.

Он кинулся к машине. Но даже и не думал исполнять приказ. Надеюсь, что телефон поймает хоть какой-то сигнал в этих ущельях, он пытался набрать номер лица. Но его надеждам не суждено было сбыться. Как ни старался Денис послать сигнал бедствия, телефон упорно его игнорировал. С досады, парень швырнул его назад в машину и выглянул из-за открытой двери.

Ситуация на поле боя изменилась. Теперь норлах атаковал всё чаще, отесняя ирбиса к краю дороги. Тот заметно прихрамывал. В свете молний Денис увидел алую дорожку, тянущуюся следом.

"...А как только норлах почувствует вкус крови, сила в нем проснется невиданная. И желание убивать, ничем не сдерживаемое, наполнит его изнутри. И пойдет он губить всё живое, да процветающее. Что трава какая, что зверь лесной — всё будет едино для слюны его поганой. И не найдется во всем мире силы, способной его остановить, кроме той, что его породила..."

Денис не понял, откуда в его памяти взялись эти строки. Но, времени анализировать достоверность источников у парня не было. Подскочив, он кинулся к раскрошенному валуну. Если память вернулась целиком, норлах в этом мире появился как раз из-за какого-то там камня. Или это был ключ? Или камень-ключ? Того самого у Дениса, конечно, не было, поэтому приходилось довольствоваться тем, что есть.

Выбрав бульжник побольше и поострее, Денис резко развернулся и почти лицо к клюву столкнулся с тварью. Та подкралась незаметно и неслышно. Времени на раздумья не было. Со всей силы размахнувшись, Денис засадил остроконечный осколок валуна норлаху в глаз и резво нырнул вниз. Мысленно вознес хвалу Вергарду за изнурительные тренировки, когда шипастая клешня с громким клацаньем сомкнулась на том месте, где мгновение назад находилась голова Дениса. Откатившись назад, парень подскочил и вновь кинулся к валуну за новыми снарядами. Норлах взвыл и замахал клешнями. Краем глаза он заметил пытавшегося подняться с асфальта барса. Схватив еще пару бульжников, Денис снова

развернулся. Как оказалось, предыдущий снаряд застрял в глазу, отчего тварь редела и, кажется, потеряла ориентацию в пространстве. Вспоминая его же тактику, Денис оббежал существо и, прицельно размахнувшись, отправил второй бульжник норлахе в голову. Чудище засипело и отступило на пару шагов назад. Ядовитая кровь, ручейком сбегаящая на землю из раны разъедала не только всё живое, но и самого норлаха. Денис, вдохновленный своей маленькой победой, принялся подбирать и швырять в существо камни. Какое-то время тот отмахивался, но боль и потеря одного глаза, видимо, лишили его возможности рационально мыслить. С каждым ударом, норлах отступал назад, не ведая, что движется к краю пропасти. В какой-то момент он остановился и Денис испугался, что глаз регенерировал и тварь снова готова к бою. Во множестве компьютерных игрушек примерно так и происходило каждый раз. Не желая упускать шанс на спасение в шаге от пропасти, Денис подхватил самый здоровый остаток валуна, который так и не раскололся. Пошатываясь и пытаясь от тяжести, Денис всё же смог размахнуться и с победным воплем швырнуть его в сторону твари. Норлах замер, а после взмахнул клешнями, отправляясь в бездну.

— Так тебя! Слюнявая вонючка подземного царства! — прокомментировал этот полет Денис.

— Идиот! — сквозь шум дождя Денис услышал слабый голос Вероны. Уже в человеческом виде она сидела почти на самом краю пропасти. Вытянутая под не самым естественным углом нога вызвала у Дениса приступ тошноты. Он изо всех сил постарался взять себя в руки и поспешил к куратору.

— Как вы? — более глупого вопроса придумать нельзя было, но парень не знал, что говорят в такой ситуации.

— Речь сейчас не обо мне. Тебе надо уходить отсюда! Тут опасно!

Резким движением Верона потянула покалеченную ногу, возвращая её в естественное положение. Раздался противный хруст, от которого у Денис подкатил ком к горлу. Зажав рот рукой, парень постарался сделать глубокий вдох. Вроде стало немного полегче.

— Ну же! Что встал, как истукан! Хочешь, чтобы эта тварь вернулась?

— Я убил её! — гордо заявил Денис.

— Камнем в глаз? — иронично поинтересовалась Верона. — Его невозможно убить. Так что уходи немедленно. Дождь смывает и путает следы. Даже если он пойдет по следу, это займет какое-то время. Наши охотники придут к тому времени.

Пока Верона говорила, Денис придумал короткую, но впечатляющую речь о том, как научился не бросать товарищей в беде в Самом-Лучшем-Лицее. Но рев за спиной прервал его на полуслове.

Невероятная сила схватила Дениса и отбросила на десяток метров в сторону. Приземление вышло настолько жестким, что из Дениса вышибло дух. Зрение на краткий миг пропало, и Денис почувствовал себя слепым беспомощным котенком, которого вырвали из маминой корзинки и бросили в воду. Мир еще качался вокруг, когда эта же сила с рёвом вновь подбросила его в воздух и откинула, на этот раз к скале. От удара перед глазами великолепным разноцветьем рассыпались искры. Денис застонал.

— я убью тебя, и ты со мной пойдешь в мир подземный и темный к хранителю нашему, — раскатистый клекот врывался в уши. Денис сам не знал, почему он его понимает.

— Ну уж нет, — простонал он в ответ, пытаясь подняться. Но пострадавшее от ударов тело отказывалось быть ловким и проворным. Даже выброс адреналина не способствовал мобилизации. Денис чувствовал себя грушей для битья — неповоротливой и бесформенной.

— *я убью тебя, и ты со мной станешь служить хранителю нашему,* — все тот же клетот раздражал до безумия. Денис хотел было кинуться навстречу своему мучителю, но очередной удар отбросил его назад.

— *я убью тебя, и ты начнешь новую нить,* — продолжал вещать восставший из бездн норлах.

Запах тлеющего мяса растекался по воздуху, смешиваясь с дождем. Клетот то усиливался, то ослабевал. Голова превратилась в один большой котел, в котором нещадно бились звуки окружающего мира. Непослушное тело отказывалось двигаться в каком-либо направлении. Норлах швырял Дениса из стороны в сторону, как тряпичную куклу, повторяя раз за разом:

— *убью, убью, убью...*

— Да убей уже! — наконец закричал Денис. Норлах торжествующе взвыл. Словно он ждал именно этого разрешения. Когтистая клешня взмыла в воздух, намереваясь отсечь Денису буйную голову.

"Кто ты?"

"Кто ты?"

"Кто же ты?"

Знакомый шепот заглушил победный клетот норлаха. Денис дернулся, в попытке вырваться из цепких клешней. Но норлах держал крепко, не намереваясь отпустить свою добычу.

Денис закричал, противясь своей беспомощности. Не так он собирался закончить свои дни в Самом-Лучшем-Лице!

По бокам замелькали тени. Но Денис не мог быть уверен в их реальности — от потери кислорода ему уже мерещились миры иные.

Дёрнув рукой, Денис случайно наткнулся на что-то острое в кармане брюк. Превозмогая боль, парень засунул туда руку, извлекая на свет клюку.

"Кто ты?"

"Кто же ты?"

— Ах ты чудище навье! Убить меня вздумал? Меня, у Яги клюку унесшего? — голос Дениса налился силой.

Норлах дрогнул. Тонкая нить, всё это время связывающая его с Денисом стала толще. Золотистый свет залил окружающее пространство. Клюка в руке Дениса стала удлиняться и трансформироваться. Один конец заострился, на другом же появился тонкий золотистый серп.

— Не бывать этому никогда!

Резким движением Денис вогнал острие клюки в грудь норлаха. Мерзкий булькающий звук вырвался из клюва существа:

— *убьешь себя как меня и настанет тьма. и не будет выхода.*

Золотистая нить запульсировала ярче. Не вынимая остря, Денис развернул клюку и, подцепив нить лезвием, одним движением перерезал её. Норлах вздрогнул и в тот же миг безжизненной горой повалился на дорогу. Денис с хрипом упал следом. Золотистый свет погас. Как и клюка стала всё той же простой игрушкой.

Гроза ушла, забирая с собой тучи и дождь. Черное небо стремительно серело, наливаясь светом. Денис поднялся, пошатываясь, и вздрогнул. Вокруг него, кроме Вероны, находилось

несколько Зверей. Теперь стало ясно, что те тени ему не привиделись. Медведь, лиса, старый барс, волк и рысь. Если не брать медведя — все знакомые лица.

— Лиссандра, Вергард, Ратор и Данара? Какая встреча!

Денис уже даже не прикладывал усилий, чтобы переключить зрение. Просто в определенный момент он видел мир так, как ему было удобно.

Звери замерли и напряглись. Волк-Ратор оскалился и зарычал, рысь-Данара зашипела.

— Он вас видит. И всё знает, — со стороны подала голос Верона.

— И это действительно он убил норлаха! — из-за брошенной машины вышел директор лица. Каким образом он тут оказался, для Дениса осталось загадкой. Как и многое в этом мире. Но теперь он знал, что нашел свое место. И каждого, кто попытается это место у него отнять, ждет участь норлаха.

Глава 10. Отцы и дети

Утро лениво ползло по небосводу, заливая окрестности серым светом. Светло-зеленые коридоры царицынской городской больницы встречали его привычным распорядком. Хмурые тучи проплывали мимо, изредка заглядывая в окна одинаковых палат. Редкие порывы ветра срывали последние не опавшие листья и швыряли их вслед уходящим тучам. Пациенты в палатах просыпались и готовились к обходу, не обращая внимания на происходящее за окном. Медсестры размеренно проверяли медицинский инвентарь. Врачи собирались на ежедневную планерку. Никто не обращал внимания на двоих из шестой палаты. Поговаривали, что они чудом спаслись после страшной аварии, как будто кто-то отвел удар в последний момент. Но обитатели этой больницы редко верили в чудеса. Больше в мастерство местных врачей и благоприятное стечение обстоятельств. И только двое знали, как сильно окружающие заблуждаются.

— Ты понял, что произошло? — черноволосая женщина с ссадиной на скуле приподнялась на кровати, обращаясь к мужу. Всю ночь она боролась с кошмарами, отчего под глазами залегли тени, а черты лица заострились.

Мужчина с перевязанной рукой приготовился к ответу, но внезапно распахнувшаяся дверь отвлекла его.

— Что здесь... — женщина попыталась подняться с кровати, но легкое головокружение вернуло её в исходное положение.

В палату вошли сразу несколько человек. Высокий, темноволосый мужчина с заметной сединой на висках и в дорогом костюме. От него веяло уверенностью и чувством собственного превосходства над другими. Такой же высокий мужчина, составлявший разительный контраст с первым темным балахоном, длинными волосами, промокшими от дождя, и суровым взглядом, от которого хотелось провалиться сквозь землю. Молодая женщина с растрепанными волосами, в грязных рваных джинсах, заметно прихрамывающая на одну ногу. И совсем еще юный парень. Такой же помятый и потрепанный, с горящим взглядом, в котором смешивались растерянность, страх и злость.

— Денис? — первым опомнилась женщина, лежащая на кровати.

— Мама! — парень кинулся вперед, расталкивая своих провожатых.

Троица, не сговариваясь, пропустила парня, внимательно наблюдая за разворачивающейся сценой.

— Денис, ты что тут делаешь? — женщина поморщилась, когда сын сжал её в объятиях. Последствия аварии не прошли для нее бесследно. Тело болело от многочисленных ушибов и ссадин.

— Я к вам приехал, — отпуская мать, ответил Денис. — Я утром увидел, что произошло. Вы не отвечали. И я понял, что с вами что-то случилось.

Денис говорил сбивчиво, стараясь побороть волнение. Отец, всё это время молчавший, перевел взгляд на сопровождающих сына. Денис проследил за отцовским взглядом и осекся. В воздухе воцарилось неловкое и довольно напряженное молчание.

— Нет, я не нарушал правила! — первым не выдержал парень. Почему-то ему казалось, что именно такие мысли бродят в голове у родителей. Еще бы, увидеть сына в сопровождении важнейших лиц Самого-Лучшего-Лицея.

— Мам, пап! Ну правда! Я просто вас хотел увидеть, — принялся оправдываться парень.

— И между делом убил норлаха, — ехидный голос Вероны заставил Дениса резко оглянуться.

Мать с отцом переглянулись. Денис непонимающим взглядом уставился на своего куратора.

"Зачем она это делает? Они же вообще не понимают, о чем речь", — пронеслось в голове у Дениса.

Он попытался выкрутиться из сложившейся ситуации.

— Мам, пап, это не то, о чем вы думаете. Норлах — это, ну... — парень замялся, не зная, что лучше придумать в этом случае.

— Это жуткая тварь подземного мира, которая, избрав тебя однажды жертвой, ни за что от тебя не откажется, — тихо проговорил отец, не глядя на Дениса.

Денис отшатнулся, как будто упомянутый норлах появился посреди палаты.

— Что?.. Откуда ты?.. Мам, пап, что происходит?

В комнате медленно расплзалась тишина. Казалось, еще немного, и воздух начнет потрескивать от напряжения. Денис буравил взглядом родителей. Те старательно делали вид, что ничего не замечают.

Верона и Вергард, не сговариваясь, вышли из палаты. Несколько мгновений спустя директор тоже развернулся, бросив через плечо:

— У вас есть пять минут на то, чтобы поговорить. Потом наша очередь!

Входная дверь закрылась с тихим щелчком, оставляя ничего не понимающего Дениса наедине с родителями. Они молчали. Как будто в один миг забыли все слова на свете. Денис переводил взгляд то на одного, то на другого, пытаясь найти хоть какую-то подсказку, намек, хоть что-нибудь. Но родители упорно отводили взгляд.

— Вы знали, — тихо прошептал Денис. Это был не вопрос. Очевидное осознание того, что всю жизнь он прожил в обмане с людьми, которые были не теми, за кого себя выдавали, медленно подкатывало к горлу.

После недолгого молчания, которое показалось Денису вечностью, заговорила мать:

— Знали. Мы с Ритой потомственные ткачи. С раннего детства мы росли в Царицыне воспитываясь по всем законам клана. Быть служителями Макоши, ткать полотно, не обращая внимания на собственные мечты и желания. Риту это устраивало. Меня — нет. Поэтому, окончив лицей, я сбежала с твоим отцом в столицу и попыталась навсегда выкинуть картины прошлой жизни из головы. Но, кому, как ни мне было известно, что от своей судьбы не уйдешь.

Голос матери был тих и полон затаенной боли. Денис слушал внимательно, не совсем понимая, о чем она говорит, но боясь упустить мельчайшие детали. Главным сейчас было понять, кто же такой он, и как ему с этим пониманием жить.

— Когда появился ты, нам пришлось вспомнить о моих корнях. Мы до последнего надеялись, что этот мир обойдет тебя стороной, что ты вырастешь как обычный человек, не знающий всей правды об истинном устройстве мира.

— Но от судьбы не уйдешь, — тихо проговорил Денис.

Мать в ответ печально улыбнулась и кивнула, соглашаясь с его словами.

— Это благодаря моей родословной я смог убить норлаха? Я тоже из этих, ткачей? — вздохнув, поинтересовался Денис.

Мать нахмурилась и кинула обеспокоенный взгляд на отца Дениса. Тот все это время молчал, с отстраненным видом разглядывая пролетающие за окном листья.

— Константин! — голос матери был тих, но непреклонен. Отец вздрогнул и повернулся к сыну. Только сейчас Денис заметил, как резко и сильно отец постарел. На лбу залегли морщины, взгляд светло-зеленых глаз потускнел, из него исчезла былая уверенность в своих силах. На висках, среди темно-русых волос, отчетливо проступала седина. В голосе звучала усталость.

— Нет. Ты не ткач. У тебя своя судьба и свой путь. И чем раньше ты это поймешь, тем лучше будет для всех нас. Ты не ткач и никогда им не станешь! Что бы тебе ни внушали! Что бы тебе ни говорили! Помни об этом!

В глазах отца зажегся какой-то фанатичный блеск, здорово напугавший Дениса. Всю жизнь отец был оплотом рассудительности и хладнокровия. А сейчас выглядел далеко не уравновешенным человеком.

— Так кто же я тогда? — не выдержал напряжения Денис?

Дверь снова щелкнула, и на пороге появился директор лица.

— Пять минут. Теперь наша очередь задавать вопросы. Васнецов, выйди, пожалуйста. Данара составит тебе компанию.

Денис хотел возразить, что он, как никто другой, имеет право знать, что же произошло. В душе с невиданной силой поднялась волна протеста и возмущения. Это он убил норлаха! Это от него скрывали правду годами! Это он жил не своей жизнью всё это время! Но стальной отблеск светлых глаз Вергарда заставил парня сдуться, как воздушный шарик, и выйти из палаты, так ничего и не сказав. Если и была в мире сила, с которой он не хотел бы столкнуться, эта сила звалась Вергардом Геро.

Коридор был пуст. Как будто все обитатели крыла одновременно вспомнили о неотложных делах, которые надо срочно выполнить, и разбежались кто куда. Денис недоуменно обвел коридор взглядом и нахмурился. Подобный вид был совсем не характерен для центральной городской больницы. Еще несколько минут назад тут вовсю сновали люди. Прищурившись, Денис "переключил" свое зрение в нестандартный режим и увидел тонкие мерцающие паутинки, натянутые в воздухе.

— Магия? — сам себя спросил Денис. Привычка разговаривать с собой никуда не делась, поэтому парень знатно удивился, когда услышал откуда-то справа женский голос в ответ.

— Ага, волшебство!

Денис обернулся и разглядел Данару. Девушка сидела в глубоком кресле у окна, взирая на него с нескрываемым недружелюбием.

— Ну а как это еще назвать? И, кстати, кто это сделал?

Данара прищурилась, оценивающе рассматривая Дениса. В глубине черных глаз еще полыхали отсветы потустороннего зеленого света. Денис предположил, что это следствие их недавнего обращения — точно такие же всполохи он не раз видел в глазах Вероны. А вот Вергард никогда не "отсвечивал" зеленым светом.

— Это потому что Вергард — Мастер! — довольно заносчиво заявила Данара. Денис от удивления рот раскрыл.

— Ты что, мысли читать умеешь?

Данара смутилась, еще сильнее удивив Дениса. Ему казалось, что гордость и заносчивость этой девушки не знают границ и уж что-что, а смутить её практически нереально.

— Ну, только самые громкие. Мне еще есть чему поучиться.

— Подожди, подожди. А это у вас у всех такое есть? Ну, в смысле, у оборотней?

Денис подошел ближе и уселся прямо на пол перед креслом. Благо, потертый ковер укрывал плиточный пол.

— Конечно. Мы же стаю свою должны слышать. Как ты себе представляешь общение медведя и рыси во время преследования? Вот нас и наделили такой способностью. Правда, на остальных она не распространяется.

По недоумевающему лицу Дениса было заметно, что он не совсем понимает тонкости телепатии современных оборотней.

Данара вздохнула и пояснила:

— Ну то есть мы всегда слышим мысли друг друга во время обращения. Можем слышать мысли и сразу после обращения. Но только если они такие громкие, как сейчас твои, например. По мере того, как мы взрослеем, мы учимся слышать друг друга и в повседневной жизни, и на больших расстояниях. Чем выше ранг, тем лучше развиты все способности, данные нам от природы.

— Воу, — восхитился Денис. — И какой же у кого уровень?

Данара призадумалась, словно решая, стоит посвящать Дениса в тайны оборотничества или все же нет.

— Ну, как ты уже понял, Вергард у нас Мастер. Выше только Магистр, но за последнюю тысячу лет этого ранга добился только один оборотень, который сразу же после этого пропал из всех миров и никто не знает, где он сейчас.

Денис сделал про себя отметку об этом факте и приготовился дальше слушать увлекательный рассказ Данары. То, что он таки прошел проверку девушки на доверие, согрело душу.

— Во всем мире существует всего девять Мастеров и Вергард один из них. Дальше идут девять рангов. Таких оборотней больше. Собственно, задача каждого оборотня повысить свой ранг, стать лучше, спасти мир от тьмы, не дать навьим детям расползтись и сгубить все живое. В общем, именно мы стражи баланса и равновесия.

Данара говорила с нескрываемой гордостью за себя и своих собратьев. Денис ощутил легкий укол зависти — наверное, было здорово ощущать себя причастным к общему благому делу.

— А какой ранг у Вероны? — не сдержал своего любопытства Денис.

— Вероны Вергардовны! — резко одернула его Данара. В глазах полыхнули зеленые искры. Девушка некоторое время помолчала, словно восстанавливая эмоциональное равновесие. Денис лишь мысленно пожал плечами. К вспыльчивости семейства Геро он уже успел привыкнуть. Данара тем временем продолжила свой рассказ:

— У Вероны четвертый ранг. У Лиссандры пятый, но она вроде как скоро шестой получить должна.

— А вы с Ратором? — не удержался от следующего вопроса Денис.

— Мы еще ученики. После окончания лицея у нас будет двадцать лет, чтобы получить первый ранг. Если не справимся, станем изгнанными и лишимся силы, — Данара говорила спокойно, и Денис в очередной раз поразился характеру этого семейства. Он сам вряд ли бы смог так спокойно говорить о возможном лишении мифических способностей. Все-таки тяжело падать на землю, взлетев высоко над ней. Только вчера ты был крутым супергероем, который мановением руки разгонял тьму и нес добро и справедливость, а сегодня ты вдруг никто и ничто. Денис поежился. Ему явно не хотелось испытать на себе подобные

ощущения. Что-то подсказывало парню, что пережить такое слишком уж не просто.

— А кто такие ткачи? — разрушил воцарившееся молчание Денис. Судя по удивлению на лице Данары, он понял, что спросил что-то явно не совсем обычное.

— Подожди-ка. То есть ты можешь видеть объемный мир, ты убил норлаха неведомым оружием и разглядел истинный лик клана Геро, но ты не знаешь, кто такие ткачи?

Теперь настала очередь Дениса смущаться. Ну, убил, ну, разглядел? Но не говорить же, что это всё само по себе вышло, спонтанно и непредвиденно?

Данара вздохнула и задумалась.

— Знаешь, я даже не представляю, как тебе в общих словах объяснить это. Ну хоть про полотно и небесных прях ты знаешь?

Денис насупился. Признать, что он чего-то не знает, да еще и перед Данарой, ему не очень хотелось.

— Слушай, ну ты прям уникам. Это же на первых этапах обучения... — Данара осеклась. — А, ну да, ты же, наверное, учился как обычные люди. Не слышал ничего иного.

— Это как? — Денис припомнил те расслоения, которые он периодически наблюдал на уроках. Не задумываясь, он рассказал про них Данаре.

— Вот даже как. То есть, ты сумел разглядеть Изнанку, но расслышать ничего не смог. Что ж, всё равно похвально. В общем, как ты уже мог догадаться, у нас, наделенных какими-то способностями, уроки идут в двух плоскостях. Мы как бы и сидим с классом, слушая физику, биологию или английский, но в то же время находимся в другой плоскости, изучая объемный мир.

— То есть все учителя, которые ведут у нас уроки, они ненормальные? — не смог сдержать удивления Денис.

— Сам ты ненормальный! А они понормальнее многих будут, — возмущение Данары заставило Дениса снова покраснеть. Девушка усмехнулась и продолжила свой рассказ. — Но, нет. Не все, конечно. Вы с Ратором у нас биологи? Ну вот, химия, биология, физика у вас идут в объеме. Дальше будет литература и язык.

Денис постарался спрятать свои эмоции, но у него не слишком получилось. По всему выходило, что минимум двенадцать уроков в неделю он находился в потоке параллельной реальности и не замечал этого. И если Верона и Лиссандра действительно походили на людей с супер способностями, то их милый и добрый физик-фанатик никак не тянул на подобное звание, о чем Денис поспешил поделиться с Данарой.

— Ты просто ни разу не видел его в объеме, — загадочно усмехнулась Данара.

Щелкнула дверь. Из палаты вышла тройца преподавателей. Денис подскочил с ковра и вытянулся, словно в ожидании выговора. Вбитые за месяц привычки давали о себе знать.

Директор прошествовал мимо, не удостоив Дениса взглядом. Было заметно, что он чем-то раздражен и это что-то явно связано с Денисом. Следом прошествовал Вергард. Не несколько мгновений он удостоил Дениса взглядом своих льдисто-серых глаз. Денис поежился. Ему вспомнилась их первая встреча по дороге в лицей. Несмотря на то, что Вергард предстал тогда в образе ирбиса, взгляд его оставался неизменным. Такой же прожигающий душу и не отпускающий ни на мгновение. Заканчивала шествие недовольная Верона. Прихрамывала она заметно меньше, но на её настроении это никоим образом не сказалось.

— Ты едешь со мной. Про каникулы забудь. Будешь наверстывать всё, что пропустил. Про сон тоже забудь. Только коридоры остаются неизменными.

Верона кивнула сестре и бросила Денису через плечо:

— Спускайся к машине.

Денис собрался было попрощаться с родителями, но вспыхнувший взгляд Вероны красноречиво подсказал ему немедленно выдвигаться на стоянку.

В голове роились десятки вопросов, которые он хотел задать своим родителям, но Верона отсекала их одним своим видом.

"Ладно, на ближайших выходных вернусь и порасспрашиваю", — подумал Денис.

— И не надейся! — читающая мысли Верона беспощадно раскрыла надежды парня. — Про выходные забудь однозначно. У тебя слишком большие провалы, чтобы позволять себе такую роскошь, как отдых. Живо в машину!

Денис вздохнул и посмотрел на скучающую у окна Данару. Теперь она уже не казалась такой холодной и надменной. Возможно, они даже могли бы стать неплохими знакомыми.

— Спасибо тебе, — улыбнулся он девушке. — За то, что поговорила.

— Мне приказали, — равнодушно пожала плечами Данара, вслед за Вероной разбивая мечты Дениса. Видимо, это тоже было у сестер отличительной семейной чертой.

Глава 11. И снова здравствуйте

Верона шла молча, явно не спеша посвятить Дениса в свои планы.

— А куда мы едем? — стараясь пересилить нервную дрожь в теле, первым нарушил молчание Денис. Забираться в салон внедорожника с хромящим оборотнем ему не хотелось, но желания тут не учитывались.

— Обучать тебя ускоренными методами, — шурясь от яркого света, ответила Верона.

Солнце, как толстый блин, выкатилось на небосвод, разогнало тучи и подсушило лужи. Денис поморщился, увидев такой природный позитив. Уж лучше бы вокруг всё также разливалась серость. Она хотя бы гармонично вписывалась в настроение и не раздражала. Но мир словно бы сговорился против Дениса, и тому ничего не оставалось, кроме как смириться и продолжить разглядывать игру солнечных бликов на стеклах. Вопросов он больше не задавал. Только когда Верона затормозила у знакомого здания Денис не смог сдержать возгласа:

— В библиотеку? Серьезно? Вы меня учить книжками собираетесь?

Верона распахнула дверь, выбираясь наружу, и Денис последовал её примеру.

— Когда ты тут был? — довольно резко поинтересовалась Верона. Денис присмотрелся — казалось, будто она чем-то озадачилась.

— Да когда Ратор ключ от всех дверей притащил, — отозвался Денис. Не то, чтобы ему не хотелось вновь встречаться со странным библиотекарем. Но события, последовавшие за их прошлой встречей, явно не располагали к приятным и теплым воспоминаниям.

— Пойдем, — скомандовала Верона и Денис подчинился.

С прошлого визита ничего не изменилось. Те же витражи, тот же густой полумрак, перемешанный с запахом книжной пыли. Мраморный пол эхом разносил шаги посетителей по холлу. Библиотекаря нигде не было видно. Верона остановилась посреди холла и обвела его холодным взглядом.

— Хорошо. На этот раз я оставлю его. Но в следующий раз ты ответишь на мои вопросы! — голос куратора был тих, и от него так и веяло холодом. Денису показалось, что даже по стеклам побежала легкая изморозь. Не до конца понимая, что происходит, он чуть не пропустил момент, когда Верона развернулась и зашагала к выходу.

— Верона Вергардовна! А мне что делать?

— Книжки читать. Заберу вечером, — не оборачиваясь, бросила Верона и покинула здание библиотеки.

Денис глянул на свое отражение в одном из зеркал, закрепленных на витых колоннах. Видок у него был тот еще. Всклокоченные волосы, синяки и ссадины на руках и лице, грязь на одежде и рваные джинсы. В таком виде он явно бы не стал победителем конкурса красоты. А вот конкурса на самый глупый вид — вполне. Денис попытался было пригладить волосы, но тут же бросил эту бесперспективную затею.

— Полно прихорашиваться! Времени нет, — знакомый голос старого библиотекаря заставил Дениса смутиться.

— И вам добрый день, — пробормотал Денис.

— Добрый, добрый, — усмехнулся старик, выходя из тени колонны. — Эта уехала?

Денис вскинул на библиотекаря удивленный взгляд. Пожалуй, это был первый человек, который говорил о Вероне без страха и с явным пренебрежением.

— Вы про Верону Вергардовну? — решил уточнить Денис.

— А то про кого ж! — от возмущения у старика встопорщились усы. — Прислужни ткаческие, ну надо же, а. Ой не зря сбежал от них магистр, ой не зря. Довели бедного.

Денис с трудом понимал, что имеет в виду Елизар Филантьевич, но по отработанной привычке слушал и периодически кивал головой.

Библиотекарь помолчал какое-то время, погружившись в собственные мысли, потом опомнился, схватил Дениса за руку и потянул за собой по уже известному маршруту. На этот раз Денис сразу же почувствовал изменения реальности вокруг. "Включив" режим иного видения, он принялся с интересом разглядывать окружающее пространство. Поначалу коридор ничем не отличался от привычной реальности, но по мере спуска стены, пол и потолок претерпевали значительные изменения. Окружающее пространство из привычной библиотеки трансформировалось в темную пещеру с высокими сводами. Факелы на стенах, вставленные в проржавевшие кольца, потрескивали и плевались черным дымом. Воздух сгущался, пол покрылся росой. Напряжение Дениса возрастало. Утренние события прорывались в памяти из-под маски внешнего спокойствия и невозмутимости.

— Скоро все узнаешь, потерпи, — Елизар Филантьевич заговорил неожиданно и еще более неожиданно хлопнул Дениса по плечу. Тот подпрыгнул от удивления и не смог сдержать испуганного вскрика.

— Вы что, тоже мысли читаете?

— Вот еще, — возмутился библиотекарь. — Делать мне больше нечего, как чужие мысли читать. Я в своих-то разобраться не могу, так их много, все путаются. А тут — чужие. Это же дебри дремучие, у Яги и то в ельнике порядка больше.

— Да уж...

Денис вспомнил свое недавнее путешествие и усмехнулся. Ельник Яги на него произвел определенное впечатление.

— А-а-а, — прищурился библиотекарь, хитро улыбаясь. — Неужто успел со старушкой познакомиться, а?

Денис ничего не ответил, но подарил библиотекарю такой красноречивый взгляд, что тот все понял.

— Да ладно тебе, хорошая старушка же. Эх, а какой красавицей в молодости была... — мечтательно протянул Елизар и Денис удивился. Ему всегда казалось, что кто-кто, а Баба Яга всегда была старой и вредной.

— Помню, на Купалу ходили мы папоротник искать...

Денис приготовился слушать долгую и увлекательную историю, но библиотекарь словно бы выпал на время из окружающего мира. Он продолжал шагать рядом с Денисом, но мысли его унеслись куда-то далеко-далеко, за пределы царицынской библиотеки. Денис не стал возвращать Елизара Филантьевича из его воспоминаний. Он решил потратить это время для наведения порядка в своих собственных мыслях. А они были, мягко говоря, странными. Денис ждал, что вот-вот на него накатит истерическое состояние после пережитого утром на перевале и в больнице. Но этого всё не происходило. Наоборот, его не покидало ощущение, что наконец-то все кусочки паззла под названием "жизнь Васнецова" начали собираться в единую и логичную картину. Казалось бы, весь его уютный, привычный мирок сегодня расползся, словно растаявшее желе, оставив после себя лужицу непонимания. Но Денис ощущал какое-то холодное внутреннее спокойствие. Ему в этой лужице виднелась новая, пока еще не оформленная и нечеткая, но реальная картина мира.

Коридор резко свернул влево, и двое оказались посреди небольшого каменного грота. Денис несколько раз переключил зрение и убедился, что это точно не кабинет, в котором они пили чай в прошлый раз. Потемневший от времени камень стен исчертили какие-то странные символы. Кое-где на камне проступал мох, которому, впрочем, не удавалось скрыть письмена. Руны нещадно рассекали серо-зеленые растеньица, продолжая нести миру какую-то информацию. Елизар Филантьевич глубоко вдохнул сырой воздух и подошел к кромке воды. Зачерпнув горсть ладонью, он прошагал к одной из стен и провел прямо по серому мху. Грот вздрогнул, и Денису показалось, что он услышал далекий вздох. Порыв ветра пронесся над головой и взъерошил волосы. Но в следующее мгновение безмолвное оцепенение вернулось на свое место. Несколько минут ничего не происходило. Елизар Филантьевич стоял и молча вглядывался в стену, которую только что гладил. Денис пытался сообразить, чего они ждут — переключение зрения из режима в режим ничего не давало. Во всех плоскостях они стояли посреди сырого темного грота. Размеренный плеск волн убаюкивал и Денис сам не понял, когда на него начал накатывать сон. Оглядевшись в поисках удобной точки опоры, Денис хотел было направиться к ближайшей стене. Но сделав шаг, заметил слабое свечение, пробивающееся из отдельных рун.

— А это что? Дополнительные спецэффекты? — не скрывая легкой иронии, поинтересовался Денис.

Елизар Филантьевич вздрогнул и повернулся.

— Видишь, значит, — пробормотал старик себе под нос, но Денис его услышал. Он вообще в последнее время довольно часто слышал и видел то, чего не должен был.

Между тем, библиотекарь направился к одной из стен. Денис же принялся следить за медленно наливающимися светом символами. На его взгляд, порядка в этом не было никакого, но выглядело, однозначно, красиво. Потянуло дымом. Денис обернулся и присвистнул. Пока он разглядывал местную наскальную живопись, библиотекарь развел костер и даже умудрился откуда-то достать чайник, который сейчас подогревался.

— Самое время для чая, — снова не смог смолчать Денис.

Елизар Филантьевич усмехнулся, доставая из трещины в валуне чашки.

— Хороший чай и мысли проясняет, и ум поправляет. Так что чай всегда ко времени и к месту! Да и беседа за чаем лучше идет.

Денис не нашел, что возразить, поэтому подошел и уселся возле костра прямо на камни.

— А чему вы меня учить будете? — после недолгого молчания поинтересовался парень.

— Я? Не буду я тебя учить! Больно надо. Учиться ты будешь сам, а я лишь покажу, как это делать.

Денис мысленно удивился. Вот бы Верона придерживалась такой же методики обучения юных умов. Но вслух озвучил другое:

— А как я это буду делать? Я же ничего не знаю в этом мире. Еще пару недель назад я и не знал, что домовые существуют. Пока не наткнулся на целое поселение.

Елизар Филантьевич лукаво прищурился.

— Но как-то же ты увидел первого домового? А до этого наверняка не раз замечал в окружающем мире странности, нестыковочки, непонятности, ведь так?

Денис кивнул, понимая, к чему клонит библиотекарь. Тот же продолжил:

— Видишь ли, в тебе изначально были спрятаны эти знания и способности. Просто они спали, ожидая своего часа. Тут же в чем дело, ежели человек не верит или верить не хочет, никакая сила не заставит его переломить свое мнение. И наоборот. Ежели вера глубока, то

даже полное отсутствие знаний может ей компенсироваться, понимаешь?

Денис отрицательно замотал головой. С каждым словом библиотекаря он понимал всё меньше.

— Ну гляди же. В тебе эти знания по наследству прятались. У тебя всё семейство ткаческое. И хоть ты и не знаешь, пока, кто это, знаний от этого меньше не становится. Но до последнего времени у тебя не было веры в иное устройство мира. А есть наоборот, простые люди, без знаний. Таких много. Но некоторым так хочется верить в то, что есть что-то большее, чем их привычная картонная реальность. И тогда мир, видя эту несгибаемую веру, дает им знания. Как бы в награду, понимаешь теперь?

Денис почесал затылок. Стало немногим понятнее. Но вопросов появилось еще больше.

— А почему родители скрывали от меня правду так долго?

Пожалуй, это был тот самый вопрос, который волновал его больше остальных.

Елизар Филантьевич вздохнул.

— Ну откуда же я могу знать. Я летописец, а не справочная. Да и отчетов мне никто не сдает.

— Летописец? — не смог сдержать усмешки Денис. — Как Нестор, что ли?

Библиотекарь вскинул на Дениса возмущенный взгляд.

— Нестор? Сравнить благородный клан Карминов с этим врунишкой? Да как у тебя язык повернулся сказать такое?

Голос старика становился все громче, подзвучиваемый эхом высоких сводов. Но на Дениса это не произвело должного эффекта.

— Подумаешь. Откуда я знать что-то могу? Вы тут все говорите загадками, ничего толком не объясняете и только требуете, чтобы я сам во всем разобрался. У вас какие-то кланы со странными именами и фамилиями, обряды, традиции, устои. И все это, как будто так и должно быть. Домовые, русалки, баба Яга и еще куча всего, что я до недавнего времени только в детстве в сказках читал. Так что не надо тут меня обвинять в том, что я чего-то не знаю. В моей реальности был один летописец Нестор со своей повестью временных лет!

Денис сам не понял, что толкнуло его на эту речь. То ли напряжение решило найти выход подобным образом, то ли несправедливость обвинений библиотекаря раззадорила парня. Но только высказавшись, Денис понял, что ему стало значительно легче.

— Не был он летописцем! И летопись не его! Наглый воришка утащил её у меня, переиначил и выдал за свое творчество! — возмущение библиотекаря не улеглось, но теперь оно было направлено не на Дениса.

— А вообще, так и быть. Хоть это и не моя обязанность, введу тебя в курс дела. Правда, я до сих пор не понимаю, почему оборотни тебя не просветили. Обычно они берут это на себя.

Денис пожал плечами и приготовился слушать лекцию библиотекаря. Впервые мысль о том, что ему надо будет что-то запоминать, не вызвала в его душе привычного протеста.

"Расту", — пронеслось у парня в голове.

"Растешь", — откуда-то из глубины памяти долетел до него знакомый голос старого ворона.

Денис прищурился и понял.

— Вы! Это же вы были у Белого Дерева! И в ущелье тоже были вы! И еще много раз Почему я сразу не разглядел?

Старик усмехнулся, и в полумраке пещеры блеснули янтарем глаза с лукавыми

огоньками в глубине.

— У меня есть свои способы для того, чтобы укрываться от посторонних глаз, — ушел от ответа старик. — Но я удивлен, как ты это заметил. Это говорит в твою пользу, однозначно.

Денис закатил глаза. Снова загадки и недомолвки. Это начинало действовать на нервы.

— Впрочем, не об этом сейчас речь. У нас мало времени, а рассказать тебе нужно многое.

Старик бросил взгляд на светлеющие все сильнее надписи, снял с огня закипевший чайник, бросил в него каких-то травок из все той же трещины и принялся рассказывать.

— Наш мир многогранен, слоист и неоднороден. И берет он свое начало из одной точки, у Белого Дерева. Если ты учил мифы, тебе не раз встречался этот образ. Мировое древо, древо жизни — как его только не называли разные народы. Ствол — это основа мироздания. Его суть. Ветви — разные реальности, которые могут вовсе никогда не пересекаться между собой. Но одного Дерева мало для того, чтобы жизнь была. Оно просто место, где можно обитать, но не сама жизнь. Сама жизнь — это Любовь, Судьба и Сила. Любовь жизнь рождает, Судьба ведет, а Сила прекращает, чтобы потом она родилась снова. Это три начала, три сестры, три грани одной сущности. А мы все — порождения её. Но если любовь нам не подчиняется, она просто есть всегда где-то рядом, то силу, наоборот, можно укротить и подчинить. И тогда баланс будет нарушен. Для этого и есть Судьба. Именно она решает, кому жить, кому любить, а кому идти к Белому Дереву. И над ней никто не властен. Она дает каждому нить, которая сплетается с жизнью при рождении и которая обрывается после смерти.

Денис вспомнил прялку в резном тереме и пляшущее веретено с тысячами нитей, разбегающихся в разные стороны. Старик поправил чашки, стоящие прямо на каменном полу и разлил в них свежесваренный чай. Густой аромат трав поплыл по воздуху, щекоча ноздри, и Денис чихнул.

— Будь здоров, — пожелал Елизар Филантьевич и продолжил рассказ. — Как только Судьба стала раздавать нити, появились те, кто начал помогать ей в этом нелегком деле. Первыми были небесные пряжи. Ты про них тоже должен был слышать — мойры, норны, Доля и Недоля, как их только не называли люди. Но в скором времени они перестали справляться — слишком много людей, слишком много судеб. Веретено стало плясать под тяжестью нитей и обрывать их. Судьбы ломались и перепутывались, и мир повернулся к закату. Тогда же часть людей решила принести свои судьбы в жертву веретену. Они сплели их с прялкой и взяли на себя бремя следить за судьбами-нитями остальных людей. Так появились первые ткачи. Они выстроили станки и стали внимательно оберегать нити от запутывания и обрыва раньше срока. Они стали ткать полотно мироздания из нитей, прочно привязывая их к этому миру. Долгое время никто не знал, что за великое дело творит клан ткачей. Пока не нашлись умники, решившие взять судьбу в свои руки. Началась война и беззащитных ткачей сломили. Тогда им на помощь пришел Велес — отец стад и хранитель дорог. Он отобрал своих лучших лесных зверей и наделил их способностью раз в месяц обращаться в людей. Это были оборотни-прародители. Главному же он кроме силы дал мудрость великую, чтобы разгадывать знаки судьбы и узоры полотна. Вся их мощь обрушилась на обидчиков ткачей, и веретено продолжило свой бег в первоначальном спокойствии. Дети же оборотней основали клан Геро и стали неустанно защищать Ткачей и днем и ночью.

— Выходит, в природе существует два сверхъестественных клана, о которых простые смертные ничего не знают? — присвистнул Денис.

— Четыре, — поправил его библиотекарь. — Ткачи и Геро были первыми. Немногим позже, обособленно, но тесно связанно с ними, был образован клан Кармин. Мы следим за ходом истории, пишем её, но никогда не вмешиваемся. Это главное правило всех Карминов — быть незримыми наблюдателями Судьбы, но никогда не пытаться вершить её. Мы, как никто другой, знаем, к чему приводят попытки изменить судьбу, уйти от нее, сбежать или, напротив, встретиться с ней раньше срока. История знает множество печальных примеров, и пишем эту историю мы.

Денис впечатлился. Получается, что всё это время он жил с хранителем истории в одной комнате, но даже не подозревал об этом. С другой стороны, теперь Денис начинал понимать, почему Вальтер ничего не пояснял ему и делал вид, что все происходящее в порядке вещей.

— Никогда не вмешиваться, — повторил за стариком Денис.

— Именно! — подчеркнул тот.

— А четвертый клан? — после недолгого осмысления услышанного поинтересовался Денис.

— Чай пей! — довольно резко ответил старик, чем вызвал у Дениса нескрываемое удивление. — Остынет, — попытался исправить ситуацию библиотекарь. Но Денис понял, что отчего-то тему четвертого клана с ним обсуждать не хотели. Сделав мысленную заметку в памяти, Денис потянулся к горячей чашке.

Несмотря на то, что они проговорили довольно приличное количество времени, чай оставался всё таким же горячим. Терпкий вкус трав приятно пощипывал язык, а в груди разливалось тягучее тепло. Денис с удовольствием потягивал напиток, припоминая, что в прошлый раз вкус у чая был всё же немного другой. Менее травяной, что ли. Руны на стенах засветились еще сильнее. Теперь они напоминали потолочные светильники-глазки, которые работают в приглушенном режиме. Полумрак уже не был таким густым, и Денис мог разглядеть устройство грота. С одной стороны он уходил вглубь так сильно, что дальней стены не было видно. Присмотревшись, Денис понял, что это была та сторона, откуда они пришли.

"Ну конечно же, поэтому и не видно конца", — вялая мысль прокатилась в сознании так медленно, что Денис успел её разглядеть со всех сторон.

— Е-елизар Ф-филантьевич, — слегка заикаясь, проговорил Денис, чувствуя, как веки наливаются свинцом. — А давайте мы вернемся, а? А то спать что-то сильно хочется.

Два янтарных глаза засветились в темноте так же, как и таинственные руны. Денис попытался сфокусировать взгляд.

— Черная река, другие берега, дальние дали, бескрайние степи, корни-ветви переплетаются, прялка скрипит, веретенце пляшет. Иди туда, откуда пришел, явись к той, что породила...

Шепот расползлся по стенам пещеры. Денис не мог понять, кто это говорит. То ли старик, то ли сами внезапно ожившие руны. Мир вокруг качался подобно старой лодчонке в шторм. Денис пытался ухватиться за что-нибудь, чтобы удержаться, но у него не получалось. Оцепенение пещеры сковывало парня по рукам и ногам, затягивая в туманную трясиину сна. Денис изо всех сил сопротивлялся, стараясь не прислушиваться к шепоту. Каждое слово толкало его вперед, в объятия Морфея, и он ничего не мог с этим поделать. Последнее, что

увидел Денис — лукавый взгляд прищуренных янтарных глаз. Мир вокруг качнулся, и парень провалился в беспробудный сон.

Глава 12. Богатырский сон

Падение было долгим. Денису казалось, что он летит в колодец, у которого кто-то попросту отобрал дно. Первоначальный страх разбиться сменился возмущением от столь длительного ожидания конца, а потом и вовсе безразличием. Денис не знал, сколько времени он парил над этой бесконечной пропастью. Иногда ему казалось, что он вовсе и не падает, а подобно пылинке висит в одной точке пространства. Но в следующее мгновение полет набирал новые обороты и Денис вспоминал, что это хитрый библиотекарь отправил его сюда. Иногда по сторонам вспыхивали разноцветные всполохи, но Денис не успевал ничего разглядеть. Тогда он понимал, что действительно летит куда-то вниз. Бесконечная темнота вокруг сменяла оттенки от чернильно-черного до фиолетово-черничного. Глаза постепенно привыкали к этому абсолютному ничто, и Денис даже умудрялся разглядывать в этой бесконечности бесформенные танцующие тени.

Всё закончилось внезапно. Как будто Денис никуда и не падал последние часы, или может быть дни? Сколько ни пытался парень прикинуть, как долго он находится тут, ничего не выходило. Темнота вокруг расступилась, уступая место полумраку. Темно-серый туман за клубился вокруг, расползаясь толстыми щупальцами по пространству. Денис пригляделся. Среди бесконечного полумрака проступали бледные, неясные картины. Серебристая река с плеском волн, рассыпающихся брызгами по галечному берегу. Глубокое, уже знакомое ущелье с ощущением тревоги и опасности. Резной терем, в который Денису пока что не очень хотелось возвращаться. И бесконечное поле с тяжелыми золотистыми колосьями поспевающей пшеницы. Денис прищурился и пригляделся — в воздухе словно повеяло полуденным жаром, а лица коснулся суховей. Чувство полного спокойствия накатило на Дениса и он, не до конца осознавая, что делает, потянулся к этой картине.

Полумрак рассеялся, и Денис оказался посреди пшеничного поля. Лучи полуденного солнца болью отразились в глазах и Денис зажмурился. Прислушался — вокруг не раздавалось ни звука. Весь мир готовился встречать Полуденника. Небесный всадник, самый опасный и самый беспощадный, готовил своего белоснежного коня.

"Как только достигнет солнечный диск зенита, распахнутся ворота Ирий-сада. Взбрыкнет огнегривый белоголовый конь и выедет за ворота в Мир-дивный-Град. Копыта его искры жаркие выбивают, из ноздрей огонь бело-солнечный вырывается. Ступает он по небу синему, а по земле жар полуденный разливается. И сидит на нем витязь светлый. Кудри белые, латы блестящие. Всяк, кто взглянет на него — миг свет белый видеть перестанет, ослепленный блеском солнечным, опаленный жаром полуденным. И прячется всё живое, да неживое, дабы не попасть под сияние светлое. И лишь Полудницы-красны девицы рядом пляшут, взор да слух витязя прекрасного услаждают, колосья с полей собирают, да вьют венки случайно заплутавшим в полдень странникам. Коль увидал ты в поле полудницу, беги, окаянный, не оглядывайся. А коли не сбежишь — затанцуют тебя до смерти, да опалят жаром всепоглощающим".

Денис не понимал, откуда в его голове берутся эти знания, но ни минуты не сомневался в их правдивости.

Солнце нещадно припекало темноволосую макушку, и Денис не придумал ничего лучше, как идти вперед в поисках тени. Налитые колосья покачивались от малейшего дуновения ветра, и Денису казалось, что он слышит их тихий звон. Нагретая за день земля

дышала жаром и поскрипывала под ногами. Влажная после утренних приключений одежда от местной жары просохла за несколько минут, и вскоре Денис почувствовал, как по спине побежала первая струйка пота.

"Если так пойдет и дальше, я попросту сварюсь под палящими лучами, так и не найдя выхода", — подумал парень, размеренно шагая вперед.

На самом деле, он так до конца и не понял, чего хотел добиться библиотекарь своими действиями. Отправить его в эту реальность для экстренного обучения? Или же, наоборот, заставить медленно и мучительно познавать всё на собственном опыте? Успев ознакомиться с нравами местных сверхъестественных кланов, Денис бы не удивился подобному развитию событий. По крайней мере, сейчас он вполне натурально поджаривался под полуденным солнцем.

— Едет, едет, едет, — колосья закачались сильнее, перешептываясь между собой. Бледное солнце вздрогнуло и подкатилось к зениту, вдалеке послышалось конское ржание. Денис напрягся. Волна жара прокатилась по земле, опалив ресницы. На горизонте медленно разливался яркий, нестерпимый блеск. Инстинкт самосохранения подсказывал парню бежать без оглядки на все четыре стороны, но холодный разум шептал, что это бесполезно. Нигде, насколько только хватало взгляда, не было ни деревца, ни кусточка, за которым можно было бы укрыться от сурового взгляда Полуденника. Денис зажмурился, чувствуя приближающегося по небу всадника. Жар становился все сильнее. Казалось, еще немного и под ногами начнет плавиться земля. Нестерпимый блеск жег даже сквозь закрытые веки. Теперь та непроглядная темнота, из которой выбрался Денис, казалась ему райским уголком среди этого царства дня и света.

— Это наш, наш, это же наш, — среди шепота пшеницы до Дениса долетел тихий звонкий смех. Подобно колокольчику он звучал напевно, переливаясь среди треска земли и огненного дыхания полуденного коня.

Денис прислушался. Смех звучал всё громче, приближаясь. Жар же, наоборот, словно бы отступил. Блеск в глазах тоже начал тускнеть и вскоре вообще исчез. Постояв какое-то время для верности с закрытыми глазами, Денис все же решил удовлетворить свое любопытство и медленно приоткрыл один. От увиденного, парень охнул, пошатнулся, и чуть было не упал в пшеницу, чем вызвал новую волну смеха. Прямо по небосводу к нему спускались три невесомые и полупрозрачные девы. Длинные светлые волосы развевались в небесах тонкими паутинками. Бледные сарафаны слабо мерцали на фоне синего неба. Тонкие руки то и дело взмывали вверх, сплетаясь в древних движениях только им известного танца.

— Затанцуют, запляшут тебя, — нашептывали ему пшеничные колосья. Но Денис не обращал на этот шепот внимания. Приближающиеся девы были настолько прекрасны, что хотелось впитать в себя эту красоту, отпечатать в памяти каждый образ, чтобы потом с упоением разглядывать его снова и снова.

Одна из дев улыбнулась ему и ступила на пшеничное поле. Денис заметил босые ступни, не оставляющие следов на покачивающихся колосьях. Наблюдая за плавными движениями девы, Денис забыл о том, кто он такой и где он находится. Манящая улыбка, веселый блеск синих глаз и неведомый танец пленяли, отрывали от реальности и уносили вслед за собой. Полудница протянула тонкую руку, и Денис коснулся её не раздумывая.

Волна сухого жара прокатилась по руке, но Денис этого даже не заметил. Ступая следом за девой по звенящим колосьям, он неожиданно понял, что слышит музыку.

Размеренные удары барабанов совпадали с ударами его сердца, отчего кровь в жилах начинала бежать быстрее, а в груди разгорался боевой азарт. Полудница ступала вперед, кружась, и Денис повторял за ней древние движения. Шаг вперед, поворот, наклон, два шага вперед, разворот, руки вверх и снова шаг вперед. Денис не оглядывался, но чувствовал, что сестры-полудницы следуют за ними, повторяя такие же движения. Темп все ускорялся, но Денис не чувствовал усталости. Наоборот, невиданная легкость наполняла тело, толкая его вперед и вперед. В какой-то момент Денис заметил в руках первой полудницы тонкий золотой серп. Дева повернулась к нему лицом, возвела руки с серпом к небу, чтобы солнечные лучи коснулись золоченого лезвия и, глядя Денису в глаза, наклонилась и ловко срезала один колосок. Крик, полный отчаяния и боли разорвал полог восторженного оцепенения, который окутал Дениса во время танца. Он зажал уши руками, чтобы не слышать, но, казалось, крик этот проникал в самую душу. В ясном небе грянул гром, и Денис услышал топот приближающихся копыт.

— Это наш! Наш! Наш! — хором закричали полудницы, озираясь. Старшая из сестер схватила Дениса за руку и закружилась, превращаясь в полуденный вихрь. Пыль взметнулась вверх, скрывая их от глаз вернувшегося Полуденника. Денис чувствовал, как эта же пыль набивается в рот, нос, засыпает глаза и уши, но не мог вырваться из цепких объятий полудницы. Время снова потеряло свой счет, и Денис не знал, сколько еще ему кружиться в этом пылевом вихре.

— До конца зенита, — услышал он тихий, дрожащий голос. — Потом пойдешь с нами.

Денис хотел было возразить, что никуда-то он идти и не собирается, но новая порция пыли и сухих стеблей, набившаяся в открытый рот, помешала ему это сделать. Казалось, что до окончания полдня прошла целая вечность, но внезапно это кружение закончилось. Денис кулем свалился на землю, изрядно примяв пшеницу. Полудницы все также стояли рядом, но выглядели сейчас значительно тоньше и тусклее.

— Идем. Иначе останешься тут навеки.

Денису такая перспектива не очень понравилась, потому он послушно поднялся, отряхнул пыльные джинсы и заторопился следом за сестрами.

Бескрайнее поле все не кончалось. Солнце, зависшее в одной точке, продолжало нещадно припекать, но Денис радовался хотя бы тому, что огнегривый конь с небесным всадником умчался в свои чертоги. По крайней мере, воздух больше не походил на раскаленный металл, и дышать можно было более-менее ровно. Долгое время пейзаж вокруг оставался неизменным. Сестры-полудницы шагали впереди, кружась и танцуя. Изредка одна из сестер склонялась над колоском и срезала его, тогда Денис снова слышал тихий вскрик. Но уже не такой сильный, как в самый первый раз. Денис отметил про себя, что золотистые серпы полудниц уж очень похожи на тот, которым он срезал нить жизни страшного норлаха. При первой же возможности он решил расспросить странных созданий об этом. Но те словно потеряли к нему всякий интерес. Ни одна из них больше не протягивала к нему руки и не звала в хоровод. Денис даже слегка опечалился таким равнодушием. Но сменившаяся картина мира отвлекла его от этих мыслей. Желтое поле отборной пшеницы постепенно сменялось разнотравьем. Поначалу чаще стали встречаться сорняки, да колючки, а потом и вовсе дикие травы вытеснили пшеницу, не оставив ни одного колоска. Здесь полудницы прекратили свой танец и шли, больше не останавливаясь. Денису приходилось внимательно смотреть под ноги — как оказалось, местные колючки отлично пробивали подошву на дорогих кроссовках и с радостью впивались в ступни. Денис лишь поразился тому, как эти

эфмерные создания ступают по такой недружелюбной поверхности и не ранят босые ноги.

Вскоре и это заброшенное поле закончилось, и началась каменистая тропа. Денис прищурился и заметил на горизонте горы, к которым они, судя по всему, и направлялись. Воздух вокруг дрожал от полуденной жары и Денис не удивился бы, если бы вдруг те далекие горы оказались лишь призрачным миражом. Но спустя еще какое-то время заснеженные вершины приблизились, и Денис выдохнул. Он не знал, куда и зачем они направляются, но возможность в случае чего найти убежище несказанно радовала. Полудницы заметно потускнели. Было видно, что им этот путь дается все тяжелее и тяжелее. Колосья в их руках, наоборот, сияли все ярче. Словно бы вытягивали из них часть жизненной силы.

— Давайте я понесу! — Денис сам не понял, откуда ему в голову пришла эта идея. Сестры переглянулись, безмолвно обсуждая его предложение. Наконец та, что танцевала с ним в поле, кивнула, и они одновременно протянули Денису срезанные колоски. Денис взял их в охапку и тут же склонился до земли под внезапной тяжестью принятой ноши. Полудницы внимательно наблюдали за ним, не двигаясь.

— Все в порядке, — тяжело дыша, Денис поднялся и сделал шаг вперед.

Сестры развернулись и прошествовали дальше, больше не оборачиваясь. Денис старался не отставать, но каждый шаг давался ему с огромным трудом. Казалось, что с каждым ударом сердца колосья в руках становятся всё тяжелее. Лоб покрылся испариной, руки дрожали, и Денис уже не раз пожалел о своем бездумном предложении. Но бросить свою ношу он отчего-то не мог. Словно бы она приросла к рукам, пустила в него корни и заякорилась. Внутренний голос подсказывал парню: "Бросишь и сам сгинешь тут". Полудницы же, наоборот, налились светом и силой, как будто у них открылось второе дыхание.

Денис в очередной раз в мыслях возблагодарил Вергарда, достающего их изнурительными тренировками не только силы тела, но и силы духа. Именно благодаря привитой силе воли он до сих пор не сбросил с себя этот тяжкий груз посреди каменистой пустыни.

За своими стараниями не бросить все посреди дороги и сбежать, куда глаза глядят, Денис не заметил, как они подошли к подножию величественных гор. Еще мгновение назад они были далеко на горизонте, а уже сейчас выскочили, словно из-под земли, прямо перед носом. Денис поморщился от боли в затекших руках и поудобнее перехватил свой букет из колосьев.

— Недолго осталось, — напевный голос полудницы бальзамом пролился на страдающего Дениса. Даже неприятная мысль о том, что по меркам бледных дочерей вечности "недолго" может разительно отличаться от привычных Денису представлений о времени не смутила парня. Впрочем, действительно после этого заявления прошагали они не так уж долго. Тропа завернула за массивный валун, и Денис понял, что они вышли к какому-то ручью.

— Приток Смородины. Мы первые, — объявила одна из сестер, аккуратно забирая у Дениса колосья. Поровну распределив их между собой, сестры уселись у самой кромки воды и принялись сплетать венки, напевая какую-то тихую мелодию. Денис огляделся и заметил вдалеке приближающиеся фигуры, очень похожие на его спутниц. Полудницы стекались к этому ручью со всех сторон. Бледные, почти неразличимые в дрожащем воздухе с пышными охапками колосьев и яркие, четкие с одним-двумя тоненькими колосками. Денис

вглядывался в их неземные, печальные лица с отсветами верхнего мира в бездонных глазах и не мог понять, что же его настораживает. Было что-то в этой прекрасной и неземной картине до дрожи жуткое, вызывающее страх и желание убежать и скрыться от их мягкого взгляда, но Денис не мог разгадать, что. Девушки все подходили и подходили, усаживались на берег и принимались плести венки. У кого-то они выходили настолько огромными, что не вмещали в себя все колосья. У кого-то же, наоборот, не выходило и целого. Тогда они печально вздыхали и сбрасывали увядающие одинокие колоски в воду.

В такие моменты чувство горечи накатывало на Дениса с такой силой, что хотелось взвыть диким зверем.

— Вой, если полегчает. Да только не полегчает, — сухой, скрипучий голос раздался за спиной и Денис резко обернулся.

Сгорбленная старуха в сером, запыленном балахоне стояла, опираясь на ссохшуюся клюку.

— А вы откуда знаете? — прищурился Денис, вглядываясь в морщинистое лицо. Было в нем что-то знакомое. Так смотришь на давно потерянного и почти забытого родственника, которого внезапно повстречал на вокзале.

— Я многое знаю. Как и ты. Да только ты позабыл, а я все помню, — морщинистый рот растянулся в грустной улыбке и Денис нахмурился. Он уже понял, что все нечеловеческие создания любят говорить загадками, но так до сих пори не разгадал, как же сделать так, чтобы он хоть что-то понимал в этих разговорах.

Старуха с интересом разглядывала Дениса, не торопясь вносить хоть какую-нибудь ясность и Денис решил отбросить врожденную скромность и воспитанность.

— А я где, собственно, нахожусь? И как мне отсюда выбраться? И, кто вы такая?

Старуха рассмеялась, отчего Денису показалось, что по стеклу пару раз провели наждачной бумагой. Настолько сиплым и скрипучим был у нее смех.

— Ну ты уж определись, на какой мне вопрос отвечать, малец.

Денис вздохнул. Всё-то у них было по обычаям, всё-то по правилам.

— Давайте по порядку, чего уж.

— Давайте, так давайте, — согласилась старуха. — Ты у притока реки Смородины, недалеко от Калинова моста.

— Это где Илья Муромец бился со Змеем Горынычем? — вспомнил школьную программу по литературе Денис.

— Ну почти, — усмехнулась старуха. — Бился Иван, да не с Горынычем, а с Чудо-юдом. Впрочем, кто там только не бился за столько-то лет.

— Но Смородина же Огненная река! А приток почему обычный? — искренне удивился Денис. Путешествия по различным форумам в поисках правды о домовых не прошли для Дениса даром, знатно подковав его в вопросах отечественной мифологии.

— Ну почему же не огненный, — старуха перевела взгляд на водную гладь, куда одна из полудниц в очередной раз сбросила одинокий колосок. Долгое время ничего не происходило, и травинка одиноко колыхалась на мелких волнах. Резкий, как стрела, язык пламени взметнулся вверх, прямо из водной глади, и слизал колосок, как будто его и не было.

— Понятно, — поднял руки, сдаваясь, Денис. — Приток тоже огненный. А что я тут делаю, не подскажете?

— Думаю, смотришь, — резонно заметила старуха. Денис сделал глубокий вдох,

пытаясь подавить подкатывающее раздражение.

— Видите ли, дело в том, что меня сюда забросил хитрый библиотекарь из какого-то хитрого клана летописцев, ничего не объяснив. А перед этим я с помощью золотистого серпа, как у этих милых девушек, уложил древнюю потустороннюю тварь, которая хотела меня сожрать. И никто в моем мире почему-то не озаботился объяснить мне, в чем, собственно дело и что же со мной произошло за это утро. Ах да, еще родители почему-то забыли посвятить меня в тайны семьи и, как оказалось, всё это время скрывали от меня правду о мироустройстве в целом и моей судьбе в частности.

— Витиевато говоришь, — прервала монолог Дениса старуха. — Красиво. Но мы больше молчим. Запомни это. Сам вскоре таким же станешь.

Денис хотел было возразить, но появившаяся из-за поворота ручья лодчонка не дала ему этого сделать.

Девушки поднялись, как по команде, готовя свои венки. Та полудница, что танцевала с ним в поле, запела тихую, прощальную песню. Тоска, щемящая и всепоглощающая, потекла по воздуху, касаясь каждого, кто слышал эту мелодию. Лодчонка, покачиваясь, подплывала всё ближе и ближе к берегу. Вот, первая девушка опустила в нее свой венок, следом подошла вторая, третья и так до тех пор, пока все венки не оказались в лодке. Девушки стояли, взявшись за руки и покачиваясь в такт льющейся песне. Денис смотрел, не в силах оторвать взгляд и чувствовал, как в душе разливается бездонная пустота, которую постепенно заполняют тоска и грусть. Лодчонка оттолкнулась от берега и медленно поплыла назад, к повороту. Полудницы возвели руки к небесам и завели хоровод, в который заключили Дениса со старухой. Тонкие руки опускались и поднимались снова, прощаясь с венками, и Денису казалось, будто он слышит тихий человеческий плач, раздающийся из лодки. Тонкие золотистые лучи, так похожие на свечение нитей, которые он видел у старой прялки, пробивались сквозь наползающий со всех сторон туман.

— Это?.. — Денис боялся озвучить посетившую его догадку.

— Судьбы. Люди. Души. Называй, как хочешь, — высказала его мысль вслух старуха.

Песня становилась все громче. Девицы двигались быстрее. Лодка почти скрылась за поворотом, окутанная клубами серого тумана.

— Так кто же вы? — Денис как замороженный наблюдал за древним танцем прощания и смерти.

— Мы, как и ты — четвертый клан, — как из небытия долетел до Дениса голос старухи. — Мы жнецы.

Всполох алого пламени взвился до самых небес, озаряя окрестности, и Денис понял, что лодчонка нашла свое последний причал посреди Огненной реки.

Денис почувствовал, как кто-то сильный и бесцеремонный буквально с корнями выдирает его из этого видения. Парень вздрогнул, открыл глаза и застонал от беспощадного электрического света, бьющего в глаза.

Глава 13. Новый взгляд

— Живой, ты погляди, — жизнерадостный голос Елизара Филантьевича нельзя было спутать ни с чем. — А я уж думал, перестарался с белладонной. Помнится в прошлый раз, когда я её применял для богатырского сна, товарищ пять лет проспал. Всё же Верона ваша во всяких зельях да снадобьях посильнее меня будет.

Денис застонал от нестерпимой головной боли и почувствовал подкатывающую к горлу тошноту.

— Ничего-ничего, скоро пройдет, — успокоил парня старик, довольно сверкая глазами. Денис увидел крутанувшийся вокруг него мир и понял, что больше не в состоянии сдерживать в себе всё переполняющее его. На его счастье проворный Елизар Филантьевич успел вовремя подставить алюминиевый тазик.

— Да уж, явно перестарался я с белладонной, — слушая не самые приятные звуки, изрек библиотекарь.

Спустя какое-то время, Денис смог отдышаться и попросил воды, удостоверившись в том, что мир вокруг больше не пускается в пляс.

— Ну что, видел сны? — библиотекарь отвернулся в поисках стакана под воду.

"Не верь никому", — услышал Денис едва различимый шепот над ухом. Он провел рукой по волосам и вытащил оттуда тоненький золотистый колосок пшеницы. Сжав его в ладони, как единственное напоминание о реальности всего увиденного, Денис прикрыл глаза и откинулся на подушки.

— Эй ты, юнец, старших игнорировать неприлично! — прокаркал над ухом старик, протягивая Денису воду.

Денис подозрительно посмотрел на стакан и отставил его в сторону.

— Голова болит. Дайте в себя прийти!

Елизар Филантьевич усмехнулся, но настаивать не стал.

— Ну приходи. Чай, не день проспал, а две недели. Кто угодно утомится от такого длительного сна.

Денис пробормотал в ответ что-то невразумительное, стараясь осмыслить все, что с ним произошло. По всему выходило, что он каким-то образом оказался представителем четвертого клана, про который библиотекарь не захотел ему рассказывать. Первым порывом было расспросить у летописца всё, что тот знает, но предостережение колоска останавливало Дениса. Поэтому он решил зайти с другой стороны.

— Я видел что-то странное. Прялку и терем Бабы Яги и домовых, которые пытались удержать веретено. И станки.

Елизар внимательно слушал и что-то записывал в пухлый блокнотик.

— Вы знаете, что это значит? — с невинным видом ничего не понимающего юнца поинтересовался Денис.

Библиотекарь какое-то время продолжал писать, не обращая на Дениса никакого внимания. Потом словно бы опомнился и заговорил.

— Знает только сама Судьба. А мы предполагаем. Видишь ли, твои родители попытались обмануть судьбу, не дать тебе возможности стать ткачом. Увезли тебя, скрыть пытались. Да ничего хорошего из этого не вышло. Судьба все равно найдет, куда бы ты ни шел. Всех находила, всех настигала. И тебя настигла, да так, что родители чуть не

поплатились за это. И, видишь, как ни крути, а ткачом тебе быть. Потому что ты ткач по роду, по племени!

Елизар Филантьевич говорил искренне и Денис уже был готов поверить его словам, но покаяние в кулаке отвлекло его от внушающих речей библиотекаря.

— Ты не ткач... — тихий голос на самой границе сознания долетел до Дениса. — И не был им никогда. И никогда и не будешь. Помни всегда об этом...

Денис почувствовал, как ладонь лизнул маленький язык пламени Смородины и охнул.

— Что там у тебя? — восторженно воскликнул библиотекарь, подскакивая к Денису и разжимая его кулак.

— Руки грязные, ты погляди, — покачал головой старик, протягивая Денису полотенце.

— Ну да, я же бежал куда-то и падал, — не задумываясь, соврал Денис. — Это же реальностью всё было, правда?

— Кто знает, — уклонился от ответа библиотекарь, снова принимаясь за записи.

Денис обрадовался тому, что его на какое-то время оставили в покое. Несколько часов он просто лежал в постели и обдумывал все произошедшее с ним за последнее время. Этой передышки хватило на то, чтобы набросать в голове более-менее четкий план действий. Первым и единственным пунктом в котором было: "узнать как можно больше о жнецах". Казалось бы, что может быть проще? Но в мире, где каждый почему-то задался целью сбить его с толку, обмануть и пустить по ложному следу задача выходила та еще. В голову Дениса начали закрадываться сомнения, а не догадываются ли окружающие о том, кто он такой на самом деле? Уж не просто так, в самом деле, старый библиотекарь стал внушать ему родительский обман и его ткаческую миссию? Сам того не желая, Денис добавил еще один пункт к своему плану — разузнать, почему его все хотят обмануть.

К вечеру в дверях его спальни-палаты появилась Верона. Именно она и сообщила Денису, что тот вторую неделю находится в подпольях Ладогора, в центре клинических исследований нестабильных существ. Кто придумал такое название новым порождениям, для Дениса осталось загадкой, на которую Верона не посчитала нужным ответить. Куратор кратко ввела Дениса в курс дела, не сообщив при этом ничего нового. Всё, что узнал Денис из её слов — мир многогранен, в нем живет и мирно сосуществует множество разных существ и порождений. Люди в этой цепочке занимают не самое последнее место и могут даже каким-то образом влиять на ход событий. Самый-Лучший-Лицей — оплот отечественного потустороннего и сверхъестественного движения. Есть еще парочка на Урале и Дальнем Востоке, но это уже совсем другая история. Он, то есть Денис, потомственный ткач по линии матери, которого попытались лишить силы и не допустить к станку. Это привело к печальным последствиям и теперь все безумно сожалеют о содеянном. И все, что им остается — принять, понять и простить, а также попытаться лошадиными темпами наверстать упущенное. Поэтому с завтрашнего дня Денис не отправляется домой на каникулы, как все нормальные дети, а идет проходить ускоренный курс обучения по всем направлениям.

— Вы что, издеваетесь? Убить-загнать меня решили? — не сдержался Денис, увидев свое расписание на ближайшие дни. Ежедневные занятия с семи утра до десяти вечера вызвали стойкое желание снова погрузиться в богатырский сон. Все, что до этого Денис считал "загрузом по учебе" теперь казалось детской песочницей.

— Васнецов, ныть будешь вместе с русалками, когда пойдешь туда с Лиссандрой для личного знакомства. Они любительницы постанать, да пожаловаться. А сейчас собирайся и

бегом в свою спальню. Хватит разлеживаться, времени мало, дел много.

— Ну Верона Вергардовна... — заканючил Денис.

— Я двести семьдесят лет, как Верона Вергардовна. А ты сейчас заработаешь еще и полуночные коридоры за проявленную слабость духа и дополнительную полосу препятствий от Мастера за слабоволие!

— Да понял я, понял! — Денис поднялся с кровати и внезапно рассмеялся. Ему отчетливо вспомнился Ратор на первом уроке. Видимо, тогда его сестра-куратор обещала ему нечто подобное за проявленное душевное слабоволие.

Коридоры Медногора, куда его вывела Верона по переходам, встретили Дениса непривычной тишиной и пустотой. Он не сразу сообразил, что всему виной наступившие каникулы. Идти в спальню не хотелось. Не то, чтобы ему было страшно, но неприятное ощущение растерянности и незнание, как теперь себя вести с товарищами, заметно смущали и сковывали. Денис медленно ступал вперед, стараясь как можно сильнее оттянуть момент своего прихода в комнату. Но коридор все же кончился, и Денис замер перед знакомой дверью. Замер в нерешительности, прокручивая в голове все возможные варианты приветствия.

— Привет, а я, оказывается один из вас...

— А я тут, из богатырского сна выбрался...

— Ну что, начнем собирать отряд внеземных существ?...

Денис вздохнул и прижался лбом к двери. Та, словно только этого и ожидала — приветственно заскрипела и широко распахнулась, открывая Денису удивительную картину.

На полу между кроватями яркими пятнами красовалось расстеленное игровое полотно. На нем, в традиционных нелепо-закрученных позах старались не свалиться Ратор, Ёлька, Кевар и Саня. Вальтер вместе с Настей сидели за столом, выдавая команды — кому на какой кружочек передвинуть руку и ногу. Заканчивал картину "друзья на посиделках" уже знакомый Денису Потеряшка.

Появление Дениса заставило всех как по команде обернуться на дверь, отчего конструкция из игроков опасно зашаталась.

— Упадём! — запищала Ёлька, стараясь удержать равновесие.

— Ну уж нет! Я не собираюсь проигрывать! — зарычал Ратор, стараясь всеми силами это равновесие сохранить.

— Дениса, здорова, — довольный Саня от души поприветствовал друга.

Один Кевар промолчал. Казалось, что он вообще затаил дыхание, чтобы ничего не сказать.

— И вам привет, — Денис вошел в спальню и прикрыл дверь. В этот момент молчаливый Кевар не выдержал и со всей силы чихнул. Конструкция дрогнула и завалилась, на находящегося в самом низу Ратора.

— Кевар!.. — простонал оборотень из-под кучи тел.

— Прости. Это все моя аллергия на белладонну. А от него так и тащит, не продохнуть.

— От самого тащит! — обиженно ответил Денис, забираясь с ногами на свою кровать.

— Прости. Не хотел обидеть. Просто реально, дышать не могу.

Кевар выбрался из кучи малы и выскочил в коридор. В комнате повисло напряженное молчание. Никто не знал, что следует говорить в такие моменты. Как всегда, спас ситуацию самый разговорчивый Саня.

— Ты прикинь, а во мне способности исследователя обнаружили. В то утро, когда ты

уехал, мне Лиссандра Вергардовна предложила посвятить свою жизнь изучению не совсем привычных живых существ. Ну, русалки там, лесовички, лешаки. Оказывается, есть во мне это, представляешь?

— Воу. Здорово, — излишне воодушевленно отреагировал Денис. Он чувствовал на себе напряженные взгляды Вальтера и его девушки Насти, Ёльки, которая слишком увлеченно складывала твистер в коробку и Ратора, который отчаянно делал вид, что его вовсе не существует.

— Я уже пытался лечить домового, — с гордостью заявил Саня, кивая в сторону Потеряшки.

Домовенок помахал Денису рукой и тот улыбнулся в ответ.

— Что, опять наказали?

— Угу, — с досадой шмыгнул тот.

— Сочувствую, — отозвался Денис, продолжая внимательно разглядывать своих товарищей. Особо пристальные взгляды он дарил Ёлке и Ратору. Кевар вовремя сбежал, сославшись на внезапный приступ аллергии.

— И? — наконец, изрек Денис.

— Ой ну хватит строить из себя вселенскую обиженность! — тут же взвился Ратор. — Подумаешь, не сказали, что ты Ткач.

— Ты не ткач, — тут же на границе сознания раздался легкий знакомый шепот, но Денис отогнал его подальше. Сейчас все, что его интересовало — объяснения тех, с кем ему предстоит заново выстраивать отношения.

— Слушай, друг, — Саня поспешил разрядить накаляющуюся атмосферу. — Не знаю, говорила тебе Верона, или нет. Но есть Правило! Наверное, самое важное. Никто никому ничего не объясняет и не рассказывает до тех пор, пока у человека самостоятельно не раскрывается дар. А ты явно не походил на человека, приближенного к истинному миру, уж прости.

— И когда же это он у тебя раскрылся? Дар этот, а? — ехидно поинтересовался Денис у одноклассника.

— По правде говоря, с самого рождения. У меня все семейство из врачей, — пожал плечами Саня. — Тут все мои братья-сестры отучились. А я отмахивался долгое время, хотел в столицу уехать. Я до девятого класса в обычной школе пытался учиться.

Дениса поразили такие откровения. Судя по всему, внимательность в его способностях попросту не значилась.

— А чего решил сюда перейти? — скорее из вежливости, чем из явного интереса спросил Денис.

— А ты попробуй пожить, когда к тебе посреди урока лешак заваливает с воплями о помощи, или вот такой домовенок жизнью обиженный! — Саня кивнул на шмыгающего Потеряшку.

Денис нехотя перевел взгляд на домовенка, стараясь не обращать внимания на Ёлку, весь вид которой выражал одно сплошное раскаяние.

— Так за что тебя наказали-то, а? — поинтересовался он у Потеряшки.

— Представляешь, и тот лапоть потерял. Думал, хоть он не уйдет от меня, всё ж волшебный, но нет, не вышло.

— Какой такой волшебный лапоть? — неожиданно подала голос Настя, подозрительно глядя на домового.

— Ну... вол-ш-шеб-ный... — заикаясь от волнения заговорил тот.

— Я знаю только один волшебный лапоть, — голос девушки наполнился звенящим напряжением, отчего лампочки в комнате начали перемигиваться. — И он никак не мог оказаться у тебя, старая ты голова!

— Ой-ой-ой! Караул! — заверещал домовой, прыгая под стол.

— Это я его принес, — тихо отозвался Денис.

— А ты его где взял? — Настя резко повернулась в сторону Дениса. Глаза её потемнели, и Денису показалось, что он слышит завывания ветра в темном ельнике.

— Ну... в резном ларце, если все верно запомнил, — не стал врать Денис.

— Подожди-подожди. Я знаю только один ларец с волшебным лаптем. Уж не хочешь ты сказать, что умудрился побывать в тереме у Бабы Яги? — Ёлька наконец оторвалась от складывания игры и проявила к однокласснику интерес.

Денис обвел взглядом собравшихся, не совсем понимая, чем вызван такой повышенный интерес к его персоне.

— Ну умудрился, ну побывал, — пожал плечами Денис. — А что? У вас это редкость, что ли?

Судя по напряжению в комнате, это действительно была редкость.

— Давай-ка, рассказывай все по порядку, — Вальтер, как образец благоразумия и спокойствие решил внести дельное предложение. Однако и в его взгляде виднелась неприкрытая тревога.

Денис пожал плечами и принялся кратко пересказывать народу события того дня. Он решил умолчать о том, как попал в ельник Бабы Яги. Сказал, что блуждал где-то в подземельях и увидел картину-портал. Никто не удивился такому объяснению, все знали, что Черноозеро — место известных аномалий. Потеряшка же, перепуганный горящим взором Насти, тоже решил не выдавать Дениса и его книгу.

— Ну, я пообещал домовому принести лапоть, а он пообещал мне рассказать, что тут происходит. Я выполнил свою часть уговора, он свою.

— Так это он рассказал тебе о нашем существовании? — зарычал со своей кровати Ратор.

— Нет, про вас мне рассказал Елизар Филантьевич, если тебя это так интересует! — огрызнулся Денис. Ратор в ответ еще сильнее напрягся.

— Хватит! — прикрикнула Настя. — С тобой я разберусь позже! Как только узнаю, не обидел ли ты бабулю! А ты, — Настя повернулась к домовому. — Рассказывай, куда дел волшебный лапоть!

— Бабулю? — удивленно прошептал Денис, косясь на Вальтера.

— Правнучка, — кивнул тот.

Денис присвистнул и повернулся к домовому. Тот трясся и заикался, стараясь избежать гнева родственницы Бабы Яги.

— Украли! Украли-утащили изверги! Изверги проклятые, чтоб их аспид в гнездо утянул, как они лапоть мой волшебный!

— Не твой, дурья твоя голова, не твой лапоть! — сердито прикрикнула Настя. — Иди к себе, да становись в угол! А я всё Старшему расскажу! Совсем распустил он вас окаянных!

Домовой запищал и юркнул в приоткрытую дверь.

— Настенька, ну что ты. Ну найдем мы этот лапоть, не переживай так. И Денис его бабуле вернет с извинениями, — Вальтер поднялся, подошел к девушке и приобнял её за

плечи, пытаясь успокоить.

— Да как ты не понимаешь! — вскрикнула та, отчего за окном сверкнула молния. — С этим лаптем пройти сквозь любую защиту можно! Сквозь любые обереги! Хоть к Белому Дереву, хоть к станкам, хоть к прялке Макошиной, понимаешь?

Денис напрягся, вслушиваясь в слова девушки. Все эти места были ему знакомы, и видел он их не раз. Но делиться этими знаниями парень не спешил, решив разузнать как можно больше.

— Тихе, тихе, — продолжал успокаивать девушку Вальтер. — Может просто кто из нежити разгулялся.

— А веретено пляшет тоже из-за игрищ нежити? И станки барахлят, да полотно кривое выдают? Сколько судеб уже перепутали? Сколько загубили? — продолжала негодовать Настя.

— Вальтер, она права, — тихо согласилась Ёлька. — У Ткачей каждую смену что-то, да приключается. Нам не говорят, но мы и сами по клубочкам все видим.

— А ничего, что мы тут не одни, — довольно грубо указал на Дениса Ратор.

— А ничего, что я один из вас? — не выдержал Денис, повышая голос.

Золотистое сияние на секунду прорезало комнату и тут же погасло. Все собравшиеся уставились на Дениса, как на восьмое чудо света. Тишина, никем не нарушаемая, воцарилась в спальне.

Нарушил её, как всегда, позитивный в любых ситуациях Саня.

— Предлагаю обсудить за чашечкой чая!

— А можно мне кофе? — простонал Денис. — От чая я засыпаю на две недели! Богатырский сон, может быть, мне и к лицу, но что-то больно тяжело из него выходить.

Под смех присутствующих Саня выскочил из спальни и побежал набирать чайник.

Глава 14. Миры и пространства

Конец октября выдался дождливым, отчего весь мир сменил осеннее разноцветье на серость всех возможных оттенков. Из-за непрекращающихся дождей утренние пробежки отменили. То, что раньше казалось наказанием, внезапно перестало существовать. Теперь лицеисты каждое утро рассеянно бродили по коридорам, не зная, куда себя деть до завтрака. Кто-то спускался в тренажерный зал, кто-то бегал во дворе по территории лицея, игнорируя дождь. Но большая часть оставшихся на каникулы молодых людей попросту страдала от безделья.

Один Денис не ощущал на себе прелестей наступивших каникул. Подъем в пять утра и бесконечные занятия до поздней ночи выводили парня из равновесия. Иногда ему казалось, что еще немного, и он заснет прямо на ходу, посреди коридора. Тогда Верона Вергардовна по доброте душевной заваривала ему каких-то трав, после чего сон ненадолго отступал. Ровно до того момента, как голова касалась подушки. Усталость теперь преследовала Дениса повсюду, где бы он ни находился. Но к третьему дню он с ней смирился, а потом и вовсе перестал замечать. Единственной радостью для парня оказалось полное отсутствие сновидений — и обычных, и волшебных. Каждую ночь, едва дойдя до кровати, Денис проваливался в абсолютное ничто, из которого перед рассветом его заботливо вырывала хозяйка медной горы.

Но, несмотря на недосып и усталость, каждое утро Денис поднимался и шел вгрызаться в гранит абсолютно новой для него науки — науки Истинного мира.

— Мир многослоен! Как слоеный пирог, который сумасшедший повар замесил в хаотичном порядке, — первое занятие с таким привычным добряком-физиком надолго осталось в памяти Дениса.

Серость за окном постепенно светлела, но в классе царил густой полумрак, а по углам продолжали прятаться ночные тени и шорохи. Знакомый кабинет физики внезапно стал чужим. В воздухе словно растеклась тайна, которую Денис должен обязательно познать. Помявшись на пороге, парень все же решил пройти на привычное место на втором ряду. Но, сделав несколько шагов, он почувствовал, как мир вокруг качнулся, а в следующее мгновение Денис понял, что стремительно летит куда-то.

Падение было быстрым. Он даже вскрикнуть не успел, как ноги коснулись мягкого мха. Не удержавшись, Денис все же свалился на землю и прислушался. Откуда-то со стороны до него долетел сиплый смех.

— Так и умереть от испуга недолго! — возмутился Денис, поднимаясь. Он не чувствовал опасности и позволил себе расслабиться. За последнее время интуиция ни разу не подводила, и парень научился прислушиваться и полагаться на внутренний голос.

Вокруг, куда ни глянь, стелился знакомый молочный туман. Денис вздохнул. Видимо, пришло время знакомиться с "объемом". Именно так между собой ученики называли эту сторону мира. Пока еще непонятную и от того настораживающую.

Со стороны, откуда только что доносился смех, послышались тихие шаги. Мох приглушал звук, и сложно было определить, кто же движется в тумане.

— Альцес Иллорович? — осторожно поинтересовался Денис у тумана.

В ответ бледная субстанция расступилась, и Денис не смог сдержать вырвавшегося наружу крика. Прямо на него из молочной пустоты шагал здоровенный лось. Широченные

рога более двух метров в размахе рассекали туман, длинные ноги утопали в мшистом ковре. По туловищу, покрытому темной шерстью то и дело пробегали зеленоватые искры.

Лось вплотную приблизился к человеку и склонил рогатую голову, словно оценивая незадачливого путника. Денис вздрогнул от взгляда не по-звериному умных глаз и отвел взгляд. А в следующее мгновение на месте лося оказался привычный добродушный физик.

— Чего кричишь? Еще одного норлаха приманить хочешь? — усмехнулся учитель, довольный произведенным эффектом.

— Н-не хочу, — слегка заикаясь, ответил Денис.

— Тогда не ори так, — посоветовал учитель и зашагал вперед, поманив за собой Дениса.

Какое-то время они шли молча в непроницаемой тишине. Казалось, что это она в виде молочного тумана расплзается вокруг. Не слышно было ни шагов, ни дыхания — абсолютно ничего. Учитель изредка останавливался, прислушивался к тишине и вновь шагал дальше. Иногда поворачивая, иногда вовсе разворачиваясь в противоположном направлении. В такие моменты Денису приходилось резко отскакивать в сторону, чтобы не столкнуться с физиком. Денис чувствовал себя собачкой, которая вынуждена тащиться за хозяином, куда бы тот не пошел. От окружающей тишины начала болеть голова. Что ни говори, а нормальному человеческому мозгу привычнее слышать какие-то звуки.

— Это нормальному, — внезапно заметил учитель, видимо, прочитав мысли своего ученика. От неожиданности Денис чуть не подпрыгнул — в давящей тишине ровный, спокойный голос физика прозвучал подобно раскату грома.

— Что-то ты дерганый какой-то, Васнецов, — покачал головой учитель.

— Ага, вам бы пережить все те внезапности, что на меня свалились! — обиженно ответил Денис. Не то, чтобы он жаловался, но и обвинения слушать парню не хотелось.

Физик ничего не ответил, продолжая вглядываться куда-то в туман, после чего развернулся лицом к Денису и уселся прямо на тропинку.

— Допустим, сегодня остановимся здесь, — мужчина кивнул Денису на мох, призывая усаживаться.

— Итак, скажи мне, ты знаешь, где мы находимся?

— Ммм... В объеме? — предположил Денис. Говорить про то, что эта тропа, как и все остальные, ведет к Белому Дереву, парень поостерегся.

— В объеме, — усмехнулся учитель. — Ну, можно и так сказать. Ученики довольно часто дают именно это определение тому, что они видят. Если говорить точнее, сейчас мы находимся в междумирье. Отсюда, при желании, можно открыть тропу в любой нужный тебе мир. В любую точку пространства.

— И времени? — перебил Денис.

— И времени. Но это уже высший пилотаж. Далеко не все достигают того уровня, чтобы в пространстве переходы совершать. А время, так вообще практически непостижимо. Так вот, — вернулся физик к объяснению. — Весь мир похож на слоеный пирог. Где-то разные реальности наслаиваются друг на друга и проходят совсем рядом, даже волос не протацишь. Где-то между ними образуются непреодолимые пустоты, которые и занимает междумирье. Слышал ли ты о мировом древе? — от внезапности вопроса Денис не сразу нашелся, что ответить.

— Ну... конечно. Это единое древо, ствол которого — основание и поддержка мира, а по ветвям идут остальные миры.

Альцес Иллорович довольно крикнул. Видимо, ответ Дениса пришелся ему по душе.

— Ну, почти, почти. Миры отходят не только от ветвей. Так было в начале. Сейчас же их такое великое множество, что они уже и друг от друга отходят, подобно кругам на воде. Возле одной реальности тут же образуются новые и так до бесконечности. Но в центре всего, оплотом и опорой стоит мировое древо. Знаешь ли ты, какие миры наиболее близки к нашему?

— Навь? — Денис порадовался тому, что не поленился потратить время на изучение форумов. Как оказалось, и там можно было что-то, да найти.

— Именно! — с радостью воскликнул физик. — Темная сторона, отражение нашего мира. Самый близкий и один из самых опасных темных миров, что существуют в Хаосе.

Мир качнулся и Денис понял, что сидит за партой в кабинете физики. Только вот молочный туман никуда не делся, а под ногами все также расстилался слабо мерцающий мох.

— А-а-а, ну наконец-то, — на лице физика растянулась довольная улыбка. — Наслоилось наконец-то. Теперь можно и поработать.

Денис не понял, как произошло это наслоение. Просто в один миг две реальности сошлись в одной точке времени и пространства. И теперь Денис видел и кабинет, из которого он никуда не уходил. И в то же время вокруг, куда ни глянь, расстилалось таинственное междумирье. Физик тем временем начал свою лекцию:

— Изначально наш мир был триедин. Нижний располагался у корней мирового древа, был самым темным и самым опасным. Этот мир — отражение Хаоса. Все его порождения тянулись в Навь, да оседали там, не в силах вынести космического порядка остальных двух миров. Далее шел мир, растянутый по стволу — мир средний, или срединный. Населяли его люди, звери, да сущности разные, которым от бедлама Хаоса тяжело было, но к высшему порядку они не приучены были.

— Нечисть, что ли? — поинтересовался Денис.

— Она самая, — утвердительно кивнул учитель. — Но не только. Разные силы. И темные, и светлые. Всем места хватало. Главная задача этого мира — не пропустить Хаос, не дать ему разрушить установленный порядок, не позволить утянуть миры к изначальному состоянию. И, наконец, верхний мир. Мир, приближенный к Космосу, мир порядка, лада и благоденствия.

Денису показалось, что на этих словах лицо учителя буквально озарилось каким-то светом. Как будто он достиг просветления.

— Каждый, кто хотя бы раз прикоснулся к верхнему миру, достиг просветления! — сурово отозвался физик.

Эта способность оборотней читать чужие мысли принесла Денису немало хлопот. Поэтому он постарался больше не отвлекаться.

— В верхнем мире расположились божественные сущности. Создатели, сотворители. Все те, кому претил Хаос.

— Но вы же сказали, что миров множество? — напомнил Денис.

— Верно, — согласился физик. — Все эти сущности, обладая великой силой, дарованной Космосом, стали сотворять свои миры по образу и подобию. Все больше и больше. И так до тех пор, пока пространство не стало изгибаться и не превратилось в пирог. Собственно, так и появилось междумирье, где мы с тобой сейчас и находимся. И я, как лучший Блуждающий этого лица, обязан научить тебя правилам поведения в междумирье.

— Блуждающий? Как болотный огонек? — не удержался Денис.

— Ну практически, — усмехнулся учитель. — Сейчас покажу. Хватайся за руку, но запомни! Что бы ты ни увидел и что бы ни произошло, не бросай меня. Отпустишь, там и останешься. Ясно?

— Да ясно, ясно, — нетерпеливо ответил Денис. Уж очень ему хотелось узнать все тайны, которые так долго от него скрывались.

— Что бы ни увидел! — напомнил ему учитель и взял за руку.

Денис почувствовал, как его подбросило вверх, и он оказался сидящим на том самом лосе, который так неприветливо напугал его в самом начале занятия. Ни о каком "держи меня за руку" и речи быть не могло — рук уже не было. Не придумав ничего лучше, Денис вцепился в ветвистые рога. Хотелось сказать что-то наподобие "Н-н-но!", но Денис сдержался. Он успел слишком хорошо узнать буйный нрав некоторых представителей клана Геро.

Лось сорвался с места без предупреждения. Денис только порадовался, что вовремя вцепился в своего рогатого проводника. Туман перед Блуждающим в панике расступался, чтобы ветвистые рога не разорвали его в клочья. То и дело из пустоты выползали фантастические картины — разноцветные всполохи северного сияния, первобытный рев ниагарского водопада, сосредоточенная тишина Большого Каньона, Фудзи на фоне уходящего солнца, лениво развалившийся на песке сфинкс, осыпавшийся от времени Колизей. Все это проносилось перед глазами Дениса, как будто в новостной ленте. Порой, он даже не успевал понять, что за место перед ним, как картинка сменялась. И чем дальше они продвигались, тем контрастнее становились изменения. На смену полярным снегам приходили причудливые песчаные барханы. Умиротворенность фьордов сменялась гулом мегаполиса. Денис так и не понял, что именно за город встретил его блеском ночных огней и фантастического вида телевышкой. Но, судя по промелькнувшим перед глазами иероглифам, они побывали где-то в Азии. Денис сделал для себя зарубку в памяти — обязательно спросить Великий Поисквик, что же за башню он видел. Но додумать эту мысль Денис не успел. Картины реального, привычного ему мира закончились. Он это скорее почувствовал. Воздух сгустился, приобретая яркие оттенки опасности и напряжения. Казалось, что перед глазами разворачивались все те же привычные картины природы: непроходимые леса, неподвижная гладь озер, затуманенные овраги. Но Денис чувствовал, что они пересекли границу. Леса стали темнее. Черная бездна озерной глади пульсировала в такт биению собственного сердца. В глубине оврагов извивались, скреблись безликие тени. Зовущие. Манящие. Жаждающие утянуть горячий дух в свою холодную пустоту. Чувство неясной тревоги завладело Денисом. И чем дальше пробирался лось, тем острее оно становилось.

— Альцес Иллорович, а давайте вернемся, а? — голос Дениса прозвучал тонко и жалобно. Так, что парень смутился собственной трусости. В конце концов, он под защитой оборотня. Хотя, что сможет сделать лось, если на них вдруг выскочит неведомая тварь подобно норлаху? Затопчет если только. Или забодает...

Лось в ответ фыркнул и остановился. Денис огляделся. Туман стал еще гуще. Он больше не расступался в страхе перед лосиными рогами. Казалось, что они никуда и не скакали последние... Денис задумался, сколько же прошло времени? Он уже привык к тому, что в местах, подобных этому, время течет по своим неведомым науке законам.

— Ведомым, — раздался в голове голос учителя. — Но тебе это только предстоит

узнать. Сегодня ты увидел, что с помощью троп можно перемещаться не только в своем мире, но и во всех соседних. Если знать, куда идти.

— Альцес Иллорович. А где мы сейчас? — ежась от внезапно окутавшего холода, спросил Денис.

Опасность тут чувствовалась особенно остро. Денис прищурился, сиюсь разглядеть в темноте то, что так его тревожило. Тьма в ответ заколыхалась, но так и не раскрыла свою тайну. Зато привычную тишину робко надломил тихий стон. Затем еще один. И еще. Денис напряг слух. Странный, такой знакомый, но почему-то сейчас никак не узнаваемый звук раздавался где-то на грани создания. То ли треск. То ли всхлип. Как будто кто-то подбрасывал в костер пучки сухой травы, от чего они шипели и искрились.

"Или чьи-то колосья-судьбы", — промелькнуло в голове у парня.

— В верхней Нави, — перебил мысль учитель. — У Черного озера. Отсюда идет исток реки Смородины. Но о ней тебе расскажут позже.

Денис вздрогнул. Он не стал говорить, что уже успел познакомиться с этой легендарной речкой. Точнее, с ее притоком.

Другое насторожило парня. Получается, что в своем сне-не-сне он побывал в навьем мире.

— Обязательно выпишу сердечную благодарность библиотекарю! — тихо пробормотал Денис. В следующее мгновение лось сделал шаг, и парень оказался сидящим в кабинете физики. Настенные часы показывали, что не прошло и десяти минут.

Вздыхнув, Денис поплелся в библиотеку. Ему предстояло написать целый трактат по свойствам цветка папоротника для Вероны.

Несколько дней спустя, Денис все также бился в библиотеке с ненавистным папоротником. Библиотека для Васнецова стала практически второй комнатой. Все время, которое не занимали уроки, приходилось проводить тут. Резные темные стеллажи, за десятки лет отполированные чьими-то руками до блеска, надежно укрывали Дениса от окружающего мира с его проблемами. А горы домашних заданий, которые добрейшие преподаватели валили на бедную голову, мешали этой самой голове раздумывать о проблемах собственного происхождения. За неделю он должен был узнать как минимум то, что его одноклассники учили с рождения. Перспектива не радужная, но Денис поставил себе цель во что бы то ни стало справиться с этим.

— Васнецов, привет, — бодрый голос Ёльки пронзил умиротворенную тишину библиотеки и оборвал цепочку мыслей, отчего Денис вздрогнул.

— Да что же это такое, а! — парень со злостью отбросил ручку. То ли он настолько уставал, то ли просто был невнимательным по жизни, но в последнее время все заставляли его врасплох.

— Прости, если напугала, — виновато улыбнулась Ёлька. — Меня Лиссандра за тобой послала. Там русалки расшалились. Говорит, тебе полезно будет посмотреть.

Денис вздохнул и с грустью посмотрел на большую энциклопедию травянистых растений. Видимо, папоротнику придется подождать. Парень потянулся и поднялся, разминая затекшие конечности. За два часа бесконечного переписывания руки, ноги и спина порядком устали.

— Васнецов, а зачем тебе змеевник понадобился? — Ёлька с интересом изучала каракули Дениса в тетради. — Или Верона решила изменить традициям и освободить тебя от папоротника?

— Что? — растерянно переспросил парень. — Я про папоротник писал.

Ёлька с сомнением посмотрела на друга и принялась читать:

— Змеевник одурманивает своим пряным запахом и заманивает в полозово логово. Каждый, кто почувствует его томный, сладковатый аромат не будет знать покоя до тех пор, пока желтоглазый хозяин леса не завьет на груди кольцо, да не утащит по тайным тропам в глушь, да дебри змеиные. Лишь мавки, да русалки способны учуять истинную суть змеевника, да разгадать его замыслы...

— Что за ерунда? — Денис кинулся к столу, перелистывая страницы. Поначалу он действительно писал про папоротник. А откуда эти строки взялись, он и сам не знал. — А папоротник где?

Ёлька глянула в книгу:

— Не знаю. Тут чистец лесной открыт. Он же змеевник. Или змеиная трава. Заработался ты, видимо.

Денис перевел взгляд на раскрытую энциклопедию. Действительно, заголовок гласил, что перед ним чистец. Да и картинка говорила о том же — растение с темно-зелеными, похожими на крапивные, листьями и лиловыми шишкоподобными цветами было чем угодно, но явно не папоротником.

Девушка похлопала Дениса по плечу и ободряюще улыбнулась:

— Пойдем к русалкам. Как раз мозги проветришь.

Денис забросил тетрадь и ручку в рюкзак, закрыл книгу и аккуратно вернул ее на полку. Марта Игоревна — школьный библиотекарь — похлеще дракона могла растерзать за беспорядок в книгах. Окинув напоследок рабочее место взглядом, Денис решил, что вполне может спокойно покинуть библиотеку.

— Куртку накинь, там дождь собирается, — посоветовала Ёлька, следуя за Денисом.

Парень вздохнул. Выходить на улицу под противной ледяной моросью, срывающейся с неба, вовсе не хотелось. Но выбора не было. Поэтому Денис резво заскочил в раздевалку и поспешил за Ёлкой.

Поеживаясь от резких порывов ветра, они пересекли лицейский двор и вышли на знакомую тропу, ведущую в горы. Несмотря на утренний час, тучи плотно затянули небосвод, создавая вокруг тоскливый полумрак. Листья, бережно раскрашиваемые осенью, промокли, поникли и поблекли. Казалось, что они тоже съжились от неприветливого дождя. Горные тропы набрались воды и разбухли, превратившись в жирное месиво из веток, листьев и грязи. Денис с тоской посмотрел на свои кроссовки — скорее всего их уже не спасти ни мытьем, ни сушкой.

Как Ёлке, шлепающей рядом, удавалось сохранять бодрое расположение духа, для Дениса оставалось загадкой. Парень поделился своими соображениями, на что в ответ получил теплую улыбку:

— Я люблю осень. Это опасное, но вместе с тем самое увлекательное время года.

— Опасное? Ну да, замочит насквозь, — Денис не смог скрыть своей иронии.

— Да если бы, — покачала головой девушка, обходя очередной валун. — Осенью верхний мир засыпает. А навий наоборот, активизируется. Некому присматривать за порождениями Хаоса, вот и лезут они из-под пней, да коряг. А мы следим, чтобы не натворили делов.

— Погоди, то есть как следите? — удивился Денис. — Ткачи же не могут вмешиваться в бег веретёнец. И если кому-то суждено быть утопленным русалкой или закруженным

лесовичком, значит так тому и быть. Разве не это основной закон всех Ткачей?

Ёлька споткнулась от неожиданного вопроса и, казалось, что даже растерялась.

— Ну... Да, именно так. Мы и не вмешиваемся, — поспешно ответила она Денису. Вот только в голосе её не было уверенности.

— Знаешь, тебе лучше всего это директор объяснит. Или Вергард.

Денис нахмурился, но продолжать расспросы не стал. Не потому, что принял такое объяснение. Просто смущать Ёльку не хотелось. После того, как он стал одним из них, в общении наметилось явное потепление. А рисковать им ради каких-то древних устоев Денис не хотел.

Дождь над головами школьников с полчаса решался, стоит ему бросаться на землю холодными каплями или нет. В конце концов, он решил отложить это дело, и противная морось окончательно перестала сыпаться с неба. Денис вздохнул с облегчением — все ж приятнее идти, не закрываясь капюшоном от небесной влаги. Еще через полчаса непрерывной ходьбы и пустой болтовни с Ёлкой Денис даже повеселел. В основном, это была заслуга девушки, которая то делилась интересными случаями из школьной жизни, то рассказывала ему те или иные легенды. И вроде бы все было хорошо, но Дениса не покидало ощущение, что он что-то упустил. Осознание это пришло как всегда внезапно.

— Погоди, Ёлька, — Денис даже остановился. — Ты же сказала, что мы к русалкам?

— Ну да, — согласилась та.

— Но русалки же — летние навии. Я читал, что они не выносят холодной воды, поэтому их можно встретить только летом, когда вода достаточно прогрелась.

В ответ Ёлька рассмеялась:

— Все правильно ты читал. Подожди, сейчас сам все увидишь.

Денис нахмурился, но решил и на этот раз проявить терпение. Впрочем, терпеть пришлось недолго. Сначала тропу заволокло туманом, почти таким же, как и в междумирье. Денис даже оглянулся несколько раз опасаясь, что они, сами того не ведая, сошли на тропу. Однако мир вокруг был все тот же. Вскоре Денис услышал звонкий переливчатый смех. Как будто хрустальные игрушки перезванивались на ветру.

Туман рассеялся также внезапно, как и налетел, и Денис охнул. Он стоял на берегу озера у самой кромки воды. Еще шаг и он бы точно замочил свои грязные кроссовки. Где-то в стороне раздался новый перелив смеха.

— Правило номер один! Когда идешь к русалкам, надо быть не просто внимательным, а архи-внимательным! — строгий голос Лиссандры Вергардовны заставил Дениса отшатнуться от воды на добрую пару метров.

— Я тебе говорю, зря ты его спасла! Надо было дать русалкам затянуть его в озеро. Тогда бы он точно усвоил этот урок! — голос любимого куратора разом задушил все хорошее настроение.

— Верона Вергардовна, — Денис повернулся к своим учителям, которые, как оказалось, сидели у небольшой ивы. — Вообще-то я с русалками еще ни разу в жизни не встречался.

— Норлаха ты тоже первый раз в жизни видел, но это не помешало тебе его убить! — тон Вероны был непробиваем.

Денис хотел было возразить, что убил он это навье чудище только после третьей встречи, но вовремя прикусил язык. Что-то помешало ему рассказать, что он вспомнил события одного летнего вечера. Это же что-то заставило его умолчать о встрече с норлахом в горах во время грозы. Вместо этого парень развернулся и устоялся на озеро.

От воды поднимался пар, как будто кто-то подогрел ее.

— Почти, — Лиссандра без труда прочитала мысли Дениса и подошла к воде. — Горячие источники. Озеро круглый год наполнено теплой водой. Это одно из любимых мест всех русалок поблизости.

— А как они сюда попадают? — удивился парень. Представить себе русалку, пробирающуюся ползком по горным тропам к озеру, Денис не мог. Хотя и не удивился бы, если бы это было именно так.

Лиссандра рассмеялась, проследив за ходом мыслей ученика:

— Кто-то не очень хорошо учил географию. В горах множество подземных рек. Поэтому добраться сюда — не большой труд для русальего народа. А вот найти себе развлечение — дело то еще. Лицей отсюда далековато, да и ученики под особым контролем. Их сюда просто так не заманишь. Туристов нет, местных жителей тоже. Поэтому место хоть и теплое, но весьма скучное.

— Понятно, — протянул Денис, не совсем понимая, что он тут делает.

— Раз понятно, тогда не будем тянуть, — Лиссандра Вергардовна протянула парню стеклянную склянку. — Я уверена, что ты выполнил домашнее задание и выучил тему про русалок.

Денис неуверенно кивнул и взял склянку, еще больше запутываясь.

— Потому что в противном случае тебе будет весьма проблематично выполнить сегодняшнее задание Вероны Вергардовны, — продолжила старшая из сестер, словно и вовсе не замечая замешательства своего ученика. — Сегодня ты попробуешь соединить теорию с практикой, чтобы добыть русальи слезы.

— Это еще зачем? — искренне удивился Денис.

— Для зелья, которое ты будешь готовить вечером, — отозвалась хозяйка Медногора. — Будешь учиться делать настойку для просветления разума.

Денис застонал, даже не стараясь скрыть свои чувства.

Ёлька подошла к однокласснику и повязала на руку странного вида фенечку — то ли браслет вязаный, то ли просто шнурок.

— Ты главное не забывай, что русалки хитрые. И чтобы слезы достать, их надо перехитрить. Ну и плясать не соглашайся, утянут.

Учителя с Ёлкой развернулись и зашагали прочь.

— Эй! А вы куда? Я тут один останусь что ли? — воскликнул Денис. К такому повороту он совсем не был готов.

— Васнецов! Ты как готовился? Перед девушками русалки не танцуют!

С этими словами представительницы прекрасного пола скрылись в тумане, оставив Дениса в одиночестве дожидаться бывших утопленниц.

Глава 15. Танцы на воде

— Самое страшное наказание для навий — это память. За то, что отказались они от огня жизненного, предали его, да позабросили, суждено им век за веком помнить в холоде навьем то тепло живое, что грело их когда-то.

Денис припоминал то, что читал про русалок, но всё припоминаемое никак не помогало. Как с этим знанием заставить русалок порыдать в баночку? Не устраивать же, в самом деле, сеанс групповой психотерапии?

— А это мысль! — сам себя подбодрил Денис и подошел к кромке воды.

Из-за пелены тумана то и дело раздавался переливчатый смех, но разглядеть что-то Денис не мог. Оставалось лишь надеяться, что русалки сами выплывут к нему на свидание.

— А может их надо выманить чем-то? Или кем-то? — принялся рассуждать парень.

— Эй вы! Русалки! Я тут, выходите!

Сказать, что Денис чувствовал себя глупо — ничего не сказать. Взрослый парень стоит на берегу горного озера и зовет русалок. Для того мира, в котором он вырос это было достаточным основанием, чтобы увезти ребенка на скорой помощи. Для того мира, в котором он недавно оказался это было вполне нормально.

Его вопрос остался без ответа. Русалки, если и были где-то рядом, явно не спешили показываться Денису на глаза.

— Ну где же вы? Я тут это, танцевать как бы...

Перелив смеха раздался совсем близко. Денис от неожиданности вздрогнул. Ну хотя бы не подпрыгнул — уже хорошо. Постепенно он начинал привыкать ко всяким странностям. Мыслимым и немислимым.

Между тем, туман немного рассеялся. И Денис смог разглядеть женские силуэты, возвышающиеся над водой недалеко от берега. Они стояли перед ним, взявшись за руки и покачиваясь из стороны в сторону.

— Прям скованные одной цепью, — пробормотал Денис и помахал русалкам рукой. Он был уверен, что за ним пристально наблюдают.

В ответ он услышал новый перелив смеха, и одна из крайних русалок помахала ему в ответ.

— Идем к нам.

— Ну же!

— Потанцуй с нами!

Смех зазвучал сразу со всех сторон. Нежные голоса уговаривали парня оставить все проблемы там, на берегу. Призывали забыть ту тяжесть, которую он несет в своем мире. Отказаться от своего бремени и отдаться во власть легкости и умиротворения. Забыть все печали и невзгоды в танце. Слиться с окружающим миром в единое целое, познав свою истинную суть. Шагнуть вперед, в теплые воды, которые унесут с собой все обиды и разочарования.

Денис, как зачарованный, слушал эти обещания, чувствуя, как тело наполняется легкостью и покоем.

Силуэты плавно покачивались на набегающих на берег волнах. Туман клубился под ногами, словно пытался задержать Дениса от того единственного шага, что отделял его от легкости и промокших ног.

Денис вздрогнул. Ему показалось, что где-то на границе сознания он услышал, как лопнула какая-то невидимая струна.

— Эй! Что за штучки, а! Я к вам по-хорошему, а вы утопить меня вздумали?

Звонкий смех красноречивее всяких слов сказал Денису, что раскаиваться в своем поведении русалки явно не собирались.

Туман рассеялся окончательно, и Денис наконец-то увидел этих созданий вживую. Сказать, что он был раздосадован — значит ничего не сказать. Выросший на мультиках Диснея и сказках Андерсена, Денис представлял себе русалок прекрасными созданиями с нежной кожей и неземной красоты лицами.

Перед ним же предстали зеленокожие существа с блеклыми, спутанными волосами, рыбьими глазами и самыми настоящими жабрами за ушами. От неожиданности Денис отшатнулся от воды.

— Ну вот. Говорила же, он уже научился видеть, иначе бы эти кикиморы не притащили его сюда.

Одна из русалок раздосадовано хлопнула по воде хвостом и нырнула. Судя по всему, продолжать знакомство она не собиралась. Денис с запозданием сообразил, что кикиморами она назвала его прекрасных оборотней-учительниц. И усмехнулся.

Остальные русалки подплыли к берегу, чтобы поближе рассмотреть человеческого детеныша.

— Ты кто такой? — спросила самая крайняя с ожерельем из прудовиков на шее.

— Я Денис, — представился парень, не переставая рассматривать русалок.

От постоянного пребывания в воде кожа их походила скорее на жабью, чем на человеческую. Всевозможных зеленоватых оттенков с темными пятнами, отдаленно напоминающими человеческие веснушки. Ушей практически не было — так, небольшие улитки, спрятанные за волосами. Длинные тонкие пальцы с крупными выступающими суставами у основания соединялись полупрозрачными перепонками. Но, пожалуй, самое сильное впечатление производили глаза. Мутноватые, лишенные век и ресниц. Денис не выдержал прямого взгляда одной из русалок — от него так и веяло сыростью и тоской.

— Да знаем мы, — отозвалась все та же прудовичная русалка. Остальные почему-то хранили молчание и время от времени всплескивали хвостами, поднимая тучу брызг.

— А зачем пришел? Небось, слез наших достать, да?

Денис смутился. Почему-то ему не захотелось признаваться в своих истинных намерениях.

— Да нет, — нагло соврал парень. — Решил вот зайти, познакомиться. Говорят, скучно вам тут без посетителей. Буквально зеленеете от тоски.

Русалки глядели на него с подозрением. Что-то было не так с этим детенышем, но они никак не могли разгадать, что именно.

— Познакомиться, говоришь. Повеселить, — говорящая русалка принялась перебирать прудовиков на шее. — А что же, можешь и повеселить. Начинай!

— Ч-что начинать? — недоумение парня достигло своего предела.

— Веселить, что же еще! — усмехнулась русалка и ее подруги подхватили этот смех.

От хлопающих по воде хвостов в воздух вздымались тысячи брызг. Внезапно выступившее из-за туч солнце проводило сквозь крупные капли свои лучи, отчего над озером раскинулась радужная пелена. Денис замороженно наблюдал, как русалки снова взялись за руки и закружились в хороводе. Откуда-то переливчатыми трелями полилась музыка. Было в

ней все — и звон ручьев, и шуршание родников, и рокот грозových потоков и размеренное дыхание рек. Денису казалось, что он слышал и чувствовал одновременно все водоемы этого мира. А танец все продолжался. Сквозь радужное сияние Денис видел, как скользкая зеленая кожа постепенно розовеет, принимая человеческий вид. Блеклые спутанные волосы наливаются жизнью и цветом, а глаза — сиянием человеческого огня. На головах распускаются венки из ивовых ветвей, полыни и ромашек. Рыбьи хвосты на глазах вытягиваются, становясь человеческими ногами.

Денис упустил тот миг, когда русалки разомкнули круг и протянули ему руки, призывая танцевать с ними. Так же, как он не заметил, что уже был на поляне не один. Дыхание навьего мира, которое коснулось его щеки, манило за собой, предлагая дать ответы на все невысказанные вопросы. И Денис не мог устоять перед этим желанием. Протянув руку, он коснулся бледной руки той самой русалки, которая недавно разговаривала с ним.

— Прудовичка, — тихо прошептал Денис. Теперь он знал ее имя. Как и имена всех остальных русалок. Эта, высокая и темноволосая Трясинница. Это она заманивает несчастных в топь своим смехом и танцами. А вон-то, рыжеватая, Осотница. Она заводит в заросли злого Осота, где тот вдоволь напивается кровью несчастных. Молчаливая и круглолицая Кувшинница — самая тихая и самая печальная. Вон-та, невысокая, русоволосая с вздернутым носом — Ряска. Она чем-то напомнила ему Ёлку. Денис вздрогнул от этого сравнения и неожиданно для себя потянулся к браслету, который Ёлка повязала ему на руку. Но его там уже не было.

— Он порвался, — прямо над ухом раздался голос Прудовички.

Денис вздрогнул — щеку обдало холодом и сыростью. Но не отшатнулся. Вместо этого он крепче схватился за протянутую руку и, не боясь быть закруженным, шагнул вперед, в самый центр русальей пляски. Те же только этого и ждали. Раскаты звонкого русальего смеха, казалось, долетали до самых вершин молчаливых гор и отражались там многочисленным эхом. Но Денис этого не слышал. Он слышал дыхание океана, рокот морей и шепот рек. Вслушиваясь, проникая в самые глубины, он искал лишь один ответ. И нашел его. Как только хоровод замер, глаза Дениса словно раскрылись, и он увидел изнанку этого мира. Без толчков и провалов — просто увидел обратную сторону. Русалки снова рассмеялись и завели хоровод в противоположную сторону.

Денису стало трудно дышать. Теперь он ощущал близость навьего мира как никогда. На смену ласковому шепоту ручьев и речушек пришло обжигающее дыхание притоков Смородины. Денис чувствовал, что его несет к огненной реке, но ничего с этим не мог поделать. Алые всполохи разъели всю мерцающую радужность. Денис попытался высвободить свою руку, но у него ничего не вышло — русалья хватка оказалась смертельно крепкой. Еще недавно нежный смех превратился в торжествующие хрипы — наконец-то русалки нашли себе жертву. Наконец-то смогли захороводить простого смертного.

— Ну уж нет, — просипел Денис чувствуя поднимающуюся из глубины сознания злость. Если ему суждено умереть, то не из-за каких-то глупых танцулек посреди озера!

Он попытался вспомнить, каким чудом он смог одолеть норлаха. Тогда у него была волшебная клюка Баба Яги. Сейчас у него не было ничего кроме злости. И веры в то, что он — жнец.

Как только эта мысль проскользнула в сознании, один из притоков Смородины полыхнул ярче и в темно-бордовом мареве Денис разглядел тонкий, дрожащий отблеск жизненной нити одной из русалок. Это была Кувшинница. Из последних сил напрягаясь,

Денис потянулся к этому бледно-золотому лучику. Он не увидел, только почувствовал, как пальцы сомкнулись на этой нити. Резкий вскрик Кувшинницы оборвал льющийся отовсюду дикий смех ее сестер. Денис увидел, как она бросила руки и осела, останавливая хоровод. Тут же стало легче дышать. Бордовое марево немного рассеялось. Нить в руках пульсировала. И с каждым новым ударом Денису открывались все новые и новые картины из жизни русалки. От этого хоровода его уносило все дальше и дальше — прошлые хороводы, жизнь в пресном озере, ухаживания водяного, первый праздник Купалы. Наблюдая за жизнью русалки, Денис не заметил, как хоровод окончательно распался, возвращая его на берег. Так же, как и не заметил, что остальные русалки в страхе отпрянули от него, укрывшись в глубине озера. Одна лишь Кувшинница, чью жизненную нить он сейчас крепко держал, была не в силах уплыть подальше от этого странного человека. Теперь она знала, кто перед ней. Хоть и отказывалась в это верить — слишком давно она не видела таких людей в этом мире.

— Ты жнец, — тихо прошептала русалка, со страхом вглядываясь в серые глаза парня.

— Жнец, — согласился тот, продолжая наблюдать за русальей жизнью.

Нить пульсировала все сильнее. Он подбирался к самому первому дню, когда она стала русалкой.

— Нет, нет, нет, — затрепетала Кувшинница. Она не хотела вспоминать тот самый день, когда она бросилась в Черное озеро. Денис и сам не хотел этого видеть, но не знал, как ему отпустить русалку. Тоска невыносимой силой навалилась на них обоих, придавив, словно могильная плита. По зеленым щекам заструились крупные слезы, срываясь на неподвижную гладь озера.

— Ну наконец-то! — незнакомый мужской голос раздался прямо за спиной. Ловкая рука со склянкой появилась словно из ниоткуда. Денис успел увидеть, как несколько самых крупных слезинок упали на дно склянки прежде, чем выпустил золотистую нить из рук и обернулся. Всплеск за спиной красноречиво сообщил, что русалка ушла не попрощавшись.

— Я впечатлен!

Перед Денисом стоял высокий темноволосый парень. Он его видел пару раз в лицее. Но тогда не обратил внимания на его странные глаза, которые сейчас смотрели на него с явной усмешкой и нечеловеческим янтарным блеском.

— Ты кто такой? — не очень приветливо проговорил Денис.

— Андрей. Андрей Полозов, — лицеист протянул Денису склянку со слезами русалок. — В этом мире меня зовут так. А ты чуть не прозевал русальи слезы. Думаю, Верона бы тебя за такое по голове не погладила. И вместо сна пришлось бы снова драить коридоры.

Сбитый с толку Денис сжал склянку и недоверчиво поглядел на нового знакомого.

— И давно ты тут?

— К самому интересному успел, — уклончиво ответил тот. — А сейчас нам лучше уйти, пока твои подружки местному водяному не пожаловались. Уверен, именно это они сейчас и делают.

Денис хотел задать множество вопросов, но сдержался. Встреча с разъяренным водяным явно не входила в его планы на ближайшее время.

Двое подростков не сговариваясь развернулись и резво зашагали прочь от злополучного озера.

Глава 16. Странные разговоры

Полдороги Денис шагал молча, пытаясь переварить произошедшее. Он настолько погрузился в себя, что не заметил бы сейчас даже толпу бешеных русалок во главе с воскресшим норлахом. Чего уж говорить о странном знакомом. Тот же не проявлял никаких признаков интереса, бодро шагая следом. Только когда озерный туман рассеялся, а с неба снова зарядил противный дождь, Денис вынырнул из своего оцепенения.

— Я, вроде как, поблагодарить тебя должен.

— За что? За то, что вовремя склянку подставил? Оставь, — отмахнулся собеседник.

Денис нахмурился. Он никак не мог понять, кто перед ним стоит. С виду абсолютно обычный парень — высокий, темноволосый. Не то, чтобы качок, но и не задохлик. Уверенный в себе, но не самоуверенный. Не вызывающий, но внушающий уважение. Его пластичные, даже гибкие движения выдавали в нем танцора. По крайней мере, два бальника, которые учились с Денисом в столице, двигались также непринужденно-грациозно. Но вместе с тем было в нем что-то, что попросту кричало о необычности нового знакомого. И это что-то Денис никак не мог уловить и понять. А когда он чего-то не понимал, начинал напрягаться и нервничать. Почти как Ратор. Видимо, совместное проживание не прошло бесследно.

— Ну не только. Ты же вроде как спас меня, — после небольшой паузы замялся Денис, припоминая происходящее на озере.

— Вот еще. Ты сам себя спас. Я даже если бы захотел, не сунулся. Десятый договор лесной нежити.

Денис даже остановился от неожиданности. Договоренности среди нежити — это было что-то новое. Все классические учебники в один голос твердили, что нежить хитра, опасна и эгоистична. И попросту не в состоянии думать о чем-то, кроме собственной выгоды.

— У тебя что, правоведения не было? — удивленно спросил Полозов. — Ты в каком классе учишься-то?

— В девятом, — как-то смутился Денис.

— Программу, что ли, поменяли?.. — сам себя спросил парень. — Всеобщий десятый договор лесной нежити. Восьмой пункт. Иная нежить не смеет претендовать на уже пойманную добычу, какой бы силы и голодности она ни была. Русалки тебя заманили первыми. Так что твое спасение — целиком и полностью твоя заслуга.

— А ты какое отношение имеешь к этому договору?

— Слушай. Как тебя с таким уровнем к русалкам подпустили? — желтые глаза собеседника теперь смотрели на Дениса с подозрением. — В девятом классе уже пора бы отличать людей от нелюдей с первого взгляда.

— Я тут с сентября, — уклончиво ответил Денис, пиная попавшийся под ногу камешек. Смотреть в эти странные глаза Полозова отчего-то не хотелось.

— Я в курсе, — незамедлительно последовало признание.

Денис все же поднял взгляд и увидел. Вековой ельник, надежно укутанный непроглядной тьмой. Подрагивающие от напряжения звезды, не способные рассеять извечный мрак. Тугие кольца, обвивающие поваленный шершавый ствол исполинского кедра. И яркий золотистый блеск. Гипнотизирующий взгляд змеиного царя — Великого Полоза устремился на него из самого сердца Нави. Денис видел толстую пульсирующую

нить, бегущую от гибкого, мощного тела в небытие, к самой прялке. И, наконец, понял, кто же перед ним стоит. Детеныш. Сын. Наследник Великого Полоза, хозяина леса и помощника Велеса.

— О, разглядел-таки, — в янтарных глазах полыхнул навий отсвет и тут же погас. Андрей Полозов вновь стал походить на обычного человека с необычным цветом глаз и доброй усмешкой на губах.

— Я не могу это контролировать, — нехотя признался Денис.

То, что перед ним навий, его не удивило. За недолгое время своего пребывания в новой роли он уже успел привыкнуть к этой касте учеников. Она была малочисленной, но всё же была. Взять хотя бы ту же Настю — родную внучку самой Бабы Яги. Кому скажешь — ни за что не поверят. А она живет и крутит роман с его старостой. Так и появление сына Полоза не стало для Дениса открытием. А вот его странная осведомленность насторожила.

— Конечно не можешь. Ты и не сможешь это контролировать, пока не перестанешь подражать ткачам, — подтвердил опасения Андрей.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Денис напрягся.

— Не смотри на меня зверем. Некоторые навьи дети знают и помнят, как всё было изначально. И знания эти передают своим детям.

— Я тебя не понимаю, — Денис не собирался признаваться во всех своих подозрениях первому встречному. Тем более навию. Если он что-то и успел усвоить за свое недолгое истинное обучение, так это то, что верить подобным Полозову себе дороже.

— Прекрасно понимаешь! И я, и ты, мы оба знаем, кто ты такой. Разница между нами лишь в том, что я знаю, зачем ты пришел в этот мир. А тебе это только предстоит узнать. И когда ты это поймешь, сам пойдешь ко мне за ответами.

Денис ничего не ответил. В молчании он наблюдал за тем, как новый знакомый подмигнул ему внезапно ставшим совершенно змеиным глазом и бодро зашагал прочь, насвистывая веселую песенку. Денису не оставалось ничего, кроме как поплестись следом.

Пустые коридоры лица скучали без учеников. В уголках таился полумрак, который никто не спешил разогнать ближайшим выключателем. В воздухе витала тишина и сырость. Единственное развлечение, которое они могли себе позволить — игра с эхом, случайно залетающим откуда-нибудь. Денис шагал, слушая, как его шаги отскакивают от стен, окон и потолка и улетают далеко вперед. Послеобеденное оцепенение развалилось в воздухе, как объевшийся кот. Никого не было ни видно, ни слышно. Денис поднялся в спальню и облегченно выдохнул — его соседей в комнате не было. На окне висела записка, оставленная Вальтером:

"Верона передает привет и пожелания приятного отдыха. Варить зелье будешь завтра с утра. Сегодня можешь отдыхать. Мы уехали в город. Будем вечером".

Денис не знал, то ли порадоваться внезапно освободившемуся времени и одиночеству, то ли расстроиться из-за того, что его в город не взяли. Хорошенько все взвесив, он все же выбрал радость. На поездку в город после озерных приключений попросту не было сил. Зато у него появилась возможность все разложить по полочкам без посторонних глаз и ушей.

По всему выходило, что он не кто иной, как представитель загадочного четвертого клана Жнецов. Кто такие Жнецы он все еще понимал с трудом, но больше всего это было похоже на...

Денис не хотел признаваться самому себе, что основная цель жнецов, как он понял, —

это прерывание жизненной нити людей. Получалась весьма безрадостная картина. Он, как никто иной, являлся олицетворением смерти. Пусть и в таком одухотворенном проявлении. Настроение скисло, как трехдневное молоко.

— Смерть придет, у нее будут мои глаза, — немного переиначил известное стихотворение Бродского Денис и уставился в окно. Он никак не мог решить, что ему делать дальше. Кому довериться. Да и вообще, возможно ли это? Родителям он не мог позвонить под страхом исключения. Да и не был уверен, что хочет этого. Пятнадцать лет они обманывали его. Что мешало соврать им и на этот раз?

Денис никогда не был близок с родителями. Бизнес, общественная жизнь и бесконечные родительские разъезды никогда не способствовали укреплению отношений. Сколько себя помнил, он постоянно кочевал сначала по няням, потом по школам-интернатам. Только в седьмом классе ему удалось отстоять свою самостоятельность и водителя, который бы привозил его в обычную школу. Так продолжалось до тех пор, пока родители не решили отправить его в Царицын. А дальше жизнь приняла совершенно неожиданный оборот.

Значит, родители отпадали.

Вальтер и компания? Тоже весьма спорно. Они держали его в неведении с самого первого дня. Так зачем им раскрывать карты, истину и душу сейчас? Да и не был уверен Денис, что его одноклассники знают что-то про жнецов. В библиотеке не было даже намека на возможное существование этого клана. Все учебники по клановой истории как один твердили, что существовало только три клана. Лишь однажды, перед тем, как отправить Дениса в богатырский сон, старый библиотекарь обмолвился о четвертом клане. Но Денис тут же заснул на две недели. Специально ли это сделал старик или старческий маразм сыграл свою роль?

Денис потер покальывающие виски. От интенсивных раздумий голова отяжелела. Сон сейчас пошел бы на пользу, но почему-то спать не хотелось. Денис вспомнил, что так и не дописал трактат по папоротнику. Встреча с Вероной перенеслась на завтра, и было бы глупо не использовать это время для завершения доклада. Вряд ли хозяйка Медногора проникнется сочувствием после душещипательного рассказа про танцы с русалками. Скорее наоборот, отправит на внеочередное дежурство за невнимательность и безалаберность. А тратить время, предназначенное для сна, на мытье коридоров Денис не хотел.

Он почти закончил, когда вернулся Вальтер. Усталый, но довольный, староста принялся расписывать всю прелесть осенней Царицынской ярмарки, на которую его вытащила Настя. Денис слушал его в пол уха, стараясь сосредоточиться на последних абзацах. Вальтер, видимо, понял, что играет роль надоедливой мухи и отстал, взявшись за объемную химию.

— Ну вот, папоротник побежден! — торжественно изрек Денис и отодвинул от себя тетрадь.

— Я бы не был так уверен, — отозвался с кровати Вальтер. — Ты себе даже представить не можешь, насколько он капризный. Он просто не выносит соседство с любой нежитью. Чуть что, устраивает знатный фейерверк.

— Да уж, — Денис размял изрядно затекшие плечи. — Спасибо, что предупредил. Мне завтра с утра пораньше как раз его смешивать со слезами русалки.

— Разум просветлять будешь?

— Надеюсь, мой пока не нуждается в просветлении, — усмехнулся Денис. — Но да, Верона решила научить меня этому искусству.

— Я думаю это из-за последствий сна. Дед, по-моему, слегка перестарался с белладонной. Ты должен был проспять дня два, самое большее — три. Но никак не две недели. Верона теперь переживает за здоровье твоего рассудка.

Денис слегка растерялся от такого неожиданного признания.

— Так у меня с ним вроде бы все в порядке, — осторожно начал он.

Вальтер нахмурился. Денис напрягся.

— Вальтер. Ты знаешь что-то, чего не знаю я?

Староста вздохнул и перевел взгляд на не зашторенное окно, по которому резвыми струйками скатывался октябрьский дождь.

— Вальтер!

— Ты... беспокоен, — уклончиво ответил тот.

— То есть как?

— Стонешь. Кричишь. Бормочешь что-то про колосья. Иногда поднимаешься и тихо смотришь в темноту, словно пытаешься что-то там разглядеть.

Денис был потрясен. Каждое утро он просыпался, словно вырывался из омута сна, в который проваливался накануне. Ни воспоминаний, ни сновидений.

— Почему ты мне ничего не говорил? — надтреснутым голосом спросил Денис.

— Я думал, ты понимаешь, что происходит. Ты всегда выглядел адекватно и мы с Ратором ничего не заподозрили бы...

Вальтер оборвал предложение на полуслове.

— Если бы что?

В ответ тишина.

— Вальтер!

И снова тишина.

— Вальтер! Что я сделал?

— Вчера ты порывался к Черноозеру. Говорил, что должен выйти к истоку Смородины, чтобы найти свой клан. Когда мы попытались уложить тебя, стало ясно, что ты не в себе.

Денис не захотел узнавать подробности. Голова закружилась, и он порадовался, что сидит сейчас на стуле.

— После того Верона и решила проветрить мне мозги?

— Ну... собственно, да. Да ты не переживай так. Зелье безопасное. Как чай.

— Угу, — мрачно отозвался Денис. — Я уже отведал однажды чаю. У одного странного библиотекаря. До сих пор черти мерещатся.

Вальтер усмехнулся, но не стал развивать тему странных библиотекарей. Он было снова принялся за изучение химии, как Денис задал неожиданный вопрос:

— Скажи, а ты знаешь Андрея Полозова?

— Ну конечно знаю, — немного растерянно ответил Вальтер. — Он десятиклассник. Уже в который год подряд.

Денис понимающе кивнул.

— Черноозеро, да?

— Естественно, — подтвердил его мысль Вальтер.

Черноозеро — единственный корпус, где не встречались нормальные ученики. Ну, то есть обычные. Никак не связанные с объемным миром. И, пожалуй, именно там собралось наибольшее количество разных навий. Денис призадумался. Из его знакомых только ягиня Настя училась в Теремке. Она объяснила это простым, сугубо женским "надоело с нашими.

Они скучные". А вот Полозов, видимо, прекрасно чувствовал себя среди себе подобных. Из года в год он оставался в десятом классе в то время, как его бывшие одноклассники, не связанные с тайнами мироздания, попросту забывали его. В памяти начисто стирался его образ, как будто такого никогда и не существовало в природе. Исключительная особенность, которой обладали только навьи дети.

— А что такое? — прервал размышления Дениса Вальтер.

— Да так. Познакомился с ним сегодня, — уклонился от прямого ответа Денис.

— А, — рассеянно кивнул староста. — Ну он хороший парень. Только с отцом его лучше дел не иметь. Никогда. Чем дальше от Полоза, тем спокойнее тебе живется. Особенно по осени.

— Ну да, я помню. Боги засыпают, нежить шалит. Присматривать некому. Беспредел, анархия, самоуправство, — припомнил слова Ёльки Денис.

— Именно, — серьезно подтвердил Вальтер. — Так что оставь свое легкомыслие и прислушайся к совету старших. Держись от навий чуть дальше, чем хотелось бы. Хотя бы до зимы.

Денис заверил соседа, что непременно так и сделает и со спокойной душой лег спать. Потом встал. Привязал правую ногу ремнем к спинке кровати и снова лег. На вопрос Вальтера, что он делает, отмахнулся:

— Чтобы не укатился, как колобок, да к лисе хитрой не попал.

Ратор так и не появился, видимо, намывая коридоры.

Предпоследнее утро каникул ничем не отличалось от пред-предпоследнего. И от пред-пред-предпоследнего. Собственно говоря, оно было точно таким же, как и все позднеоктябрьские утра до этого. Денис хотел было перевернуться, залезть под одеяло и проспять еще пару часов, но что-то помешало ему это сделать. Он открыл глаза. Это "что-то" была собственная привязанная нога.

— Ну хоть не бродил по ночам, — удовлетворенно пробормотал парень и огляделся. Вальтера в комнате уже не было. Зато явившийся, наверное, среди ночи Ратор вдохновенно храпел на всю округу. Поразмыслив немного, Денис решил не прерывать волшебный сон товарища. Он отвязал ногу, умылся, вытащил из шкафа медицинский халат, захватил доклад и бесшумно вышел из комнаты. Опаздывать к Вероне не хотелось.

Глава 17. Зельеварение

Коридоры Медногора наслаждались последним днем спокойствия и тишины. Умиротворение витало в воздухе, нагоняя сон. Денис поспешил на пятый этаж — именно там располагались учебные лаборатории. Всякий раз он не уставал удивляться тому, как тщательно организован учебный быт учащихся. В каждом корпусе находились аудитории для занятий по своему профилю. В Теремке — лингвистические кабинеты. В Левше — мастерские. В Медногоре — лаборатории. Самые разные — от привычных колбочно-пробирочных до сверх-оборудованных электронно-микроскопных. К последним, правда, допускались только одиннадцатиклассники. Но само осознание возможности работы с таким оснащением внушало уверенность. Или самоуверенность. Денис не был уверен, чего в выпускниках Самого Лучшего В Мире Лицея больше — знаний или все же амбиций.

Дверь в лабораторию приглашающе приоткрылась, как только он приблизился к ней. Денис поспешно натянул халат и шагнул в святая святых медногорской науки.

— Студиозус факультета зельеварения и живой материи Васнецов на занятия прибыл! — поприветствовал Денис пустую аудиторию, после чего подошел к столу и сложил туда все свои вещи. Лаборатория встретила его вязкой тишиной и запахом хлорки. Денис поморщился и огляделся.

Вероны не было ни в обычной реальности, ни в объемной. Денис для большей уверенности несколько раз переключил зрение. От клана Геро можно было ждать любого подвоха. Он бы не удивился, замаскируйся Верона где-нибудь и свались ему с луны на голову. Это было вполне в духе оборотней — подстеречь и напасть. Но в этот раз, видимо, Верона действительно где-то задержалась.

Денис пожал плечами и уселся за парту, повторяя конспект.

Всё произошло быстро. Денис даже сообразить не успел, что он делает. Легкое, едва уловимое касание потока воздуха на затылке заставило парня буквально кинуться под парту и перекатиться в проход. Чувство острой опасности пришло много позже — через несколько ударов сердца. На том месте, где только что сидел Денис, искрилось огненное перо. Попади оно ему на волосы — тут же вспыхнул бы, как новогодняя ёлка.

— Неплохо, неплохо, — Верона появилась, как и предполагал Денис, из ниоткуда.

Денис выдохнул и поднялся с пола.

— Вы всех своих учеников жаждете поджарить или это я такой особенный?

— Не льсти себе. Это обычная проверка на внимательность. И к твоему счастью ты ее прошел.

— А если бы нет! — возмущению Дениса не было предела. Но он понимал, что толку от этого не будет никакого.

— Ну... ходил бы лысым пару месяцев.

— Почему пару? У меня вроде быстро волосы растут.

— Не после перьев Финиста, — усмехнулась Верона и подошла к своему столу.

— Ого, — только и смог вымолвить Денис. — Неужто того самого, который Ясный Сокол?

— Ужто, — кивнула Верона. — Он их часто сбрасывает, а мы подбираем и используем во благо науки. Как видишь, весьма полезная вещь. Разгоняет любой мрак, сжигает любое зло на своем пути.

— Почему мне кажется, что и не зло тоже сжигает? — задумчиво протянул Денис.

Верона в ответ лишь усмехнулась искомандовала начать занятие.

Денис с содроганием ждал момента, когда же он начнет свой доклад про цветок папоротника. Но Верона, казалось, вовсе забыла о том, что задавала ему что-то. Вместе с этим она еще раз прочитала лекцию о технике безопасности, напомнила, как именно нужно укладывать ингредиенты, чем их отмерять и во что наливать. Денис даже растерялся — настолько неожиданной была мысль о том, что Верона может что-то забыть.

— А я и не забыла, — тут же раздался голос куратора за спиной. — Во-первых, опять слишком громко думаешь. А во-вторых, мне незачем устраивать допрос. Ты сейчас встанешь к котлу, и сразу станет ясно — готовился ты или нет.

— Т-то есть как, ясно? — слегка заикаясь, уточнил Денис.

Очень просто! — глаза учителя сверкнули в полумраке класса навьей зеленью. — Напутаешь что-нибудь и взлетишь на орбиту.

Денис содрогнулся. Но морок тут же рассеялся, вместе с полумраком и зеленью. Класс снова затопил яркий холодный свет люминесцентных ламп, а вокруг стояли все те же лабораторные столы со штативами и пробирками.

Денис напрягся, переключая зрение.

— Нет-нет, — тут же вернула его в реальность Верона. — Мы работаем в обычном измерении. Вся посуда в шкафах. Для нагрева возьмешь газовую горелку.

Во второй раз за несколько минут Денис растерялся.

— А как же... Ну...

— Костер, котел, едкий дым и зловещий смех? — иронично поинтересовалась Верона, от чего Денис совсем смутился.

Хозяйка Медной горы усмехнулась, но решила не продолжать издевательства над и без того потрепанным судьбой Васнецовым.

Денис вздохнул и взял протянутый свиток с рецептом зелья. Потертая и пожелтевшая от времени бумага скрипела в руках, пока Денис развязывал красную ленту.

— Я думал, тут писали на бересте, — признался Денис.

— Оригинал и есть на бересте, — Верона подошла ближе и указала на уголок свитка, где стояла подпись. — Это перевод для учеников.

— В. Кармин. Вальтер? — удивился Денис.

— Вальдемар, — поправила Верона. — Один из пра-пра...

— Я понял.

Видимо, специфическое чувство юмора было неотъемлемой чертой клана Карминов. Вальдемар потрудились на славу, составляя перевод. То там, то тут он срывался в изначальный язык, которого Денис все еще не знал, поэтому некоторые части рецепта оставались для него тайной.

— Я вернусь через два часа проверить зелье. Постарайся не разочаровать меня сильнее, чем уже есть. Его у нас варят даже инфузии. Надеюсь, твой уровень интеллекта все же повыше.

— Но тут же... — спохватился Денис. Может быть, Верона не знала, что куски текста попросту не переведены?

Но хлопок железной двери сообщил, что куратор оставила его в гордом одиночестве.

Денис несколько минут рассматривал руны — и обычным зрением, и объемным, и перпендикулярным. Но те упорно не хотели выдавать своё значение. Быть самоподрывником

Денису явно не хотелось, и он решил — не можешь разгадать каракули одного Кармина — позови другого.

— Телефон вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети, — милая тетечка беспощадно разбила все надежды Дениса на счастливый выход из лаборатории. Либо он неудачно сварит зелье и подорвется на цветке папоротника. Либо же каким-то чудом не подорвется, и тогда его убьет Верона за профнепригодность. Денис уселся на парту и вздохнул, пытаясь определиться — какая смерть ему больше по душе.

— Думай, Васнецов, думай. Вальтер, скорее всего, с Настей где-нибудь в другом измерении и вернется нескоро, — принялся рассуждать Денис. — Ратор моет коридоры...

Денис сразу отмел этот вариант. Даже если Ратор свободен, полагаться на его познания в языке глупо. Тот если и переведет, то обязательно не в ту степь.

— Саня, как и я, тоже еще не учил язык, — друг тоже проходил интенсивный курс обучения, но до языка еще не добрался.

— Кевар и Ёлька, — оставались последние два варианта. Просить Ёльку о помощи Денис не хотел. Снова выглядеть беспомощным и ни на что не способным в ее глазах не очень хотелось. Но, по всемирному закону вселенской подлости, номера Кевара у него попросту не оказалось в телефоне.

— Врагу не сдастся наш гордый Варяг!

— Алло? — перебил Дениса бодрый голос Ёльки. — Васнецов? Привет.

— Привет. Скажи, а ты можешь мне номер Кевара продиктовать? — Денис попытался предать голосу самое непринужденно-лениво-незаинтересованное звучание.

— Могу, конечно. Только если он тебе сейчас нужен, он в городе. Поехал на какую-то сходку местных реконструкторов. Ну, там, мечи-кольчуги, знаешь.

— Угу, — сразу скис Денис.

— Так что, ты записываешь номер?

— Да. То есть, нет, раз его сейчас нет, — теперь действительно незаинтересованно отозвался Денис.

— Может, я могу тебе чем-нибудь помочь?

Ёлька как всегда была безумно мила и проницательна. Несколько мгновений Денис боролся с самим собой. С одной стороны, ему хотелось жить, с другой — не хотелось выглядеть идиотом в глазах девушки. Наконец, жажда жизни взяла верх.

— Вообще-то можешь. У меня тут небольшая проблема со знанием изначального языка, — нехотя признался Денис.

— О! Верона вручила тебе перевод Кармина? — весело рассмеялась девушка. — Ты в какой лаборатории?

— В четвертой, — робкая надежда на спасение затеплилась в груди Дениса.

— Скоро буду. Ты расставь пока все, что понимаешь.

Денис поспешил выполнить указания одноклассницы. На стол, позвякивая, опускались разномастные колбы, ступки, шпатели и прочая атрибутика матерого химика-зельевара. После посуды настала очередь компонентов. И если с водой, полынью и слезами русалок проблем не возникало — все было вполне измеримо привычными пробирочными методами, то вот на дыхании Морфея Денис застопорился. Точнее нужную склянку-то он нашел. Темно-зеленая пыльная бутылка с почти выцветшей этикеткой стояла в дальнем углу вытяжного шкафа. На ней же значилось — открывать только в шкафу. В правом нижнем углу кто-то заботливый оставил наклейку с изображением спящей красавицы. Денис был

наслышан об этом странном реактиве. Вдохнешь лишнего — и уже не выбраться из богатырского сна. И теперь перед ним стоял вопрос — как отмерить два выдоха из бутылки.

Послышался скрип открываемой двери. Денис аккуратно вернул склянку на место и оглянулся. По проходу между рядами в огромном, явно больше на пару размеров, белом халате к нему шагала жизнерадостная Ёлька.

— О, ты Морфея нашел!

— Нашел, — согласился Денис. — А как его отмерить понятия не имею.

— Просто ты, видимо, пропустил лекцию про оборудование. Ну или еще не дошел до нее. Пойдем.

Ёлька кивнула в сторону одного из столов с множеством выдвигаемых ящичков. В одном из них мерно покоились резиновые груши разного калибра. На один вдох, на два выдоха, на три полувдоха. Денис и не знал, что дышать можно настолько по-разному.

— Держи, тебе вот эта нужна, — протянула нужную грушу Ёлька.

— Спасибо... — Денис посмотрел на девушку с тройной благодарностью. — Без тебя я бы, наверное, точно подорвался.

— Да не за что. Ты и так отлично справляешься. Обучение такими темпами не каждый выдержит. Мы-то в этом с рождения варимся, а ты...

Денис почувствовал, что краснеет и поспешно отвернулся, чтобы этого не заметила Ёлька. В воздухе повисла неловкость, как трехчасовая жвачка, растянутая между креслом и полом.

— Ну что, давай одолеем дедушку Кармина? — первой предложила Ёлька.

Денис не стал возражать и с облегчением протянул девушке свиток.

— Он мне не нужен, — отмахнулась та. — Смотри.

Порывшись в одном из шкафов, она извлекла из недр толстенный фолиант вполне книгопечатного вида.

— Основы настоев, зелий и отваров, — прочитал Денис на темно-зеленой обложке. — Царицынский Лицей, семьдесят третий год.

— Странно, что Верона не дала тебе этот справочник, — задумчиво проговорила Ёлька. — Нам про него рассказывают на той же лекции про посуду и прочую зельеварскую атрибутику.

— Кажется, она мне говорила что-то про это, — начал припоминать Денис. — Точнее она задала найти в библиотеке все это перед папоротником. А я, по-моему, забыл...

— Понятно, — протянула Ёлька. — Ну тогда считай, что тебе крупно повезло. Без него ты бы не сварил не то, что зелье прозрения, но и просто живой воды не получил бы.

Денис тихо застонал. Судя по всему, не знал он гораздо больше, чем хотелось бы.

— Если хочешь... — начала было Ёлька, и обреченность в глазах Дениса на мгновение отступила. — Если хочешь, я могу посидеть тут с тобой, пока ты зелье варить будешь. За тебя я его сделать не смогу — Верона сразу поймет, кто варил. А вот проконтролировать, чтобы ты не превратился в праздничный фейерверк, могу. Уставом это точно не запрещено.

— Ёлька! Ты мой Ангел-Хранитель! — в порыве благодарности признался Денис. И несмотря на то, что девушка отвернулась, он успел заметить яркий румянец на щеках с ямочками.

Никогда еще процесс приготовления зелья не был таким волнительным и увлекательным одновременно. Денис поначалу комплексовал, но вскоре так втянулся в беседу, что попросту перестал обращать внимание на свои комплексы. Ёлька то и дело

давала полезные советы — как лучше растереть папоротник, чтобы не полыхнул в брови. С какой стороны лучше приливать в колбу русальи слезы. И, конечно же, как добывать дыхание Морфея из склянки.

— Никогда бы не подумал отмерять вдохи-выдохи резиновыми грушами, — признался Денис, аккуратно выдувая содержимое ярко-зеленой груши в колбу. По стеклянным стенкам пробежала изморозь, а на поверхности жидкости за клубился розоватый туман, который на глазах стал темнеть, приобретая фиолетово-черничную окраску.

— Чего только не придумали умельцы за все эти годы, — поддержала его Ёлька. — А уж что сейчас разрабатывают в подземных лабораториях Ладогора и подумать страшно.

Денис собрался было слушать увлекательные истории о тайных знаниях, как Ёлька замерла и прислушалась. До слуха Дениса долетел тонкий писк.

— Что это? — поинтересовался он.

Ёлька хлопнула себя по бокам, ища что-то в карманах, и вытащила из пиджака под халатом маленький серый клубочек. Он то и дело подпрыгивал на вытянутой ладони, а нить на конце извивалась, как обезумевшая змея.

— Странно, — Ёлька внимательно осмотрела клубок. — Ткачей зачем-то собирают к станкам. Опять что ли случилось что-то...

Денис, не отрываясь, наблюдал за этим клановым орудием Ткачей. В чужих руках оно казалось беспомощным и безобидным. Но уж Денис-то знал, как легко с его помощью можно переплести судьбы десятков, сотен людей, как запросто можно связать то, что никогда не должно быть связано. И все это одним движением на станке.

— Прости, мне надо идти, — мягкий голос одноклассницы развеял наваждение.

— Да-да, иди, конечно, — Денис попытался придать своему лицу непринужденный вид.

— Смотри, тебе осталось только папоротник засыпать, но не раньше, чем через тридцать семь минут. Иначе нежитий дух не выветрится и рванет. И не позже сорока двух минут, чтобы Морфей не успел набраться силы, а то выпьешь зелье и не просветлишься, а наоборот...

Что значило это загадочное "наоборот" Денис узнавать не хотел. Он наскоро попрощался с Ёлкой, поблагодарил её еще раз и снова остался в одиночестве посреди лаборатории.

Фиолетовый туман клубился по стенкам колбы, изредка касаясь булькающей жидкости. Денис поставил таймер на телефоне и теперь с нетерпением поглядывал на него каждые три-четыре секунды, боясь пропустить нужный временной промежуток. Собственно, самое выматывающее в зельеварении было ожидание. Некоторые зелья требовали часов, а то и дней бесконечного ожидания над реакционной смесью.

— Ну прям чахну аки Кощей, — пробормотал Денис, разминая шею и плечи.

Таймер пискнул. Прошло пятнадцать минут. Осталось чуть больше половины. Денис потянулся за Основами настоев, когда услышал скрип открывающейся двери. Несколько ударов сердца Денис размышлял — оглянуться или нет. Если за спиной стоит Верона, она его по головке не погладит за то, что оторвался от зелья. Поэтому Денис решил процитировать галчонка из мультика:

— Кто там?

— О, Васнецов! А ты что тут делаешь? А, зелье варишь? Просветления разума? Ну да, ну да!

Денис напрягся, но постарался ничем не выдать своего удивления.

— Витор Витольдович? А Вы... Инспектируете?

Ответом ему послужили лишь звенящие благодаря плитке на полу шаги.

Денис принялся соображать, что могло привести директора в учебную лабораторию Медногора в такой час. Может, Верону потерял? Или, наоборот, проверяет, как она занимается с вечно приносящим проблемы учеником?

— А где Верона Вергардовна? — подтверждая мысли Дениса, поинтересовался директор.

— Она... Вышла за руническим букварем. Я попросил помочь мне в изучении изначального языка, сам не справляюсь!

Отговорка была бредовой, но, похоже, директора она устроила. По крайней мере, он прекратил задавать вопросы и лишь молча расхаживал по кабинету, словно бы что-то высматривая.

Денис не совсем понимал, что тут делает директор, зачем он пришел, а главное — когда уйдет. Но поинтересоваться вслух не хватило духу. Оставалось лишь молча наблюдать за посинением своего зелья — благо время еще оставалось.

Шаги за спиной стихли. Денис выпрямился и почувствовал тяжелое дыхание у себя на щеке. Скопив взгляд он увидел, что директор также склонился над колбой и внимательно рассматривает ее содержимое. Как будто жаждет там картины грядущего разглядеть.

— Витор Витольдович? — шепотом позвал Денис.

— А? А, что? — вздрогнул директор и выпрямился.

Денис, оторвавшись наконец от созерцания колбы, повернулся к директору. Какой-то он был странный. Денис переключил зрение — возможно, в объеме что-то не заметил? Но картинка была точно такой же — никаких возмущений и искривлений пространства. Отчего же где-то под левым ребром внезапно заняло чувство тревоги?

— Вари, вари, Васнецов. Недолго осталось!

Директор словно вынырнул из своего оцепенения. Кивнул в сторону колбы и ободряюще хлопнул Дениса по плечу.

Что-то кольнуло, как будто на руках директора оказалась колючка. Денис вздрогнул, но тут же все прошло.

— Не отвлекайся! Уже скоро! — директор указал на вьющийся почти черный туман и вышел из кабинета, ничего больше не добавив.

Денис проводил директора взглядом. Он и до этого считал его слегка чудаковатым. А теперь лишний раз убедился в своей правоте.

Таймер снова пискнул. Тридцать пять минут осталось позади. Денис взглянул на алый порошок цветка папоротника в ступке. Даже в таком состоянии то и дело по крупичкам пробегали искры — цветок чувствовал соседство нежити и ему это не нравилось.

— Ничего, скоро отправишься мне разум просветлять! — пообещал Денис папоротнику.

Неожиданно по телу пробежала волна озноба. Как будто кто-то приоткрыл дверь и в комнату ворвался ледяной сквозняк. Денис оглянулся — подумал было, что кто-то еще заглянул на огонек. Но лаборатория была пуста. А все окна и двери оставались плотно закрытыми. Озноб между тем становился все сильнее. Волны парализующего холода накатывали откуда-то со спины и растекались по телу, сковывая и обездвиживая его. Денис потянулся за телефоном, но не смог даже разогнуть руки. Казалось, что тело деревенеет. С каждым ударом сердца из него уходило тепло, уступая место неземному, потустороннему холоду. Денис прищурился и разглядел, как откуда-то из объема на него надвигается, шевеля

белесыми щупальцами, ледящий туман.

Таймер в очередной раз запищал. Пошла тридцать седьмая минута. Туман в колбе закружился быстрее, отчего там образовалась миниатюрная черная дыра. И оттуда на него взирал Хаос — бездушный и беспощадный.

— Помогите! — попытался крикнуть Денис, но из горла вырвался лишь непонятный сип. И язык, и голосовые связки — все замерзло. Денис чувствовал, как превращается в бесчувственное бревно. Только мозг продолжал лихорадочно соображать, пытаясь найти выход из ситуации. Но выхода не было. Он не мог шевелиться, он не мог кричать. И противный таймер снова пискнул, оповещая о начале сороковой минуты. Если за ближайшие две минуты он не закинет папоротник в колбу — Морфей вырвется на свободу и поглотит его.

Денис собрал всю силу воли в кулак и попытался подняться. Но все, что ему удалось — немного сдвинуть стул. На этом оставшееся тепло его покинуло. Денис продолжал видеть, слышать и понимать все происходящее вокруг. Все его внимание теперь сосредоточилось на пульсирующей бездне в колбе, которая неотрывно глядела сейчас в его душу. Откуда-то издалека до него долетел торжествующий смех, но Денис не был уверен, что это не почудилось ему.

Вот таймер пискнул в последний раз. Черный туман медленно пополз по стенкам колбы вверх. Нерешительно, словно проверяя каждый следующий сантиметр на прочность. И, не встречая никакого сопротивления, продолжал свой путь по горлышку вверх. Время словно остановилось. А точнее — сошлось в эту темную точку пространства, всосалось в абсолютное ничто — центр Хаоса. Добравшись до края горлышка туман замер и резко скользнул вниз.

Робкий отблеск надежды шевельнулся в душе Дениса. Но в следующее мгновение послышался тихий треск — толстое стекло колбы как в замедленной съемке покрылось паутиной трещин.

Денис успел подумать, как глупо победить норлаха и встретить смерть от ошибки в зельеварении. Он решил не закрывать глаза, чтобы видеть ту, что явится срезать его колос. А может, их будет несколько?

Денис вспомнил эфемерных полудниц и полуденный жар на мгновение коснулся щеки, согревая его.

Хлопок двери разорвал эту тонкую нить, что протянулась от Дениса туда, к истоку Смородины. Звон разбившейся колбы подобно грому вспорол напряженную тишину. Денис успел заметить расплескавшийся по белой плитке чернильный мрак. И острый янтарный взгляд, пронзивший Дениса до глубины души. Неведомая сила подбросила тело вверх и потянула куда-то в непроглядную темноту. Последнее, что запомнил Денис — что-то тяжелое, тисками давящее грудь. В следующее мгновение мрак из колбы полностью поглотил его сознание.

Глава 18. Атака Морфея

Ёлька торопилась. Клубок в кармане вибрировал все сильнее, чувствуя приближение станков. Вот позади осталась лестница учебного корпуса, вот закончился коридор первого этажа. Теперь взбежать по боковой лестнице на самый верх, практически на чердак, а оттуда по потайной уже вниз, в подземелья.

Этот маршрут был с раннего детства знаком любому Ткачу. Или Кармину. Или Геро. Пока старшие усердно выполняли свой долг, дети, поколение за поколением, боролись со страхом, исследуя загадочные подземелья. Именно здесь кто-то впервые встречал домового или лешего. Именно тут находили то, что потерялось сотни лет назад. И теряли заново то, что найдут еще через сотни лет.

Ёлька всегда любила эти подземелья. Несмотря на близость опасности, которая буквально дышала тебе в затылок. Несмотря на холодное дыхание Нави, касающееся стен и сводов. Несмотря на тяжелый взгляд Хаоса, который нет-нет, да и улавливался в отражениях лужиц и рос.

За поворотом послышался знакомый треск, и Ёлька прибавила шагу. Сегодняшняя смена ткачей заступила на дежурство три часа назад. Что же могло произойти, что всех остальных решили собрать?

Повеяло сыростью и, несколько ударов сердца спустя, чуткий слух уловил шум бегущей воды. Водяной Страж, как и тысячелетия назад, хранил вход к станкам.

"Никто не войдет. Только Ткач откроет двери" — каждый Ткач знал этот голос, едва различимый в гуле падающей воды. В давние времена у Водяного Стража полегло немало искателей приключений и охотников за Судьбой. Только истинный Ткач мог пройти сквозь водную преграду и выйти сухим из воды. Но это было далеко не последнее испытание, поджидающее каждого, кто решит пробраться к станкам. Ёлька попыталась припомнить все ловушки, спрятанные по пути в главный зал, где с Великой Прялки спускались нити, и не смогла. О каких-то она знала с детства, но позабыла. Какие-то еще предстояло открыть. Пока что ей, как и всем ткачам, проходящим обучение, разрешалось посещать только двадцать первый зал. Выпускников допускали в двадцатый, где они и сдавали свой первый настоящий экзамен. А дальше начинался путь, что называется, по карьерной лестнице в самое сердце залов, ко входу к Прялке. И к тайному Знанию.

Иногда в своих мечтах Ёлька представляла, как станет директором и получит золотую нить с алмазным веретенцем — символ главенства и ответственности за всех Ткачей. Там, в своих мечтах, она входила в полумрак тихого зала, медленно, с благоговейным трепетом подходила к двери и слышала шуршание прялки, раздающееся с противоположной стороны. Она брала в руки многочисленные тончайшие нити и сама накладывала их на навой станка. И наблюдала, наблюдала... Как по велению Судьбы сплетаются в единое полотно десятки, сотни различных судеб и жизней. А она, как и все Ткачи, следит за тем, чтобы полотно выходило ровное и гладкое.

Шаги перестали эхом отражаться от стен пещеры. Вскоре пропали и следы. До входа осталось совсем немного.

— Ёлька? Ты что тут делаешь?

Девушка вздрогнула, вырываясь из омута своих грез. В паре шагов от нее стоял одиннадцатиклассник Ивор Ткач.

— Привет, Ивор. Как что? На собрание вот пришла. Опоздала, да?

Ёлька огляделась. Никаких признаков приближения остальных ткачей не было.

— Эм... на какое собрание? — Ивор полез в карман за своим клубочком. Тот молчал, изредка подрагивая. — Я не слышал сигнал к сбору. Хотя мы тут ближе всех, обрабатываем швы перед зимним экзаменом.

Ёлька нахмурилась.

— Ты точно ничего не слышал?

— Ёлька, я вышел из зала три минуты назад. А до этого сидел с толпой ткачей, пытаюсь проделать гладкий шов, который сегодня ни у кого не шел. Я бы услышал сигнал. Если не у себя, то у двадцати остальных точно. Проверь свой клубочек. Видимо, барахлит, как и всё в последнее время.

Ивор хлопнул Ёльку по плечу, улыбнулся и побрел в сторону от залов.

— Ивор! — окликнула его Ёлька. — А ты чего вышел-то?

— А, — махнул рукой парень. — Директор проходил через зал как раз в тот момент, когда я решил высказать вслух все, что думаю по поводу всех гладких швов мира. Ну и... — парень замялся. — В общем, выгнали меня. Отправили в столовую на тарелки до нового года.

— Директор здесь? — удивилась Ёлька. — А ему что делать в залах в такое время?

— Ну вот уж не знаю, он передо мной не отчитался. Прости, меня тарелки ждут.

— А, ну да, — рассеянно отозвалась Ёлька. — Удачи. И сочувствую, — крикнула она уже вслед уходящему парню.

Что-то не сходилось. Никогда раньше её клубочек не вел себя так странно. Да, можно было списать все на общий уровень ткаческих проблем с прялкой. Но это же был ее клубочек. С самого рождения Ёлька чувствовала его. И когда что-то было не так с нитью, с плетениями или со станком, он сразу давал ей знать. А вот так, без предупреждения, послать ложный сигнал, да еще и после этого вести себя как ни в чем не бывало... Ёлька достала моток серой шерстяной нити и сжала в кулаке. Клубок, отзываясь на близость станков, изредка подрагивал, но больше не подавал никаких признаков жизни — ни звуков, ни тепла.

— И что это было? — обратилась к нему девушка. Но, не дождавшись ответа, убрала обратно в карман и поспешила вернуться в Медногор. Если ее увидят в подземельях без особой причины, да еще и доложат Вероне — одной объяснительной не отделаться.

Открывая ключом дверь в свою спальню, Ёлька не переставала обдумывать причины такого странного поведения своего клубка. Поэтому, когда прямо над ухом раздался громогласный голос аварийной сигнализации, девушка не сразу сообразила, что стряслось.

— Внимание! Атака Морфея! Внимание! Атака Морфея!"

Несколько мгновений Ёлька вслушивалась в механический голос. А потом, словно кто-то снял с нее оцепенение, — девушка вздрогнула и кинулась в учебный корпус. Только в одном месте сегодня Морфей мог вырваться на свободу.

— Ты куда? Всем оставаться в своих комнатах! — Вальтер вырос перед ней, как гриб после дождя — также предсказуемо, но совсем некстати.

— Пусти! — Ёлька отпрыгнула в сторону. — Ты не понимаешь! Там Васнецов!

— Какой Васнецов? Ёлька! Вернись в комнату, иначе я тебя туда силой затолкаю, — в голосе Вальтера звучала учительская непреклонность.

— Васнецов зелье прозрение варил! Я ему помогала, а потом клубок вызвал. А он один остался. Видимо, что-то не так сделал. Ему оставалось только папоротник засыпать.

— Пойдем! — Вальтеру хватило несколько секунд на то, чтобы связать фразы в общую картину мира.

Пустые коридоры провожали бегущих медногорцев равнодушным взглядом осенне-серых окон.

В учебном корпусе все еще разрывалась сигнализация. Дверь в лабораторию была открыта, оттуда слышались голоса. Ёлька влетела в кабинет первой. Вальтер отстал на пару мгновений.

— Денис! — девушка замерла у порога.

То, что расстиралось перед взором слабо походило на учебный кабинет. Центр был раскурочен, словно туда попал снаряд времен Великой Отечественной. Дыра в полу открывала прекрасный обзор кабинета этажом ниже. От парт, стоящих поблизости не осталось ничего. Остальные были вырваны вместе с водопроводными трубами и электропроводкой. По стенам живописными пятнами разметалось содержимое котла. Сам котел валялся неподалеку — в районе вытяжного шкафа. Там же стояли Альцес, Верона и магистр Яр.

— Где Васнецов? — срывающимся голосом спросила Ёлька.

Трое преподавателей обернулись на резкий звук.

— Вальтер! Что вы тут делаете! Уведи её отсюда! — прорычала Верона.

— Вы не понимаете! Я была тут! Этого не должно было быть! Что он сделал?

Девушка кинулась было к месту взрыва, но холодный взгляд синих глаз магистра приковал её к месту.

— Ёлька, пожалуйста, — магистр Яр обогнул Верону и подошел к Ёльке. — Мы пытаемся выяснить, что тут стряслось. Прошу, не мешайте нам.

— А где Морфей? Он ушел за ним, да? Он ушел за Денисом?

Яр отвел взгляд.

— Магистр! Мы должны спасти его! Может быть он открыл тропу и ушел в объем?

— Не открыл, — подал голос Альцес, печально качая головой. — Никаких признаков того, что тут открывалась Тропа. Прости, Ёлька.

Девушка отшатнулась. Она не могла поверить, что Денис, который еще какой-то час назад смешил ее своими рассуждениями на тему полувдохов и русалок, теперь...

Ёлька прижала руки к гудящей голове. Она не хотела допускать это страшное слово в свои мысли. Денис должен был выжить. Он уже столько раз выживал. Это же он убил норлаха. Он пережил испытание ущельем. И кто знает, сколько еще раз обманывал смерть. Только не здесь. Не тогда, когда она лично проверила все реактивы, когда убедилась, что ничего не угрожает этому человеку, делающему первые шаги к ткачеству.

— Ёлька, — настойчиво повторил магистр.

— Нет! Я не уйду. Я могу помочь! Я же знаю, что он делал. В какой последовательности. Может быть, мы...

— Пойдем, — молчавший до этого Вальтер обнял девушку за плечи.

— Вальтер! Это же Васнецов! Как ты можешь? — Ёлька попыталась вырваться, но парень вцепился в нее намертво.

— Я сказал, пойдем!

Ёлька бросила последний взгляд на место, где совсем недавно она помогала Денису.

— Ёлька, пойдем отсюда, — Вальтер мягко, но уверенно развернул девушку в сторону выхода. И тихо, чтобы слышала только она, шепнул на ухо:

— Я думаю, что смогу воссоздать картину. Но позже.

Девушка подняла на старосту глаза, полные непролитых слез и позволила, наконец, увести себя из кабинета. Стоящие позади преподаватели переглянулись, но ничего не сказали. Им предстояло разделить обязанности по объяснению случившегося перед учениками и, самое главное, родителями Дениса.

Глава 19. И снова Дети Подземелья

Кап.

Кап. Кап.

Кап.

Денис попытался открыть глаза, но ничего не вышло. Веки отказывались слушать сигналы мозга о подъеме. Что-то невыносимо тяжелое сдавило грудь, отчего каждый вдох приходилось буквально протискивать в легкие. Денис попытался пошевелить хоть какой-нибудь частью тела, но холод, сковавший его в лаборатории, никуда не делся. Денис прислушался к ощущениям и понял, что не чувствует ни рук, ни ног. Если бы не что-то, что плотно сдавливало грудь, Денис подумал бы, что вовсе лишился тела. Но по крайней мере одна его часть точно осталась.

Кап. Кап.

Ш-ш-шурх.

Кап.

Ш-ш-ш-урх.

Денис напряг слух. Шуршание никуда не исчезло. Наоборот, с каждым мгновением оно приближалось.

Ш-шурх.

Грудь сдавило сильнее.

Ш-шурх.

Давление чуть ослабло.

С каждым новым шуршанием давление то усиливалось, то ослабевало. Денис снова попытался разлепить одеревеневшие веки. То ли в этом непонятном месте он начал оттаивать, то ли просто надо было приложить больше усилий, но глаза все же раскрылись.

— *Представляю, каково было Вию,* — неуместно-веселая мысль скользнула в голове.

Вокруг, насколько Денис мог разглядеть, расстилался туманный полумрак. Судя по всему, он был в пещере. Или в каком-то гроте. Сырость и гуляющее вокруг эхо наталкивали именно на эту мысль.

Шуршание прекратилось.

— *Вс-с-тавай,* — прямо над ухом раздалось тихое шипение.

Денис почувствовал, как тугие кольца, сжимавшие грудь распались. В следующий миг прямо перед ним из тумана вынырнула огромная змея. В полумраке она светилась привычными зеленоватыми оттенками объемного мира. Два немигающих янтарных глаза уставились на Дениса и тот вздрогнул. Именно этот взгляд он видел у горного озера. Именно этот взгляд он видел в классе перед взрывом.

— Андрей? — осторожно поинтересовался Денис осипшим голосом.

Змея в ответ кивнула и снова прошипела:

— *Вс-с-тавай.*

— Легко тебе говорить. Я ничего не чувствую!

Слова сухими колочками продрались из горла. Денис не знал, что он напугал в зелье, но то, что он остался жив после всего произошедшего — настоящее чудо.

— Ты спас меня? — неожиданная догадка посетила с трудом соображающий мозг.

Змей снова кивнул, продолжая в упор разглядывать своего знакомого. От этого взгляда

становилось не по себе. Как будто древняя сила внезапно оказалась перед тобой. И ты понимаешь, что надо бы бежать со всех ног куда глаза глядят, но ее величие и мощь завораживают. И убегать уже никуда не хочется. И не может.

Денис снова попробовал пошевелиться, и снова у него ничего не получилось.

— Не могу!

Змей замер на месте, ничего больше не говоря. Денис какое-то время смотрел в янтарные глаза нового знакомого, но потом ему это занятие наскучило и он решил изучить местность. Полумрак пульсировал, то накатывая, то отступая. В последние мгновения можно было рассмотреть влажные своды пещеры, уходящие куда-то вверх. Звук капающей воды подобно метроному отсчитывал утекающее время. Денис не знал, сколько он провел в этом месте. Так же, как и не знал, сколько еще ему предстоит тут провести прежде, чем к нему вернется способность двигаться. Андрей, похоже, вовсе забыл про него и про то, что вполне может принять человеческий вид и объяснить, что произошло. Точнее, что произошло после того, как Дениса попыталась засосать черная дыра, что вырвалась из колбы.

Черная дыра!

Денис вздрогнул и попытался вскочить. Если Морфей вырвался на свободу, неизвестно, что ждет ничего не подозревающих учеников Медногора. А значит их надо предупредить.

Однако, онемевшее тело явно не разделяло этот порыв героизма. Все, чего добился Денис — знатная судорога, спешно пробежавшая по всему телу.

Парень тихо застонал. Эхо тут же подхватило звук, многократно его усилив, отчего пещера наполнилась гулом.

— Не ш-ш-шуми, — прошипел змей и двинулся в его сторону. Денис напрягся, но все, что ему оставалось — молча наблюдать за тем, как тугие змеиные кольца обвиваются вокруг груди, снова сдавливая ее уже знакомой тяжестью.

— Это ты... душил меня... — догадался Денис.

Змей в ответ прошипел что-то непонятное, продолжая накручиваться пружиной на Дениса.

Вскоре мир вокруг качнулся, и полумрак поплыл перед глазами. Денис почувствовал, как его подбросило куда-то вверх и в сторону. Змей тащил его в неизвестном направлении. Проклиная всех змей, собственную беспомощность и противный туман, что так и норovil заползти в нос, Денис пару раз попытался предпринять некое подобие сопротивления. Но заработал лишь очередную судорогу, после чего оставил попытки побега до лучших времен. Как минимум, до собственного размораживания.

Путь был долгим. За все время путешествия Денис несколько раз принимался считать сталактиты, но дойдя до пары сотен бросал. Потом начинал снова, и снова бросал. Местность вокруг не подавала никаких признаков жизни. Иногда Денису казалось, что они движутся по кругу. Тогда, словно насмехаясь над его глупостью, из тумана вырастал какой-нибудь причудливый сталактит, который раньше явно не встречался. Уныние и сырость верно сопровождали незваных гостей на протяжении всей дороги. И только эхо веселилось за всех, радостно летая где-то в вышине.

Движение закончилось внезапно. Змей остановился, отпустив Дениса. И тот, словно мешок с картошкой, свалился на каменистый пол пещеры, ощутимо ударившись пятой точкой.

— Ау! — Денис потер ушибленное место. — Предупреждать же надо! Так и отбить себе чего недолго!

За своим праведным негодованием он не сразу заметил одну существенную деталь — он разморозился. Руки и ноги, как и собственный голос, наконец-то вернулись в более-менее рабочее состояние.

— Теперь ты в полной безопасности... на время...

Андрей подошел к нему в привычном человеческом облике. Только янтарные всполохи во взгляде не давали забыть, что перед ним стоит наследник одного из великих Змеев всех времен и народов.

— Не подходи ко мне! — попятился Денис. — Я все понял. Это ты напал на меня в классе и пытался задушить!

Андрей склонил голову набок, также как змей ранее, и внимательно посмотрел на Дениса.

— Я спасал тебя.

— Ага, конечно! Так спасал, что чуть не задушил!

— Это был единственный способ протащить тебя сюда и не дать надышаться Морфеем. Если ты не помнишь, я успел как раз во время взрыва. Еще удар сердца и от тебя остались бы одни лишь теплые воспоминания!

Денис нахмурился. Что-то в этой истории не клеилось.

— А почему не отвел меня в лазарет? К Вальтеру, к Вероне? К директору, в конце концов?

— Прямо к тем, кто так старательно пытался тебя убить в последние два месяца? — с шипением поинтересовался Полозов.

— Меня что? — Денису показалось, что он ослышался. — О боги, что за бред? Меня пытался убить норлах, шизанутые русалки и один маразматик-библиотекарь. Но явно не Верона.

Полозов усмехнулся и сцепил руки на груди. В янтарных глазах плескался океан иронии, но вслух он сказал лишь одно:

— Ты в этом так уверен?

В воздухе, подобно пузырьку из жвачки, расплывалось напряжение.

— Послушай, Андрей. Я признателен тебе за помощь с русалками и за то, что ты вытащил меня из лаборатории, но не мог бы ты...

— Не мог, — категоричность ответа заставила Дениса сжать кулаки, чтобы не встряхнуть этого навия как следует.

— Ты не понимаешь. Если там Морфей вырвался в лабораторию, мне надо предупредить Верону, чтобы она выводила учеников. Если из-за моих кривых рук пострадают ни в чем не повинные люди, то...

— Не пострадают, — снова перебил его Полозов. — Зелье было твое. И Морфей кинулся за тобой сюда. И нашел бы, если бы не защита, под которой ты сейчас находишься. И если хочешь прожить еще долго и счастливо, позволь дать один совет — не высовывайся.

Весь героизм Дениса улетучился, как гелий из воздушного шарика. По всему выходило, что Полозов действительно его спас, а Медногору ничего не угрожает. Денис и хотел бы усомниться, но отлично помнил истину, вбиваемую им Лиссандрой на каждом занятии. Навии не умеют лгать, когда задаешь им прямые вопросы. А на вопрос о спасении змей ответил утвердительно.

— Ну... тогда я, пожалуй, посижу тут. Я же здесь в полной безопасности? — все же решил уточнить Денис.

— Пока ты со мной, да.

Денис задумался над следующим вопросом. Точнее, в голове стоял целый рой остро жалиющих, каверзных, провокационных вопросов. Но Денис никак не мог понять, какой из них задать первым.

— Нам надо идти дальше, — не давая времени на раздумья выдал Полозов. — Здесь еще не место.

— А куда мы идем?

Не то, чтобы любопытство взяло верх. Но Денис решил, что неплохо бы узнать, откуда тебе придется уносить ноги в случае чего. Впрочем, почти тут же он пожалел о своем вопросе.

— Мы идем к Отцу!

Тихий стон Дениса тут же был подхвачен и многократно усилен. Полозов усмехнулся:

— Учись не задавать вопросы, на которые ты не хочешь знать ответа.

Во всей этой истории Дениса радовало одно единственное — обещание безопасности рядом с Полозовым. Можно было наивно рассчитывать на то, что Великий Полоз не съест его на глазах у горячо любимого детеныша. Определенного оптимизма добавляла и вернувшаяся чувствительность в конечностях. Денис наконец перестал ощущать себя промерзшим бревном и с радостью передвигался по пещере самостоятельно. Последняя же, казалось, уходила всё глубже и глубже под землю. Туман постепенно рассеивался, а вот сырость, наоборот, накатывала все сильнее. Рубашка и халат повлажнели и потяжелели, брюки противно прилипали к коленям. Редкие сквозняки пробирали до костей, отчего Денис то и дело поеживался. Но и это испытание вскоре закончилось. Чем дальше они шагали, тем суше становился воздух вокруг.

— Теплеет, — прокомментировал Денис.

— Конечно. К Смородине идем же, — согласился Полозов.

— Ой-ой, — протянул Денис. Все его походы в окрестности огненной реки ничем хорошим не заканчивались.

— Ну а как ты хотел? — удивился Полозов. — Чтобы хранитель леса жил под какой-нибудь ёлкой?

— Я вообще никак не хотел! — недовольно проворчал Денис. Полозов в ответ лишь усмехнулся.

— Судьбу не выбирают. Ее либо принимают, либо бегут от нее. Но выбирать... Нет, это не про нас.

В ответ Денис пробормотал что-то едва различимое и стянул с себя надоевший халат. Может быть, в химической лаборатории он и мог от чего-то защитить, но здесь, глубоко под землей, только мешался, противно хлопая лапами по ногам. Тут же почувствовав облегчение, Денис немного приободрился. Передаваясь внутренним размышлениям, он на какое-то время выпал из реальности, наивно полагаясь на защиту своего нового знакомого. Громкий хруст под правой ногой резко швырнул его из мира грез назад, в действительность.

— Тиш-ш-ше ты! — тут же зашипел Полозов.

Но Денис и сам понял, что слишком расслабился. Вздвогнув, он отскочил в сторону, но по пещере тут же разнесся новый хруст.

— Да что б тебя! — выругался Денис, оглядываясь. Эхо весело подхватило хруст, резво разнося его по всей округе. Денис снова выругался и попытался рассмотреть, что послужило причиной такого переполоха. В полумраке пол пещеры, расстилающийся впереди, отливал

светло-серой бледностью. Присмотревшись, Денис почувствовал, как по коже пробегают противные липкие мурашки. Вся поверхность, насколько простирался взгляд, была усеяна костями всех возможных форм и размеров. Видимо, его молчание было слишком красноречивым.

— Ой да ладно тебе. Это же естественный отбор, природная цепь питания, — не выдержал Полозов, вступаясь за своего сородича.

— Ну да, конечно. Это все потому, что кто-то слишком много ест, — Денис процитировал в ответ кролика из мультфильма, пытаясь решить, так ли он хочет идти на встречу с хранителем леса.

Полозов вздохнул и пошел дальше, ничего не говоря в ответ. Денис какое-то время постоял. Но перспектива затеряться в этих подземельях и пополнить коллекцию местного музея остеологии подстегнула его шагать вперед.

Мир вокруг наполнился противным хрустом костей. Он забирался в уши, словно пытался разодрать их. И эхо, с огромным воодушевлением, помогало ему в этом. Денис пожалел, что у него нет с собой ушных затычек. Между тем, костей становилось все больше и больше — они явно приближались к концу путешествия. Вскоре впереди забрезжил бледно-зеленый свет, а в воздухе послышались сладковатые пряные нотки змеенника. Спустя еще несколько шагов Денис заметил странное шевеление с правой стороны. Поначалу ему показалось, что это все тот же пульсирующий полумрак. Но, присмотревшись, он понял, что это далеко не полумрак. Тьма, раскинувшаяся впереди, шевелилась и расстилалась ковром из шипящих гадов. Гибкие тела то скручивались в кольца, то поднимались столбиком, то просто извивались на полу пещеры, неотрывно наблюдая за незваными гостями. На блестящих чешуйках то и дело вспыхивали зеленоватые искринки. То там, то тут, змееныши и ящерки сплетались в клубки, превращаясь в нечто многоголовое и многолапое. И все это изворачивалось и трепыхалось, наблюдая за чужаком. Готовясь в любой момент нахлынуть и поглотить его, оставив в память лишь бледно-серый набор костяшек.

— Меня сейчас стошнит, — честно признался Денис, никогда не любивший змей и прочих пресмыкающихся.

— Ха-ха-ха! Человеческий детеныш слаб! Ха-ха-ха! Испугался маленьких змеенышей У-уху-! Змееныши ему покажут! У-уху-хух! Змееныши его сейчас накажут!

Противно-писклявый голос раздался прямо над ухом Дениса, а в следующее мгновение что-то небольшое и склизкое шлепнулось ему на плечо. Этого Денис уже вынести не мог. Заорав, что есть мочи, он принялся стряхивать с себя неведомое нечто, упавшее на него с потолка. Но все попытки проваливались. Денис чувствовал, как цепкие коготки крепко держатся за рукав, поскребывая кожу на правой руке.

— А-а-а! Андрей! Убери это с меня! — Денис скакал на месте, как ужаленный и размахивал руками во все стороны.

— Прекрати изображать из себя ветряную мельницу! — прикрикнул Полозов.

Волна ехидного смеха снова прокатилась по пещере, растворяясь где-то под невидимыми сводами.

— Человеческий детеныш-ш-ш!

— Йортус! А ну-ка прекрати! — прикрикнул Полозов и в голосе его прозвучали ледяные нотки. Смех сразу же стих. Даже змееныши перестали шипеть и трепыхаться. Видно, побаивались наследника змеиного царя.

— Кто тебя научил так гостей встречать? — продолжал Андрей суровым тоном.

— Так весело же! А то чего он такой кислый, как клюква.

Послышался шлепок и Денис выдохнул, почувствовав свое освобождение. А прямо под ногами приземлился огненный клубок. В полумраке пещеры огненные всполохи казались чем-то противоестественным.

— Да это же, — не поверил Денис своим глазам и присел, чтобы получше разглядеть нечто, покусившееся на его руку.

— Йортус восьмой! Огненная Саламандра к вашим услугам! — вихрь искр взметнулся в воздух, как бы подтверждая слова ящера.

Денис, не скрывая удивления, пялился на саламандру. Кому сказать — ни за что не поверят, что ему удалось увидеть это диковинное существо. Он потянулся было за мобильником, чтобы запечатлеть эту диковинную сущность. Представив, как Ратор засопит от зависти, что не он отловил Саламандру, Денис злорадно улыбнулся. Но пустые карманы разбили его мечты. Либо мобильник выпал в классе, либо где-то тут, в недрах сырой пещеры, пока Полозов тащил его волоком. Вздохнув, Денис решил предаться унынию по яблочному другу позже, а пока обратить все свое внимание на огненную ящерицу.

— Вот уж не думал, что увижу когда-нибудь живую саламандру! — восхищенно присвистнул Денис. — Лиссандра говорила, что они никогда не показываются людям на глаза.

— Людям нет, — тут же подтвердил Йортус. — А вот Жнецам очень даже. Вы все смешные ребятки. С вами не соскучишься, а мы такое дело любим, а?

Денис растерянно взглянул на Полозова. Тот тяжело вздохнул и собрался было ответить, как что-то произошло. Мир словно бы замер на мгновение. Вытянулся в струну. А потом струна лопнула. Треньк.

— Ой-ой. Сейчас начнется, — Йортус взвился в воздух, а в следующее мгновение разлетелся снопом искр.

Змеиное море снова зашевелилось и резко отхлынуло в разные стороны. Казалось, будто гады освобождают дорогу кому-то. Или чему-то. Из глубины пещеры послышалось тяжелое дыхание. Каменный пол задрожал, словно бы мелкая рябь пробежала по поверхности. Но Денис понимал, что это невозможно. Невозможно заставить камень дрожать подобно воде. Невозможно напугать змеенышей одним лишь дыханием. Невозможно увидеть Великого Полоза и выбраться из его логова живым.

Последнюю мысль Денис, видимо, озвучил. Стоящий рядом Андрей вздохнул и взял его за руку. Ладонь десятиклассника оказалась холодной. Денису не к месту вспомнились рассказы о могильном холоде, который преследует навьих детей по пятам. Но он тут же отбросил эту аналогию. Андрей, хоть и был причастен к Нави, все же происходил из другой её стороны. Более живой. Хотя не менее опасной.

Рассуждения на тему происхождения знакомого помогли Денису одолеть подступающие приступы паники и немного отвлечься от неизбежно приближающегося чего-то. Дыхание становилось все громче, и в какой-то момент Денис понял, что слышит шуршание чешуи, скользящей по вековому камню. Весь мир замер, в ожидании Великого Полоза. Даже эхо затихло и прекратило безудержно носиться под сводами пещеры. Остались только двое лицеистов и это шуршание. Все остальные звуки вымерли. Испарились. Как будто их никогда вовсе и не существовало. Денис прислушался, но не смог услышать ни собственное сердцебиение, ни дыхание. Дурацкая идея проскочила в голове, и Денис решил ее проверить — подпрыгнул, но не услышал звука собственного приземления. Теперь было

ясно, что вздумай он позвать на помощь — мир его попросту не услышит.

— Пожалуй, теперь точно пришло время паниковать, — подумал Денис, прислушиваясь к неминуемому приближению Змея.

Но и тут его ждало разочарование. В какой-то момент шуршание сменилось звуком самых обычных человеческих шагов. И тут же эхо, как будто получив разрешение, принялось подхватывать этот звук и подбрасывать его к стенам и потолку.

— Да ладно, — не поверил Денис.

— А ты как хотел? — удивился Полозов. — Или вы это еще не проходили с Лиссандрой? Увидишь взгляд Великого Полоза, навек позабудешь, кто ты и откуда. А ты только вспоминать начал.

Денис ничего не ответил, вглядываясь в полумрак. Шаги становились все громче и громче, пока не стихли. Грохот, скрип и скрежет обрушились на уши внезапно, но тут же все прекратилось. А в дальней стене образовался внушительный проем, из которого, разгоняя мрак, исходило золотистое сияние.

— Ну что же, считай, что это "добро пожаловать", — немного нервно поведал Андрей и пошел вперед.

Идти пришлось долго. То, что казалось соседней стеной, внезапно разместилось в паре километров. Под конец пути Денис уже порядком устал. Шагать приходилось быстро — великий змеиный Царь ждать не любил, о чем постоянно напоминало яростное шипение змеенышей, затаившихся в темноте. Наконец, светящийся проход приблизился до нескольких шагов и Денис смог рассмотреть то, что скрывалось по ту сторону. Широкий коридор с янтарными стенами разительно отличался от холодной и мрачной пещеры. Денис бросил на Андрея вопросительный взгляд. Но тот не заметил, внимательно всматриваясь вглубь хода и ничего не говоря.

— Ну что, может быть пойдём? — не выдержал Денис?

Андрей вздрогнул, сбрасывая внезапно подступившее оцепенение и кивнул, все также ничего не говоря. Денис нахмурился. Поведение друга было каким-то странным. Как будто он сам если не боялся, то явно опасался этого визита. Видимо, вечная проблема отцов и детей была не чужда никому, даже навиям.

Как только двое шагнули внутрь, стена со скрежетом вернулась на свое место, отгораживая путь к возможному бегству. Янтарные стены вспыхнули, заливая пространство мягким теплым светом. Денис огляделся. Коридор уходил куда-то далеко вперед. Потолок также терялся где-то на безымянной высоте. Все, что оставалось от пространства — стены и пол. Такой же янтарный, как и стены, он не светился. Зато ощутимо согревал порядком промерзшие в сырости пещеры ноги. Денис пригляделся к янтарию, покрывавшему стены. Где-то это были внушительных размеров плиты, в которых окаменели целые природные сцены. То цепочка муравьев, тянущих куда-то листья. То пчелиный улей с беспокойным роєм. Где-то же это были мелкие камни, заполняющие пространство между более крупными собратьями. Поражало множество оттенков — таких, каких Денис и не встречал никогда. От темно-бурых на полу и у основания стен, до молочно-белых сверху. От них и исходил тот самый мягкий свет, который поразил Дениса в начале пути. И никакого намека на уже ставшую привычной навью зелень.

Чуть впереди янтарное свечение пробивалось сильнее — один из камней мерцал, будто сигнальная лампочка. Денис сделал пару шагов и остановился, разглядывая пульсирующий камень. Это был привычный янтарь — медово-желтый, с пузырьками воздуха внутри. В

правом углу застывшей капли Денис разглядел комара. Или предка современного комара. Тонкие ножки упирались в окаменелую смолу, словно тот пытался предотвратить свое погребение. Но природа, как всегда, оказалась сильнее.

Не совсем понимая, что делает, Денис протянул левую руку и коснулся указательным пальцем камня. Теплая волна пробежала по руке, а в следующий миг Денис почувствовал, как от его прикосновения камень тает. Палец, не почувствовав преграды, провалился в вязкую смоляную каплю. Комар в углу неожиданно ожил и, нарушая все законы физики, метнулся к пальцу, проворно обхватив его тоненькими ножками. Денис почувствовал укол и резко одернул руку назад. Место укуса заметно покраснело. А в янтаре, как в замедленной съемке, в разные стороны растеклась капелька его крови.

— Бред какой-то! — потирая укушенный палец изрек Денис. — Они же должны быть мертвыми!

— В этом месте жизнь течет по своим законам. Не всегда понятным человеку. Пусть даже и Жнецу.

Денис вздрогнул. За своим янтарным приключением он не заметил невысокую мужскую фигуру, которая появилась у противоположной стены. Андрей, стоящий рядом, молчал, напряженно вглядываясь в тень, скрывающую лицо говорящего. Пауза затягивалась. И Денис чувствовал растущее напряжение. Вскоре оно достигло своего предела, и Денис решился:

— Откуда вы знаете, что я Жнец? Почему я должен вам верить? Почему Андрей говорит, что кто-то из людей пытался меня убить? Что тут вообще происходит? И что делает такое количество янтаря под землей? Это же смола...

Тихий смех прошелестел по коридору. Фигура вздрогнула и словно бы расслоилась. Тень осталась стоять на месте, а вперед, прямо под янтарный свет шагнул мужчина.

Денис с любопытством разглядывал человеческий облик великого змеиного Царя. Перед ним стоял мужчина невысокого роста, с короткими русыми волосами, заметно тронутыми сединой на висках. Такая же седина украшала бороду и усы мужчины. Сложно было определить возраст навьего сына. Он мог выглядеть как подросток, имея за спиной опыт прожитых тысячелетий. А мог прожить несколько десятков лет в образе дряхлого старика. Но по человеческим меркам Царю змей было лет за пятьдесят. Мягкие черты лица глубокими бороздами прорезали морщины. Но несмотря на это, весь лик Полоза дышал затаившейся Силой. Денису вспомнились детские впечатления от посещения зоопарка, где он впервые увидел львиный прайд. Суetyающиеся львята резко контрастировали с главой львиного семейства. Старый лев возлежал в стороне от суetyа, взирая на мир с уверенностью в собственной силе и значимости.

Такой же отпечаток уверенности нес и змеиный Царь. В янтарном взгляде, обращенном на Дениса, таился интерес. Полоз рассматривал своего гостя, игнорируя присутствие сына. Денису это показалось странным, но он решил воздержаться от расспросов о семейных тайнах. Вместо этого он решился отвести взгляд от лица и тут же удивленно ойкнул. Одежда на мужчине была явно не царская. Потертые джинсы и клетчатая рубашка делали Царя всех змей больше похожим на слесаря дядю Васю.

— Знаешь ли, за столько лет царские одежды порядком утомляют, — усмехнулся Полоз, нарушая тишину янтарного коридора.

— А вы это, тоже мысли читаете? — поинтересовался Денис.

— Если захочу, читаю, — кивнул Змей. — Но не в твоём случае. Слишком уж

красноречивый у тебя взгляд. По лицу прочитать все можно. А тебе нельзя ничего миру показывать. Все скрывать надо. Все прятать. Судьба твоя такая, судьба...

— А вы что об этом знаете? Андрей сказал, что вам что-то известно про мой клан. И про мою судьбу. И что вы сможете дать ответы на мои вопросы, потому что все остальные их либо не знают, либо не хотят давать, — затараторил Денис.

— Не так быстро, — послышался сбоку голос Андрея. — Говори медленнее и спокойнее. Не суетись. Здесь этого не любят.

Змеиный царь усмехнулся, подтверждая слова сына, и махнул рукой вглубь коридора.

— Следуйте со мной. Здесь не место для разговоров.

Денис бросил прощальный взгляд на янтарь с каплей собственной крови — теперь память о нем навсегда останется в этом странном месте — и зашагал следом. Андрей тенью двигался рядом. Чем дальше они продвигались, тем темнее становился янтарь. Спустя двести шагов застывшие картины стали практически неразличимы, а теплый свет, исходящий от верхних камней, заметно потускнел.

— Неужели тебя ведут, — пробормотал Андрей, но змеиный Царь его перебил.

— В Антрацитовую комнату. А ты, змееныш, останешься здесь.

От этого тона Денис вздрогнул. Почему-то ему показалось, что ничего хорошего он предвещать не может. Андрей попытался что-то возразить, но неведомая сила отбросила его к дальней стене. Из пустот между янтарем, шипя и покачиваясь, выползли три удава такого же темно-янтарного цвета, что и стена. Змеи приблизились к Андрею и замерли, словно разглядывая его. А в следующий миг, как по команде, обвилились вокруг рук, ног и туловища.

— Эй! Вы что делаете? Вы слышали, что словосочетание семейные узы не стоит воспринимать буквально! Отпустите его!

Когда потрясение прошло, Денис попытался кинуться к Андрею, но янтарь под ногами оплавился, превращаясь в вязкую смолу.

— Оставь! — крикнул ему Полозов. — Упадешь и застынешь в камне. Ступай вперед, а за меня не беспокойся. Я тебя тут подожду.

— В компании трех змеиных удавок? А что со мной будет? Ты говорил, что я в безопасности только пока ты рядом! Один я точно не сунусь в логово Великого Полоза!

— Жнец, ты уже сунулся! — сиплый смех змеиного Царя полетел по коридору. — Но не бойся. В этот раз я тебя не трону. Ты нужен всем. А я должен провести тебя по всем страницам и научить.

— Чему научить? — недоверие не желало отступить. Слишком часто порождения навьего мира покушались на его драгоценную жизнь.

— Жнец, ты задаешь слиш-шком много вопрос-с-ов, — прошипела одна из змей, опутавших Андрея.

— С-с-тупай за Царем, — подхватила шипение вторая.

Денис бросил вопросительный взгляд на Андрея. Тот кивнул и попытался изобразить подобие улыбки. Все еще опасаясь за товарища, Денис пошел дальше вместе со змеиным Царем. Иного выбора ему не оставили.

Глава 20. Тайны Мироздания

Денис так и не понял, сколько времени он молча ступал следом за Полозом. Как и во время падения в богатырский сон, мир вокруг то застывал, то пронесился с невиданной скоростью. Все изменилось также внезапно, как и началось. Денис споткнулся обо что-то объемное. В окружающем полумраке, куда ни глянь, проступали очертания огромной змеи, свившейся кольцами.

— Ч-что это? — немного заикаясь от нахлынувшего волнения, поинтересовался Денис. К встрече с какой-нибудь змеиной царицей он был не готов. Но Полоз развеял его опасения:

— А, старая чешуя. Все никак не выброшу на поверхность.

Волнение сменилось любопытством. Денис наклонился, чтобы потрогать легендарную шкуру Змея всех змей. Она была совсем не похожа на змеиную. Крупные чешуйки охладили руку, словно были сделаны из металла. Денис подцепил ногтем одну из выступающих чешуек, и та поспешно откололась от своих собратьев. В полумраке пещеры сложно было рассмотреть что-либо, и Денис просто засунул чешуйку в карман. Если выберется — отдаст Вальтеру на изучение.

Тем временем Полоз остановился у дальней стены. Та послушно отъехала в сторону, признавая хозяина. Денис поторопился, и в следующее мгновение его поглотила чернильная тьма.

— Антрацитовая комната, — откуда-то сбоку донеслось шипение змеиного царя. — Мес-с-сто, где собираются вс-с-се отражения Хаос-с-са.

Денис пригляделся. Вокруг, насколько хватало глаз, пульсировала темнота. Абсолютное непроглядное ничто. Черная дыра, бездна, вглядывающаяся в твою душу. Казалось, ничего невозможно разглядеть в этом беспросветном царстве Эреба. Но постепенно из глубин тьмы начали проступать смутные, неясные очертания. Как тени на фоне ночного неба, они дрожали, извивались, собирались вместе, а потом рассеивались мириадами черных искр. От давящей темноты у Дениса заболело в глазах. Стало трудно дышать, а по спине побежали стаями противные липкие мурашки. Он не понимал, что от него хочет Полоз. Что он должен сделать, чтобы, наконец, узнать, кто же он такой. Зачем его послали в этот мир и как ему найти свое место под Солнцем.

Как только все эти мысли пронеслись в голове, темнота вокруг пришла в движение. Черные тени расступились, уступая место алому мареву. Словно в каком-то странном кинозале, прямо перед ним разворачивались кадры событий. И что-то подсказывало Денису, что события эти были очень и очень давними.

Денис во все глаза наблюдал за светлеющим «экраном» перед собой. И не заметил, как в какой-то миг в голове стал звучать голос Полоза.

— Вначале был Хаос. Всеобъемлющий. Все пожирающий на своем пути. Вездесущий и необъятный. Всесильный и непобедимый. Он разрушал все, до чего мог дотянуться и раз за разом пожирал сам себя. Никто не знает, сколько длилось царство Хаоса, пока в самом его сердце не зародился Космос. Его брат, его порождение. Его полная противоположность. И его вторая суть. Космос стал расти, оттесняя Хаос, поработая его, превращая его в свое подобие. И началась борьба между братьями. Каждый был силен. И ни один не мог победить другого, ибо каждый был продолжением другого. Как порядка не может быть без сора, так и Космос невозможен без Хаоса. Тысячи лет шла эта борьба, пока не разделился мир на две

части. А на границе раздела проросло Белое Дерево.

Денис вздрогнул, узнавая знакомые очертания. Не раз белое дерево являлось ему во сне. Не раз он бродил рядом, пытаясь в молочном тумане найти себя.

— Хаос затаился, не желая встречаться более с Космосом. Ему было чуждо и противно любое проявление упорядоченности. Подобно гаду, который бежит от Солнца ясного под колоду, да под корягу, Хаос бежал от Космоса на окраины мироздания. Космос же стал расти, опираясь на Белое Дерево. То там, то тут создавал он детей своих, наделяя их тайным Знанием. И пошли дети Космоса, опираясь на ствол, да на ветви создавать миры. Расцвело Белое Дерево, подобно яблоне. Миры стали наливаться силою, да красой. Но не все выдерживали тяжесть силы Космоса. Иные миры срывались под собственной тяжестью и скатывались к корням Дерева. Туда, где чувствовалось дыхание Хаоса. И уже там начинали прорастать, питаясь темными силами мрака и разрушения. И творцы миров этих, не силах бросить свои порождения, оставались рядом, по крупицам впитывая в себя Хаос и бездну.

Денис видел, как Белое Дерево наливается радужным сиянием. Как то там, то тут рождаются новые божества, с любовью и трепетом создающие миры. Одни были до полного подобия похожи на тот, в котором родился и вырос Денис. Другие же настолько отличались, что расскажи ему кто-нибудь другой о подобном, Денис ни за что не поверил бы. Одно объединяло все мира — гармония и любовь. Каждый Создатель старался вложить все самое лучшее, что получил от Космоса.

Но как Хаос не мог существовать без Космоса, так и Космос не мог перестать быть частью Хаоса. А потому каждый, кого создавал он по образу и подобию, нёс в себе частицу изначальной Тьмы. И когда эта тьма просыпалась, миры и их Создатели начинали пожирать сами себя, срываясь в пасть голодной бездны.

Денис вздрогнул, когда первая картина крушения какого-то мира пронеслась перед глазами. Крики боли и треск огня, пожирающего мир, звоном отдавались в ушах. Но картины сменялись так быстро, что времени на сочувствие какому-то чужому миру, который канул в небытие тысячи лет назад, не было.

— Наш мир был с-с-создан одним из первых, — продолжал Полоз, не обращая внимания на состояние Дениса. — И одним из первых он узнал, что такое дыхание Хаоса. Создатель, подобно отцу своему Космосу породил сыновей и дочерей, дабы правили они миром с любовью и заботой, и удалился на покой. Но один из сыновей почувал в себе проблеск тьмы и обратился к ней. Восстал он против братьев и сестер своих, желая обратить этот мир на службу Хаосу. Впустить его не только в свое сердце и душу, но и на эту сторону Белого Дерева.

Денис видел темные силуэты божеств, в одном из которых разворачивалась бездна. Маленькая черная точка пульсировала и росла с каждым ударом сердца, пока полностью не поглотила силуэт. И началось восстание. Слуги и приспешники темного божества пытались свергнуть его собратьев и воцариться в этом мире.

— Сильна была тьма. Но и боги были не слабы. Объединившись, они свергли темного, как его назовут позже Черного бога вниз, под самые корни Дерева. А границу отделили огненной рекой, через которую хода ему нет. Понимали боги, что рано или поздно Чернобог найдет лазейку и вырвется в верхний светлый мир, чтобы закончить начатое. И обратились они к Создателю, отцу своему. Долго он молчал, а после изрек, что есть у него одно средство. Сила, перед которой не властны даже они, всемогущие божества. Сила, которая сможет управлять всем в этом мире — и добром, и злом. Сила, которая сделает их

уязвимыми. Долго совещались всеильные. Долго думали. В мире дни сменялись ночами. Проливные дожди приходили на смену испепеляющему Солнцу. Мир стал заброшен и пуст — никто не следил за ним, никто не возвращал. А когда приняли боги решение, да согласились впустить эту Силу в мир, увидели, что на его месте осталась лишь выжженная пустыня.

Денис почувствовал жар суховея, коснувшийся лица. Услышал треск иссохшейся земли. Увидел бесконечную безжизненную пустыню от края до края мира.

— Принялись они восстанавливать мир. Привели в него людей, населили разными тварями, да гадами. Верхний мир был слишком светел для новых жителей, и остались они жить у основания Дерева. А боги помогали своим созданиям, своим детям и порождениям. И всё ждали великой Силы. Никто не понял, как и когда она вошла в этот мир. В один день у Белого Дерева появился дом с прялкой и тонким еловым веретенцем, с которого во все стороны растекались золотистые нити. А у прялки сидели две тихие девицы. Они молчали, печально глядя на блеск нитей, и никто не знал, кто же это. И тогда Гамаюн — птица вещая, которой были открыты все миры и дороги запела. И в песне ее слышался сказ о пряхах Судьбы — Доле и Недоле, которые по очереди будут отпускать нити в мир, поровну наделяя и людей, и богов и милостью, и немилостью. И никто не мог повлиять на Судьбу, обмануть ее, убежать или скрыться.

Денис расслышал плач вещей птицы, который вскоре заглушил скрип старой рассохшейся прялки.

— Шло время. Мир разрастался. И вскоре под собственной тяжестью нити стали пугаться и обрываться. И решила Великая Мать Макошь отобрать лучших сыновей и дочерей и наделить их бременем и службой великой. А быть может, так было угодно самой Судьбе. Взмахнула Макошь правой рукой, и явился миру ткацкий станок. Обучила она людей, как нити правильно накладывать, да ткать полотно Судьбы, чтобы нити веретено не обрывали. И дала всем Ткачам строгий наказ — не вмешиваться в плетение нитей. Кому суждено оборваться — должен оборваться. А кому узлом скрутиться — должен скрутиться. И никто не вправе вмешиваться в ход станка, в бег челнока.

Денис, как замороженный, наблюдал за рождением первого клана. Темный силуэт высокой женщины в грубой широкой рубахе бережно склонился перед человеком, что-то показывая тому. В мягких движениях рук сквозил покой и уверенность. Как мать обучает своего ребенка какому-то ремеслу, так и Макошь терпеливо и верно обучала Ткачей нелегкой службе. Перед глазами проносились все ритуалы, обряды и таинства нового клана. Какие-то он даже не успевал заметить. На каких-то картинка задерживалась, словно специально давая ему возможность как можно подробнее рассмотреть увиденное. А Полоз все продолжал:

— Мудрый Велес, Отец стад, по звездам прочитал, что рано или поздно тьма вновь зашевелится и накинется на Ткачей. В тот же миг призвал он самых сильных, ловких и смелых из людей, ударил посохом оземь и наделил их силой звериною, мудростью и проворством. И стали люди оборачиваться, кто волком, кто лисицей, кто рысью ушастой. Но сохраняли при этом разум, не то, что волкодлаки, да перевертыши лесные. И собрал он Князей лесных, и повелел выучить, да воспитать первых оборотней мира этого. И забрали мы их в леса, и научили их всему, что сами знали.

Рождение клана Геро заставило Дениса затаить дыхание. Коренастый мужчина в широкой расписной рубахе и таки же штанах, перевязанных лентами потертых лаптей,

насвистывал веселую песнь. Т удара резного посоха вздрогнула земля, поднялся ветер и откуда-то из глубин лесов отозвался звериный дух на призыв отца своего. Собственными глазами Денис видел, как звериный дух вселяется в человеческое тело. Как пытается ужиться там, не сломив человеческую суть. Как вереницей тянутся князья лесные — Кабан и Волк, Медведь и Лось, Полоз, Лиса, Рысь и прочие, прочие. Как отдают они поклон Велесу и уходят в сердце лесов, чтобы там обучить новых братьев мудрости лесной.

— Но знали боги, что дух человека бывает слаб в минуты искушений. И решил тогда Числобог обратиться к вещи птице Гамаюн, и дала она ему свое перо. И вложил он это перо в руку самого мудрого и все ведающего из людей. И дал ему наказ вести летопись Судьбы, чтобы никто не мог изменить ход ее. И взял мудрый старец перо, поклонился богам и принес клятву великую — с честью и правдой писать все, что узрит глаз его, что познает разум его, что почует сердце его.

Первый Кармин, как две капли воды был похож на старого библиотекаря. А вот силуэта божества разглядеть не смог, как ни старался. Там, где он стоял сливались воедино лучи Солнца и Луны, полностью скрывая его от глаз посторонних. Денис попытался присмотреться получше, но внезапный порыв холода заставил его отшатнуться и съежиться. Откуда ни возьмись налетела буря, заметая колючим снегом все вокруг.

Денис почувствовал, как ресницы и челка покрываются самым настоящим инеем. Под завывания вьюжного ветра на землю ступила высокая женщина. Лица ее, как остальных богов, Денис не видел. Его скрывала глубокая тень. Но вот платье смог рассмотреть во всей красе. Казалось, будто само ночное небо любезно одолжило часть себя, чтобы сшить деве платье. Чернильно-синее, усыпанное россыпью звезд, оно искрилось всеми переливами снега под яркой луной.

— Когда первый станок заработал, оборотни выучили все, чем лес их мог научить, а летописец освоил перо, в мир из Ледяного Чертога пришла Марена. Холод и дыхание самой смерти бежали вереди нее, предупреждая мир о ее приходе. Все божества затаились, не желая встречаться с темной сестрой. Самая старшая и самая приближенная к Судьбе, Марена ступала по земле, оставляя за собой мерзлоту и печаль. Каждый знал, что смерть, как и Судьбу, нельзя обмануть. И каждый знал, что нить судьбы Мары первой была связана со смертью. Задолго до появления прялки в этом мире.

Денис вглядывался в темный, таинственный силуэт и не мог избавиться от ощущения, что где-то уже встречал его. Может быть в каком-то сне? Полоз замолчал. А в следующий миг заговорила сама Марена:

— Подобно тому, как вы наделили силой своих людей и создали свои кланы, стремясь противостоять Чернобогу, я тоже создам свой. Там, где вы со своими кланами потерпите неудачу и сполна выпьете чашу горечи и поражения, я пройду вперед и смогу сделать то, что не подвластно никому из вас.

В руках девы появился хрустальный посох, на конце которого ярким лучом блеснуло лезвие серпа. И Денис окончательно понял, убедился, узнал. Это она вела его к полудницам. Это она говорила с ним у Смородины.

— Мои Жнецы увидят любую нить. И срежут ее, подобно пшеничному колосу в дни жатвы. Но, дабы не искушать их слабый дух, никогда они не смогут срезать то, что должно расти. А дабы не искушать других — никто и никогда не сможет найти их нити в плетении полотна. А коли найдет — никогда не узнает, кто же перед ним. И будет видеть он ткача или оборотня.

— Да будет так, — стройным хором согласились боги. Все знали о мудрости той, что была родной сестрой самой смерти.

Грянул гром, полыхнула молния. И из молнии той родился первый золотистый серп, который Марена вручила Жнецу.

Денис потянулся вперед, стараясь впитать в себя пролетающие перед взором картины. Множество поколений Жнецов скитались по миру, выискивая, выбирая те нити, которые надо было срезать. Убирая те узлы, которые образовались по вине Ткачей. Сражаясь с яростными оборотнями, беспрекословно принимающими сторону Ткачей и встающими на их защиту. И навьи дети, и люди, и светлые дети богов — все были едины перед нитью Ткача и серпом Жнеца. Одни давали дорогу в жизнь, другие ее обрывали.

Денис сам не понимал, откуда в его голове месте с картинами просыпалось Знание. Как срезать нить, как выбрать ее, как оставить нетронутой. Теперь Денис понимал, для чего он был послан в этот мир. Теперь он знал, что нашел свое место.

Как только он подумал об этом, в правой руке появился золотистый серп. Денис чувствовал легкий запах послегрозового озона и теплоту породившей серп молнии. Он повернулся в поисках Полоза. Тот стоял у дальней стены, окруженный антрацитовым мраком. Но Денису и не нужно было видеть змеиного Царя. Он видел что-то, что было гораздо важнее внешней оболочки, которую всегда можно изменить. Он видел саму нить, тянущуюся от самого сердца вглубь миров, сквозь Белое Дерево к старой прялке.

Денис услышал скрип колеса и легкое постукивание веретена об пол. Он почувствовал, что стоит ему только протянуть руку и подцепить нить, и Великий Полоз сделает все, что он попросит. Денис понял, насколько правдивы слова о том, что пред ликом смерти все едины. И почувствовал небывалое могущество, наполняющее тело.

— Пойдем. Ты готов, — скомандовал Полоз, и Дениса буквально за шиворот вытянуло из комнаты.

А в следующий миг он оказался возле задыхающегося Андрея. Парень хрипел, стараясь освободиться от душащих его змей. Но тугие кольца крепко держали свою добычу, явно не желая отпускать его живым.

— Что ты делаешь? — крикнул Денис, кидаясь на пол к товарищу.

— То, что должен, — невозмутимо ответил Полоз.

— Отпусти его! Он же твой сын! Ты убиваешь его!

Янтарные глаза Змея вспыхнули огнем, а по пещере пронесся сиплый смех.

Денис попытался руками разжать змеиные кольца, но те, словно в насмешку, сжались еще сильнее. Андрей захрипел. Денис почувствовал собственную беспомощность, которая тут же перешла в холодную ярость. Серп сам собой оказался в руке, и Денис кинулся к Полозу, на ходу цепляя его нить на лезвие.

— Убьешь меня, и змеи все равно задушат его, — насмешливо сообщил змеиный Царь.

Андрей перестал хрипеть. Денис, сквозь полумрак, увидел, как потускнела его нить. Ему осталось несколько мгновений.

Не тратя время на раздумье, Денис подскочил к душащей товарища змее. Найти ее нить не составило большого труда.

— Перевертыш, — прорычал Денис, разглядывая змеиную сущность. Вот почему она так спокойно разговаривала с ним.

— Отпусти его, или умрешь! — прошипел Денис, цепляя нить кончиком серпа.

Змея в ответ зашипела и еще сильнее сдавила грудь Андрея. Денис в последний раз

взглянул в прищуренные янтарные глаза и рванул серп на себя. Послышался тихий стон обрываемой нити. Змеиные кольца распались, выпуская Андрея на свободу. Вторая змея, испугавшись, тут же уползла в полумрак пещеры.

Денис повернулся, собираясь подарить Полозу взгляд, полный торжества. Но волна дикой, неземной боли сбила его с ног. Денис закричал, но крик застрял в глотке. Ему показалось, что с него заживо сдирают кожу, клеймят каленым железом и перекручивают в мясорубке. Мир вокруг перестал существовать. Единственным желанием осталось одно — расщепиться на атомы, чтобы не чувствовать эту всепоглощающую боль. Перед глазами полыхала огненная Смородина, а за спиной, сквозь боль, чувствовалось ледяное дыхание смерти. И во всем этом океане боли набатом раздавались слова Марены: «никогда не срежут то, что должно расти»...

Денис тонул в этой боли снова и снова. Терял сознание, просыпался и снова тонул. И так повторялось за разом раз. Ему казалось, что он умирает, и он цеплялся за тоненькие соломинки жизни. И как только он это делал, на него обрушивалась новая лавина боли, от которой он начинал молить о смерти.

Все закончилось также внезапно, как и началось. Мир вспыхнул янтарным светом, и Денис резко вскочил на ноги.

Обстановка незнакомой комнаты настораживала. Мягкие ковры на полу и стенах. Деревянная резная кровать и такие же внутренние ставни на окнах. Это был чей-то терем. Чей-то совсем незнакомый терем. Но сейчас ему было все равно, где находиться, лишь бы без боли.

— С-с-с возвращ-щ-щением, — услышал Денис голос Полоза где-то в стороне.

— Что это было? — накинулся на него Денис. — Почему вы не отозвали змею? Почему допустили смерть невинной души?

— Потому что ты должен был познать все тайны клана. А времени на долгую теорию у тебя нет. Грядет битва. И ты единственный Жнец, которого мне удалось найти.

Полоз был невозмутим. Казалось, смерть одного из его подданных нисколько его не опечалила.

— Я не понимаю. Какая битва? О чем вы говорите? И куда делся Андрей? Вы что, его все-таки убили?

— Ты задаеш-шь слиш-ш-шком много вопросов, Жнец. Иди. И предотврати то, что упустили боги. Они заснули, а Тьма не дремлет. Она крадется и уже дышит в затылок. Она совсем близко. Настолько, что руку протянешь и зачерпнешь её горстью.

— Что? Да о чем вы тут говорите? Какая тьма? Кого я черпать должен?

— Иди! — повысил голос Полоз и стены терема задрожали.

Денис почувствовал, как та же неведомая сила хватает его и выносит куда-то за пределы терема.

— С возвращением, — голос Андрея за спиной заставил Дениса подняться с колен и обернуться.

— Ты жив! — Денис даже не пытался скрыть радость в голосе. Было бы глупо получить такую порцию наказаний и не добиться цели.

— Да уж, — Андрей отвел взгляд. — Ты прости меня за отца. Я не знал, что он устроит тебе такое боевое крещение.

— Да что уж, — вздохнул Денис. — Родственников не выбирают.

— Это точно, — виновато согласился Андрей. — Если я могу тебе чем-то помочь, ты

только скажи.

Денис задумался. Поход в змеиное логово дал ему немало ответов. Но вопросов оставил еще больше.

— Знаешь что, обсудим это в лицее. А пока давай-ка выбираться отсюда. Похоже, у меня аллергия на пещеры.

Полозов кивнул и зашагал вперед, прочь от отцовских владений.

Глава 21. Уроки письма

Стук в дверь заставил ягиню вздрогнуть и оторваться от разглядывания отражений Хаоса в пламени свечи. Настя бросила встревоженный взгляд на мечущуюся во сне Ёлку и поднялась. По взмаху руки дверь с тихим скрипом отворилась, от чего Настя поморщилась. Опять домовые плохо смазали петли.

В полумраке коридора вырисовался мужской силуэт. Ничего не говоря, он поманил Настю прочь из комнаты. Та еще раз посмотрела на Ёлку, оценивая, можно ли ее оставить в одиночестве. Решив, что за пару минут с ней ничего не случится, девушка вышла из комнаты и тихо прикрыла дверь.

Под её рукой та не рискнула скрипеть.

— Ну как она? — шепотом поинтересовался коридорный силуэт.

— Не особо, — честно призналась Настя. — Второй день стонет во сне. Кошмары видит. Я пытаюсь отгонять самые страшные, но мелкие проскакивают и якорятся. И уже там разрастаются. Постоянно твердит, что Денис не умер, что его можно спасти, и она найдет способ. А днем молча сидит у окна, не говоря ни слова. Уроки совсем забросила. Сегодня даже к Вероне не пошла.

— Да уж. Действительно, не особо, — последовал в ответ тяжелый вздох.

В воздухе, как трехдневная жвачка, растянулась пауза. Каждый думал о том, как лучше помочь подруге. И есть ли вообще этот способ.

— Вальтер, — после недолгого молчания вновь заговорила Настя. — А что, если она права? Ты же знаешь, ткачи могут чувствовать не оборванные нити. Может и в этом случае так? Я пыталась разглядеть что-то в пламени, но я совсем не знаю, что там произошло. Последней живым Дениса видела Ёлка, но она не хочет обсуждать эту тему. А я не хочу давить.

Вальтер вздохнул, словно решаясь что-то сказать. Настя молчала, не мешая ему собираться с силами.

— Знаешь, возможно, я могу узнать, что там произошло на самом деле.

— Нет! Для этого ты еще не готов! — категорично заявила подруга.

— Когда-нибудь надо начинать, — Вальтер попытался отшутиться, но на Настину категоричность это не произвело никакого впечатления.

— В конце концов, — уже более серьезно продолжил парень, — У меня есть ты. А ты не дашь мне провалиться в изнанку.

— Ага, конечно. Только ты забыл, что одной меня явно не достаточно для того, чтобы провести ритуал записи, да еще и спустя три дня после происшествия.

В голосе Насти не улавливалось ни капли энтузиазма.

— Я знаю. Но при желании мы можем собрать неплохую группу поддержки. Я притащу Ратора, а ты уговоришь Данару выступить от клана Геро. Ёлка и Кевар будут представлять Ткачей. Провинившегося Потеряшку заставим отрабатывать потерянный лапоть Бабули. Его одного от нежити вполне достаточно будет. И ты, как представитель пограничного мира.

— А ты никого не забыл? — ненавязчиво поинтересовалась Настя.

— А, ну да. Люди. Ну... возьмем Саню. Он вроде как нормальный парень. Да и с Денисом дружил, упираться не будет.

— Отличный вариант. Но я имела в виду другое. Может быть ты мне подскажешь, как я

должна уговорить Данару участвовать во всем этом?

— Ой, да ладно. Напомни ей, как в шестом классе помогала приворожить Яра!

Настя покраснела, вспоминая не самый умный поступок в своей жизни, и поняла, что спорить с другом бесполезно. Вальтер говорил убедительно и уверенно, хотя уверенности этой на самом деле не ощущал. Ритуал записи, помимо сложности и объемности, забирал у проводящего его писца невероятное количество жизненной силы. Именно для этого он и нуждался в такой группе поддержки от всех кланов этого мира. Но он был готов рискнуть. Не ради Ёльки и ее страданий. Вальтер давно уяснил, что кидаться в омут очертя голову ради сиюминутной слабости окружающих глупо. И как бы он не привязался к Ёлке — Ткачи и Кармины никогда не смогут стать ближе, чем в полотне проходят их нити. Нет, дело было не в Ёлке и не в Денисе, к которому он успел привязаться. Точнее, не совсем в Денисе. Скорее в том, что за ним стояло. Все эти месяцы Вальтер ощущал дыхание неведомой силы за спиной товарища. Сколько раз он не пытался описать его — ничего не выходило. Перо ломалось, бумага съеживалась. А после его возвращения из дедовой библиотеки и вовсе слова перестали ложиться на лист. Словно кто-то неведомый перехватывал их в воздухе. Всё это интриговало от природы любопытного Вальтера. И он хотел разгадать загадку Васнецова во что бы то ни стало. А когда Вальтер ставил себе какую-то цель, ничто не могло его остановить. Даже такая мелочь, как гипотетическая смерть объекта исследования.

Настя усмехнулась. Видимо, уловила его настроения, и Вальтер слегка смутился.

— Прости, ничего не могу с этим поделать.

— Да брось. У каждого из нас свои побочные эффекты от происхождения. Ты не виноват, что Кармины от природы хитры, изворотливы и очень умны. А еще, чего уж таить, вполне хороши собой.

Довольный Вальтер потянулся было к Насте, чтобы обнять ее, но противный скрип двери разрушил всю атмосферу. Из комнаты, чуть не выбив дверь, выскочила растрепанная Ёлька.

— Вальтер! Настя! Я знаю, как доказать, что Денис жив!

Парочка переглянулась между собой.

— Я думаю, что тоже знаю. Я тут подумал и ...

— О, только не в коридоре! — всплеснула руками Настя. — Иди, рассказывай свой опасно-прекрасный план. А я схожу, чайник наберу. Все равно до утра не заснете.

Несколько часов спустя, когда ирийские девы все еще спали, не торопясь выводить рассветных коней из золотых ворот, вереница теней потянулась к разрушенному неудачным экспериментом кабинету. Администрация лицез не придумала ничего лучше, как закрыть его и опечатать дверь. Просвещенным ученикам сказали, что там еще гуляет Морфей, поэтому желающих засунуть туда свой любопытный нос не находилось. Никому не хотелось повторять участь спящей красавицы без надежды на пробуждение.

Но этой ночью несколько безумцев все же решили испытать судьбу.

— Ратор! Не сопи! Тебя слышно в учительском корпусе!

— Кевар! Смотри, куда идешь!

— Ой-ой! Узнает Старшой, на горох поставит! Ой, не миновать беды!

— А если я бабуле расскажу, кто лапоть утащил?

— Тише вы! Тут домовые патрулируют коридоры! Услышат, все Вероне доложат!

— Слушайте, вот это вы чудачки! А я правда на настоящем ритуале буду присутствовать? Ну там магия, волшебные палочки, да?

— Ага. У тебя самая почетная миссия — драконов отпугивать. Ты ж у нас специалист по фантастически существам?

— Как дракона? Настоящего? Они что, правда существуют?

— Конечно нет! Драконы — это выдумки. Тебя ждут всего лишь детеныши Змея Горыныча!

— Уууу... А можно я пойду спать, а?

— Нельзя! Мы пришли! — голос Вальтера не дрогнул, хотя внутри все сжалось при виде опечатанной двери. Шагнуть туда — значит окончательно решиться на ритуал.

Настя подошла как обычно неслышно:

— Ты не обязан этого делать, — тихо, чтобы другие не услышали, сказала девушка. — Если он ушел, никто и ничто не сможет его вернуть.

— Сможет, — покачал головой Вальтер. — Ты же знаешь, что сможет. Все зависит лишь от цены, которую придется за это заплатить.

— И ты готов назначить ценой свою жизнь за человека, которого знал всего-то пару месяцев? — Настя старалась изо всех сил, чтобы не повысить голос. Благо, остальные перешептывались позади, рассуждая на тему собственных шансов на выживание в кабинете.

Вальтер помолчал несколько мгновений, прежде чем ответить.

— Он не простой человек. И я не просто знал его. Я жил с ним.

Не дав подруге возможности возразить, он резко дернул на себя дверь кабинета, перекрывая возможность к отступлению.

— Ну что встали? Живее! — скомандовала Настя, подгоняя товарищей.

Самым последним, охая и причитая, в кабинет ввалился Потеряшка. Настя оглядела подозрительно пустой и тихий коридор и захлопнула дверь. Достав из кармана тоненький поясок, девушка прошептала какой-то заговор и привязала его к дверной ручке.

— Теперь никто не войдет!

— Главное, чтобы вышел, — проворчал Ратор. Ему, как и Данаре, совершенно не нравилась затея спасти неудачливого товарища неизвестно от чего.

В кабинете царил непроглядный полумрак. Никто из учителей не озаботился восстановительными работами. Домовым, видно, тоже было не до того. Поэтому все осталось в таком же состоянии, как и в день взрыва.

— А вот это просто замечательно! — довольный такой удачей Вальтер осмотрелся. Если никто ничего не трогал, восстановить картину событий будет намного проще.

— Вот только света бы побольше, — Кармин огляделся, словно ожидая, что сейчас ему на голову упадет светильник на батарейках.

— У меня есть вот это, — неожиданно для всех подал голос Саня. Неожиданно яркий поток огненно-рыжего света заставил всех отшатнуться и прищуриться.

— Саня, чтоб ты был здоров! Что это? — выругался Ратор, который чуть не влетел в вытяжной шкаф с опасными реактивами.

— Перья Финиста, — как ни в чем не бывало ответил парень. — Я подобрал, когда к лешакам в лес ходил. Осень же. Линяет товарищ.

— Сам ты линяешь, дурень, — язвительно отозвалась Данара. — Финист перья сбрасывает!

— Так! Замолчали все! — Настя решила взять дисциплину в свои руки. Из всей прибывшей компании только Ёлька и Кевар вели себя тихо и незаметно.

Во внезапно наступившей тишине раздался тихий, едва различимый шелест.

— Что это? — шепотом поинтересовался Саня.

— Клубки. Прялки. Станки, — также тихо ответила Данара.

— А... А зачем? — ничего не понял Саня.

— Они пытаются найти нить Дениса и понять, куда она убежала, — не отрываясь от наблюдения за Ткачами, ответила Настя.

— А-а-а... — протянул Саня и замолк, не желая отвлекать друзей от такого важного занятия.

Между тем, Вальтер достал перо и старинный пергаментный свиток. Послышался треск разламываемой печати. Вальтер подошел к тому месту, где все еще ощущалось дыхание Морфея — именно тут Денис пытался сварить свое первое зелье прозрение. Летописец небрежно отбросил валяющийся на пути стул. Сейчас он мешал писать историю. Настя, словно прочитав мысли Вальтера, подскочила и убрала ненужную мебель подальше. Для ритуала было необходимо чистое пространство.

— Ратор! Отойти к окну, в основание, — скомандовал Вальтер, разворачивая пергамент.

Оборотень пробормотал что-то про «вечно несущих сплошные проблемы людей», но послушно отошел к окну.

— Саня! Слева от Ратора, — последовала следующая команда.

Саня оглянулся на Настю, та ободряюще кивнула, и парень поспешил на указанное место.

— Потеряшка, справа от Ратора, — домовый снова заохал, но послушно поплелся к оборотню.

— Ткачи, за мной сразу же, — две фигуры, не отрываясь от клубков, встали на свои места.

— Настя и Данара, вы делаете крест.

Настя указала Данаре на место позади Ратора, а сама встала между ним и Ткачами.

— Готово, — сообщила Настя. Впрочем, Вальтер уже и сам почувствовал, как в его перо потекла сила из окружающего мира.

— Запомните! Если что-то пойдет не так, вы должны оставить меня! И позвать на помощь. Верону или Яра. Если же никого из них не найдете, Настя, — Вальтер оглянулся на девушку, — отправь меня к своей бабуле.

— Знакомство с родственниками? — усмехнулась девушка. — Не рановато ли, молодой человек?

Вальтер улыбнулся. Он окончательно понял, что эта ягиня покорила его своей способностью не сдаваться перед лицом страха и проблем.

— Ёлька, рассказывай! — скомандовал Вальтер и прислонил перо к бумаге.

— А чем он будет писать? — шепотом спросил Саня у стоящего рядом Ратора. — У него же только перо и свиток. А чернила где?

— В крови, — отмахнулся Ратор, стараясь разглядеть, что творится на пергаменте.

Саня позеленел. И порадовался, что огненные перья заливают кабинет рыже-красным светом, который скрывает все слабости его восприятия.

Между тем, Ёлька начала свой рассказ под проворный скрип пера Вальтера. Тот старательно записывал слова, роняемые в воздух. Кончик пера постепенно наливался алым, а на лице летописца все сильнее проступало напряжение. Ёлька говорила, не отрываясь от своего клубочка. Ловкие пальцы связывали тонкие нити в петли и узлы, образуя что-то

наподобии рыхлого полотна. Там, где у девушки не хватало рук, помогал Кевар, проворно подхватывая норовящую соскочить петлю и возвращая ее на место.

Вальтер тихо повторял сказанное девушкой, боясь упустить хотя бы одно слово.

— Денис старательно наблюдал, слушал и выполнял все указания, стараясь ничего не упустить.

Мир вокруг Вальтера внезапно дрогнул, а правое предплечье взорвалось дикой болью. Словно неведомый хищник вонзил в него острые клыки. Перо в руках парня нагрелось и довольно заскрипело, выписывая уже собственные слова.

— Денис изо всех сил старался не пускать в голову незваные мысли о милых ямочках и мягком взгляде, который девушка то и дело бросала на него, стараясь приободрить и помочь ему в этом нелегком деле...

Вальтер стиснул зубы, стараясь не поддаваться нахлынувшей боли. В этом ему знатно помогло немалое удивление, которое парень испытал, увидев алые строки, впитывающиеся в пергамент. Оказывается, Васнецов был не так уж беспристрастен. Тем временем Ёлька продолжала рассказ, и Вальтер поспешно заработал дальше.

— В какой-то момент в кармане Ёльки завибрировал клубочек, призывая её на службу к станкам, — мир снова качнулся и новая волна боли, сильнее первой, прошла по телу. — У станков было спокойно. Вечерняя смена Ткачей, как обычно, заступила на дежурство, и никто не собирался призывать остальных к станкам. Сегодня веретено вело себя на удивление тихо и спокойно. Иногда даже казалось, что оно и вовсе замирает в ожидании надвигающегося, неотвратимого Зла. Зла, которое лишь один способен остановить, разорвать и обратить вспять. Но никто еще не знал, каков будет его выбор. Какой путь он выберет...

Перо резко остановилось, отчего Вальтер чуть не обломал алый наконечник. История приняла новый оборот, знать который ему пока что рано. Вальтер вздрогнул и крепче перехватил перо, стараясь не обращать внимания на окружающий мир и такую важную его часть, как боль в правом плече.

— Денис остался один в кабинете, — продолжил летописец, сосредотачиваясь на словах, витающих вокруг. Сейчас самое главное почувствовать нужные, верные, подцепить их, накормить и уложить на пергамент. О, пустые слова, подобно пираньям, постоянно кружат вокруг, надеясь на легкую наживу. Как только перо касается листа, они тут же накидываются на него, стараясь урвать себе хоть какие-то крохи силы, льющейся из летописца. Но Вальтер уверенно пробирался вперед, сквозь водоворот слов, ловко находя правильные.

— Сосредоточенно наблюдая за содержимым котла, он изредка поглядывал на таймер, чтобы не упустить нужный момент для смешивания папоротника и Морфея. Случайный сквозняк, ворвавшийся в кабинет, прохладным языком лизнул левую щеку Дениса. Это внезапный посетитель решил поинтересоваться, как обстоят дела у этого непонятного человека. Что он делает в этом мире. Как справляется со Знанием. И справляется ли? Достоин ли он войти в клан Ткачей? Или же, как нашептывает по ночам веретено, это вовсе не его место и он не тот, за кого себя выдает? Так может быть это неверный предатель? Лазутчик, от которого следует избавиться как можно скорее? Убить мальчика и качнуть мир в сторону тьмы и вечного Хаоса!

Вальтер замер с занесенным пером. Прямо перед ним разворачивалась непроглядная бездна. Она скалилась и щурилась, посмеиваясь над жалкими попытками живых познать и

постичь то, что задумал Повелитель. Краткий миг она вглядывалась в лицо неразумного детеныша. А потом мир вокруг взорвался, распадаясь на мгновения.

Слова хороводом закружились перед Вальтером, отчего он с трудом успевал подхватывать нужные. Боль перестала накатывать волнами. Теперь она превратилась в сплошной океан. В лавину, сминающую все на своем пути.

Вальтер видел Историю. Вальтер писал ее. И с каждым словом она поглощала его все сильнее и сильнее. Каждая буква затягивала летописца в ту самую бездну, что так усердно сейчас подбрасывала ему слова. Пусть увидит и все узнает. А потом уйдет вместе со всеми к Повелителю и уже там станет писать свои сказочки. Темные, безрадостные сказочки о торжестве силы и безысходности.

— Держите его! — вскрикнула Настя, чувствуя, как растет напряжение в пространстве.

— Вальтер! Останавливайся! Это сильнее тебя! Надо уходить! — ягиня попыталась докричаться до друга, но перо целиком завладело его сознанием. Теперь все, что его интересовало — финал. Конец, до которого надо было дойти, во что бы то ни стало.

Первой опомнилась Данара. Она схватила Ратора за руку и мысленно приказала ему сделать то же самое с соседями. Остальные, почувствовав, как мир вокруг качается, рискуя потерять равновесие, поспешно схватились друг за друга, призывая все силы к себе на помощь.

— Держи, это сеть на обоих, — Ёлька перекинула Насте рыхлое полотно, которое они с Кеваром плели последние полчаса.

Настя благодарно кивнула и накинула его на плечи ничего не замечающего Вальтера.

Взяв его за руку, ягиня почувствовала дыхание бездны совсем рядом. Хаос скалился, готовясь принять очередную жертву в свое небытие.

— Вальтер! Ты слышишь меня? Возвращайся! Останови перо!

Но Вальтер не слышал. Все, что он видел сейчас — бесконечные коридоры изнанки. Подземелья, шипящие гады, смеющееся эхо. Огненную саламандру и янтарный взгляд. Глубокий, наполненный спокойствием и мудростью тысячелетий. Он смотрел прямо в душу, не давая возможности упасть в бездну, раствориться в Хаосе. Он держал сознание на грани двух миров, позволяя летописцу дописать эту часть истории.

— Мне нужен конец, — посеревшими от боли и напряжения губами прошептал Вальтер. — Я должен знать, чем все кончилось. Покажи мне, а потом бери, что хочешь.

Янтарные глаза прищурились, в глубине их зажглись алые точки, разрастающиеся с каждым мгновением. Удар сердца и в глазах, смотрящих на Вальтера, всюду бушевал пожар. Пожар, в котором горело Белое Дерево, унося за собой миры.

Сквозь треск горящего дерева Вальтер услышал шепот слов, но не смог ничего разобрать. Последняя волна боли накрыла парня с головой, надежно закрывая его от всепоглощающего пожара.

Класс качнулся, как будто кто-то толкнул его снизу вверх. Стоящие кучей повалились на пол, не в силах удержать равновесие. Потеряшка со страху забился под вытяжной шкаф. Ратор выругался, больно ударившись головой об пол. Данара и Ёлька тут же подскочили и кинулись к Насте, которая склонилась над Вальтером.

— Это было... Это было круто! — изрек Саня, так до конца и не поняв, что с ним произошло.

Лишь Кевар подошел к пергаменту, бережно подобрал его с пола вместе с пером и задумчиво прочитал последние слова, так и не впитавшиеся в поверхность.

— Это только начало...

Глава 22. Бригада

Вальтер стоял возле зеркала в Настинной комнате и тщетно пытался замазать седую прядь — напоминание о ритуале — краской для волос. Ягиня то и дело бросала на него обеспокоенные взгляды, но ничего не спрашивала. Вальтер знал, что она ждет, пока он сам ей все расскажет.

— Я не знаю, как объяснить, что я записал, — неожиданно для себя самого вымолвил Вальтер.

Настя оторвалась от книги, которую пыталась изучать и вопросительно посмотрела на парня.

— Я увидел Дениса где-то в навьем мире, но он не был похож на ушедшего. Ни привычного холода, ни мрака вокруг.

— Но ты проводил ритуал в первый раз, откуда тебе знать, какой холод привычный, а какой мрак обычный? — мягко напомнила Настя.

— Слушай, я же не спрашиваю у тебя, как ты выбираешь тон, которым надо до одури напугать домовых! Есть такое понятие, как врожденные способности, — грубовато ответил Вальтер, но тут же взял себя в руки. Настя не виновата в том, что он не может объяснить то, что увидел. Возможно, он действительно был еще слишком слабым летописцем.

— Понимаешь, просто... Все было как-то не так. Как будто Денис живой. Как будто он не Ткач. Как будто он что-то иное. Что-то, что зудит на границе памяти, но я не могу понять, что это. И самое удивительное, что иногда мне казалось, что я пишу Геро. Перо словно наполнялось лесной силой. А в следующий миг опять цеплялось за многочисленные нити Ткачей. Как будто кто-то специально пытался меня запутать. Не давал разглядеть истинный облик, чтобы правильно описать его. Наверное, надо будет поискать в книгах, да в летописях. Может быть, кто-то встречался с таким эффектом. Сглаз там, или отводящий заговор...

— Иное, говоришь, — задумчиво повторила Настя.

— Да, примерно так.

Девушка отложила книгу и встала. Подошла к Вальтеру, взяла его за руку и поманила из комнаты.

— Мы куда? — удивился парень.

— Мне нужен живой огонь.

Вальтер понимающе кивнул и зашагал следом за подругой. Ягини могли видеть в отсветах пламени то, что обычным людям, пусть и из какого-то клана, было недоступно.

Несколько минут двое шли по темному коридору к печному залу. Осень в этом году выдалась холодной и три камина зажигались каждый вечер уже пятый день. Достаточное время для огня, чтобы освоиться и прижиться.

Вальтер удивился, когда в обычно пустом зале он увидел почти всю ритуальную команду, за исключением их с Настей.

— А вы что тут делаете? — поинтересовался староста. — По-моему уже час, как наступило время отбоя.

— Сегодня Невидимка дежурит, так что можно спокойно тебя с твоим ритуалом пообсуждать, — непринужденно отозвался Саня.

— Да это я понял. Я имел в виду, почему именно здесь? — уточнил Вальтер.

— А, так тут тепло и уютно, — подключился к беседе Кевар. — Мы вот о чем говорили. Когда мы плели с Ёлкой сеть, заметили одну интересную особенность.

— Дай угадаю, — прервал восьмиклассника Вальтер. — Нить Дениса не особособо походила на ткаческую, да? А иногда вообще больше напоминала кого-нибудь из Геро?

— Вот еще, — фыркнула Данара. — Я уже сказала, что этот дохляк кто угодно, только не Геро! Это невозможно!

— Данара, мы уже тебя поняли, — мягко, но настойчиво перебила подругу Ёлька. — А как ты об этом догадался, Вальтер?

В серых глазах девушки светилась все та же надежда, которая заставляла её раз за разом искать доказательства того, что Денис жив.

— Я не догадался. Я заметил то же самое. О чем и сообщил Насте.

— И что? — Ёлька перевела вопросительный взгляд на ягиню. Остальные тоже, как по команде, воззрились на нее.

Девушка вздохнула.

— Слушайте. Я не уверена. Это все были детские страшилки, которыми меня пугала бабушка всякий раз, когда я пыталась утащить ее ступу. Поэтому я не уверена, что стоит воспринимать серьезно эти байки.

Но увидев не угасающий интерес на лицах товарищей, Настя сдалась.

Усевшись на пушистый ковер, девушка обратила свой взор на танцующие языки пламени в камине. Остальные последовали ее примеру, зная, если ягиня впадет в транс — они тоже увидят то, что откроется ей.

— Это всего лишь легенды, такие же, как истории про Купалу, Сварога и Коляду. Никто не помнит, что из этих рассказов правда, а что чистейший вымысел певцов и сказителей. Я слышала эту сказку лишь однажды от прабабушки, которой на тот момент было почти под тысячу лет. Как вы понимаете, даже для Яги это весьма преклонный возраст. А для маразма поле для деятельности.

Ратор хихикнул, за что получил ощутимый толчок в бок от Данары.

— Она рассказывала мне, что перед самым ее рождением в двадцатый век после ухода богов в Ирий, началась в Яви небывалая война. Ополчились Ткачи, Геро и Кармины на братьев своих. Четвертый клан, самой Мареной рожденный. Якобы те стали прислуживать навьим детям, да убивать честной люд.

— Четвертый клан? Что за бред? Все знают, что испокон веков было три клана! — теперь уже Данара не удержалась. Но Настя не обратила на нее внимания, уверенно продолжая рассказ.

— Пра-Яга говорила, что мы попросту забыли братьев своих. А те, не простив предательства, окончательно укрылись — кто в объеме, кто в смежных мирах. Остальные же оставили клановую силу и скрылись среди обычных людей.

— И было пророчество, — процитировал Вальтер. — Восстанет брат и предаст брата, кинувшись в объятия Хаоса и бездны. И забудет он богов своих и повернет весь клан против других. И будет черное дело его растекаться ядом по миру, и погибнут многие. И сойдет один в пропасть, выпустив оттуда зло, и вернется назад чернее ночи. И разломится веретено Судьбы, обрывая нити. И наступит царство Хаоса.

Вальтер замолчал. Тишина, изредка нарушаемая потрескиванием дров в камине, давила на уши.

— Что это? — первым опомнился Саня.

— Древний текст. Пророчество Аристарха Полоумного Кармина, — ответил Вальтер. — Наткнулся, когда помогал деду летом разгрести завал в библиотеке. И запомнилось.

— А часто Кармины пророчества стряпали? — с долей иронии поинтересовался Ратор.

— Не очень. Все же это не клановая особенность. Однако, все пророчества Аристарха имели одно весьма неприятное свойство.

— Что, все, как одно твердили о конце света? — не унимался Ратор.

— Нет, они все сбывались, — ответил за летописца до этого момента молчавший Кевар. — А ты, похоже, благополучно прогуливал историю в седьмом классе.

Уязвленный Ратор замолчал.

— Ты хочешь сказать, что в том пророчестве говорится о нашем Денисе? — осторожно поинтересовалась Ёлька.

Вальтер удивленно посмотрел на девушку:

— До этого момента мне вообще не приходила подобная мысль в голову. Но это было бы весьма логично. Смотри, он способен видеть изнанку, ходить по тропам, говорить с нежитью, управляться с нитями. Но при этом он не похож ни на кого из нас. Если допустить, что сказки из Настиного детства правда, да еще приплюсовать пророчество выходит, что Денис представитель опального четвертого клана.

— Но почему тогда никто из преподавателей, старших ткачей, Рассвета и Яр, абсолютно никто не узнал в нем этого загадочного не пойми кого? — воскликнула Данара.

— Прабабушка, впадая в транс, частенько бормотала что-то о том, что никто не сможет различить Жнеца. Все будут видеть то, да не то, — ответила Настя.

Огонь в камине полыхнул и все сидящие на краткий миг увидели пергаментно-бледную старуху с горящими глазами, повторяющую одну и ту же фразу.

— Жнец? — вскинулся Ратор. — Я это слово уже слышал!

Все сидящие уставились на него с таким удивлением, как будто с ними заговорило дерево.

— И где же ты мог его слышать? — ехидно поинтересовалась Данара.

— Да Денис постоянно кричал во сне, что он какой-то жнец. Я уже хотел спросить, уж не агроном ли его отец. Откуда такая страсть к полям и уборочной. А оно вон как, оказалось...

— Жнец, — Вальтер повторил это слово, словно пробуя его на вкус. Зудение на границе сознания тут же исчезло. Как будто недостающий пазл встал на свое место, складываясь, наконец, в правильную картину.

— Я все равно не могу понять, почему тогда никто ничего об этих Жнецах не слышал, — продолжила сеять сомнения Данара.

— История весьма тонкая материя. Когда что-то в мире идет не так, принимает не самый желательный оборот или нелюбезный вид, всегда найдутся жаждущие ее переписать, — изрек Саня. Собравшиеся уставились на него с нескрываемым удивлением. Странно было слышать от Сани такие глубокие философские мысли.

— Историю, может, и можно переписать. Но полотно не переплести! — просияла Ёлька. Девушка подскочила с ковра и зашагала к дверям.

— Эй! — воскликнула Настя. — Ты куда это собралась?

— В архив, — весело отозвалась девушка.

— Всего-то нужно, отмотать полотно на несколько тысячелетий назад и разобраться в плетениях, — Кевар поднялся следом за сестрой. — А еще пробраться в пещеры под

Черноозером, обойти расставленные ловушки и вернуться назад к первому уроку, чтобы Верона ничего не заподозрила.

Саня, с восторгом взиравший на Ткачей, тоже поднялся:

— Ребят, вы как хотите, а я не пропущу такое приключение. Один раз живем! Я с вами!

— А если тебе дракон, охраняющий вход, откусит голову? — улыбаясь, поинтересовалась Ёлька.

— А мы ему Ратора скормим, — вмешался Вальтер, тоже поднимаясь. — Пойдем все вместе. Раз уж ввязались в это дело, заканчивать его будем тем же составом.

— Я никуда не собираюсь! — возмущенная Данара скрестила руки на груди, всем своим видом демонстрируя нежелание участвовать в ночной вылазке.

— Правда? А у меня недавно гипотетический магистр интересовался, откуда у него под порогом красная нить с любомелем, — как-бы невзначай бросила Настя.

Данара покраснела и тоже поднялась с места:

— Это называется шантаж! — прошипела девушка.

— Это называется цивилизованная дипломатия, — усмехнулась в ответ ягиня.

— Я не пойду! — Ратор остался сидеть на месте.

Вся компания уставилась на него, отчего тот насупился и еще сильнее заупрямился.

— Ратор, ты что, дракона испугался? — с невинным видом поинтересовался Кевар.

Ратор не ответил.

— Да брось. Там нет никаких драконов, — продолжил Кевар. — А если бы и был, он предпочел бы тебе смерть от голода!

— Что ты сказал, малявка? — как ужаленный подскочил Ратор. — А ну иди сюда!

Но Кевар уже выскочил за дверь и помчался к потайной лестнице. Ратор вылетел следом, чуть не выбив дверь. Остальные поспешили за ними, не желая терять драгоценные ночные часы.

Медногор не помнил такого большого количества ночных брожений в начале учебного года, как за последнюю неделю. Обычно, ученики смелели к концу года, когда в окна стучалась весна, а от запаха цветущих деревьев отключалась способность мыслить рационально.

Но эта осень выдалась для мира весьма необычной. И Медногор молча провожал взглядом темнеющих окон нарушителей, выжидая, к чему же все это приведет. Он чувствовал, как в подвалах гудят станки. Он слышал, как стонет и бьется об пол где-то далеко веретено. Он понимал, что надвигается что-то неотвратимое. В сквозняках, блуждающих по ночным коридорам, все чаще чувствовалось дыхание голодной бездны. В скрипе несмазанных дверей все чаще слышался сиплый смех надвигающегося Хаоса. И где-то тут, в его стенах, крылась надежда на спасение. Возможно, именно в этих школьниках, которые так стремительно спускались сейчас в подземелья.

Медногор вздохнул, отчего легкий шорох пролетел по спящим коридорам, и прикрыл глаза. Если им суждено изменить Судьбу, Медногор не станет им мешать.

Компания школьников уверенно пробиралась к подземельям, а где-то в коридорах Медногора ночной дежурный по прозвищу Невидимка внезапно вспомнил, что забыл проверить записи в журнале дежурств и заперся в своем кабинете с кипой документов.

Путь до архива оказался не таким уж сложным. Кроме паутины и, кажется, векового слоя пыли, в коридорах, ведущих к пещерам, не нашлось ничего. Ни драконов, ни ловушек. Саня даже подрастроился от такого поворота.

— Я уже представлял, как будет хрустеть шея Ратора на зубах голодного дракона, — поделился он мыслями с Кеваром, вызвав приступ смеха у Ткача.

Проблемы начались у входа в первую пещеру. Ни хрустальных колонн, ни волшебных арок со зловещими предупреждениями не было, отчего Саня скис еще сильнее. Обычная деревянная дверь с покосившейся табличкой «Ткач + 1» преградила честной компании путь

— Это что значит? — Саня чуть ли не носом ткнул в табличку.

— Это значит, что надо менять план, — пояснил Вальтер. — Пройти дальше может только Ткач. А при большом желании взять с собой может только одного человека.

— Это разрешение было сделано для клана Геро, — Кевар снова блеснул своими историческими знаниями. — Семьсот лет назад в недрах Дальневосточного архива один Ткач убил другого и попытался захватить власть над веретеном. С тех пор в архив с собой можно провести телохранителя.

— Ну значит решено, идем мы с Данарой, — изрек Ратор.

— Не думаю, что Кевар решит напасть на меня из-за знаний, срок годности которых вышел пару тысяч лет назад, — Ёлька улыбнулась и продолжила. — Я думаю, что с нами пойдет Вальтер и Настя.

— Это еще почему? — возмутился Саня.

— Вальтер сможет записать все увиденное. А Настя показать вам после возвращения.

Ёлька, как всегда, была убедительна и рассудительна. Поэтому даже возмущенному Сане пришлось признать ее правоту.

— Тем более, если на нас кто-то решит напасть снаружи, лучше выставить охрану. — Ёлька попыталась придать их миссии важность.

— Да кому мы тут нужны? Ты видела, сколько здесь пыли? Сюда лет двести точно никто не заходил, — отмахнулся Ратор, усаживаясь на ближайший валун.

— А вдруг дракон придет? — подмигнул оборотню Кевар и, схватив Настю за руку, поспешил скрыться за дверью.

Ёлька и Вальтер шагнули следом, оставив Саню наедине со вспыхившими Геро.

Анфилада подземных пещер встретила ночных путешественников сырым дыханием и срывающимися с потолка прямо за шиворот крупными каплями. Кевар и Настя то и дело ойкали, когда особо ледяные капли скатывались с темечка за воротник. Ёлька и Вальтер шли молча, сосредоточенно прислушиваясь к окружающему миру.

— Интересно, когда нам повстречаются ловушки, — прошептала Ёлька, боясь разрушить громким голосом царившую умиротворенную тишину.

— Думаю, не в этот раз, — загадочно отозвался Вальтер и ускорил шаг, спеша к следующей двери.

— Смотри, — летописец указал на заметно потертый слой пыли около двери. — Её не так давно открывали. Видишь, у основания заметно.

Ёлька присмотрелась. И правда, след о просевшей от времени и влажности деревянной двери темным пятном выделялся на фоне покрытого пылью пола.

— Здесь кто-то был до нас, — согласилась Ёлька.

— Главное, чтобы этот кто-то благополучно ушел, не стащив часть полотна с собой, — суровым тоном заявила Настя. — Меня эта история начинает порядком раздражать. И я хочу разобраться со всем как можно скорее.

— Не переживай, — подошедший Кевар постарался успокоить Настю, от напряжения которой воздух в округе начинал потрескивать. — Полотно нельзя срезать, или вырезать из

него кусок. Это сразу же отразится на мироздании. Это летописи Вальтера можно сжечь и ничего не произойдет, так как они списаны с полотна. А полотно едино и неразрывно.

— То есть вы уверены, что нельзя оторвать кусок? — Вальтер старался не подать виду, как сильно его задело высказывание о вторичности летописей.

— Ну, представь себе шарф, который связали на спицах. Оторви от него кусок и все остальные петли рано или поздно тоже расползутся, — мягко пояснила Ёлька, с укором поглядывая на Кевара. — Так и тут. Нити переплетаются между собой, и все они неразрывно связаны сквозь века и тысячелетия. И оборвав чью-то нить раньше времени в прошлом, мы рискуем получить сотни, тысячи не сплетенных нитей в настоящем. Поэтому рассказы про связь поколений более чем оправданы.

Вальтер кивнул, усваивая информацию. До сегодняшнего дня клановые тайны Ткачей были для него недоступным знанием. И он старался впитать в себя все по крупицам, чтобы потом непременно отразить это в своей летописи.

Дальше шли молча и не останавливаясь. Полчаса спустя мир вздрогнул и до слуха идущих долетел тихий стук копыт — наступила полночь. С каждым новым залом сырость становилась все сильнее. Вскоре, срывающиеся с потолка капли сменились на целые водяные струйки, стекающие по заросшим мхом стенам, и теряющиеся где-то под полом. Чем дальше от входа удалялись школьники, тем длиннее и шире становились пещерные залы. В одном из них привычная картина полумрака и сырости внезапно изменилась. Как только четверга шагнула в арку, на них пахнуло теплым сухим воздухом. В глаза ударил мягкий свет, до боли непривычный после густого полумрака предыдущих залов. Свет лился из отверстия в потолке, падая на постамент, возвышающийся в центре. На постаменте, искрясь и переливаясь всеми цветами радуги, возвышалось алмазное веретено. Казалось, свет, проходящий сквозь него, рассыпается мириадами искорок, которые после продолжают витать в воздухе.

— Зал Посвящения, — шепотом пояснила Ёлька, с благоговением глядя на алмазное веретено. — Каждого Ткача, прошедшего все круги испытаний посвящают здесь в Магистры.

— Так у вас магистров не было несколько сотен лет, — не очень корректно напомнил Вальтер.

— Так никто и не проходил все круги, — пожала плечами Ёлька.

— Идем, у нас мало времени, — Настя коснулась плеча подруги. Ёлька бросила на веретено прощальный взгляд и поспешила прочь.

Несколько помещений спустя анфилада кончилась, и компания оказалась перед винтовой лестницей, уходящей глубоко вниз. Редкие фонари тщетно разгоняли царящий вокруг мрак, в котором копошились ночные тени и шорохи.

— Ну вот, спуск в архив, — с замиранием сердца прошептала Ёлька. Кевар стоял рядом, просто стараясь запомнить каждое мгновение.

— Ну и чего встали? Идем! — скомандовала Настя и шагнула вперед.

Гром грянул внезапно, оглушив, а последовавшая за ним молния ослепила всю компанию. Когда звон в ушах поутих, а перед глазами прекратили мерцать разноцветные круги, Вальтер подскочил и огляделся.

— Настя! Ёлька! Все в порядке?

Настя простонала что-то едва различимое и оттолкнула навалившегося на нее Кевара.

— Вот это ты слон! — возмущению девушки не было предела.

— Вот это ты неблагодарная! — в тон ей ответил Кевар. — Я вообще-то тебе жизнь спас! Ты куда полезла-то? Или у ягинь, как у кошек, по девять жизней?

Настя затихла, переводя недоверчивый взгляд с Кевара на Ёлку.

— Невидимая стена. Воздушный Страж, — пояснила Ёлка. — Все, кто не относится к Ткачам, превращаются в горстку седого пепла. Тебе повезло еще, что кто-то здесь недавно был и, судя по всему, выключал его. Иначе сначала бы ты повстречалась с молнией, а потом уже гром возвестил миру о твоей безвременной кончине.

Настя вздрогнула и нехотя поблагодарила Кевара. Вальтер помог девушке подняться и вопросительно посмотрел на Ткачей. Те, не сговариваясь, достали свои клубочки и вложили их в едва заметные выемки в стене, по бокам от арки, открывающей выход на лестницу. Порыв ветра пронесся над головой и все стихло.

— Идем скорее. У нас пятнадцать секунд, — Кевар первым заскочил на лестницу и принялся резво спускаться вниз, подальше от бдительного стража.

Остальные не стали дожидаться, пока страж передумает, и поспешили следом.

— Отличная система фейс-контроля, — перепрыгивая через одну ступеньку, изрек Вальтер.

— Зато действенная, — не стал спорить с очевидным Кевар.

Спускаться приходилось быстро, цепляясь за шаткие перила. Ступени под ногами то и дело норовили выскочить, оставив ноги без опоры. Чем это могло обернуться, даже представить было страшно. С одной стороны — потемневшая от мха и сырости стена, с другой — кованые перила с внушительными проемами, открывающимися в зияющую пропасть. Сорвешься, и будешь лететь в свободном падении до бесконечности.

Чем ниже уходила лестница, тем круче становился спуск. Вальтер, зазевавшись, не заметил отсутствия двух ступеней, и если бы не проворный Кевар, мир лишился бы одного талантливого летописца. Следующей опорой под ногами потеряла ягиня. И снова Кевар, обогнавший Вальтера, пришел на помощь.

— Вы что, наизусть все ступеньки тут знаете? — обычно спокойный и уравновешенный Вальтер начинал терять терпение от этого акробатического спуска.

— У нас это знание в крови заложено, — ловко перепрыгивая со ступеньки на ступеньку, ответила Ёлка.

— И что, вот каждый Ткач сможет пройти этой лестницей смерти? — стараясь одновременно разговаривать и следить за ходом ступенек, поинтересовалась Настя.

— Нет, конечно, — ответил ей Кевар. — Простой Ткач даже до зала посвящения не доберется. Равно как и страж его не пропустит. Но мы же с Ёлкой, вроде как, золотая молодежь. Поэтому можем гулять там, где другим нельзя.

— Вот, на что способна очередь наследования, — усмехнулась Ёлка. И уже серьезнее продолжила. — Если мы не поторопимся, боюсь, Верона всех сошлет в столовую за прогулы.

Дальнейший спуск проходил в молчании. Редкие эмоциональные возгласы Насти или Вальтера сообщали миру об очередной коварной ступеньке. Но бдительные Ткачи успевали подхватывать друзей до того, как те могли бы сорваться вниз.

Чем сильнее под землю уходила лестница, тем холоднее становилось в окружающем мире. И было в этом холоде что-то непривычное, даже странное. Это был не утренний морозец и не дыхание зимнего хладовея. Скорее могильный сквозняк, пробирающийся до самых костей. Леденящий душу и гасящий все признаки жизненного огня в мире. словно сама смерть дышала где-то поблизости, дыханием своим задевая непрошенных гостей.

Вальтер поежился и покрепче схватился за перила.

— Медленнее, — скомандовала Ёлька, приглядываясь к надписям на стенах. Спуск значительно замедлился. Вальтер смог разглядеть непонятные рунические символы, то там, то тут проступающие из-под сырости и мха.

— Это же резница! — неожиданно разглядел знаки Вальтер. — Я ее видел только на картинках в старых летописях и так и не смог понять эту систему письменности.

— К сожалению, мало кто из Ткачей её понимает, — с долей печали в голосе вздохнула Ёлька. — После того, как Ткачи перешли на изначальный язык, многие знания были утрачены.

— Видимо, это проблема всех кланов, — согласился с девушкой Вальтер. — В летописях мне встречались упоминания о подобном и в клане Геро.

— А как быть с вами? — ощупывая проступающие резы, спросил Кевар.

— У нас все, наверное, еще печальнее, — отозвался Вальтер. — После Великого пожара часть летописей была безвозвратно утрачена. А то, что пытались восстановить, слишком часто имело в себе ощутимый балласт авторского вымысла. Целый период в истории канул в лету, и мы так и не знаем, что было на самом деле, а что всего лишь плод буйного воображения.

— Дайте-ка, я угадаю, — до этого молчавшая Настя решила внести свою лепту в обсуждение. — А произошли эти события как раз около двух тысяч лет назад. Примерно в то время, события которого мы идем сейчас искать в старых рулонах полотна?

Вальтер задумался.

— Ну да, пожар был где-то в этом промежутки времени.

— В этом, в этом, — подтвердил Кевар. — А за пару сотен лет до этого Ткачи отказались от резницы.

— Как-то слишком странно все это выглядит в свете последних событий! — Настя окинула внимательным взглядом стены, поеживаясь от холода, и принялась спускаться дальше. Интуиция ягини подсказывала, что все они ввязываются во что-то огромное и небезопасное.

Вальтер сбился со счета времени. Как и во всех местах, граничащих с навьим царством, здесь Уроборос играл с минутами и часами, как ему хотелось. Поначалу летописец пробовал считать удары сердца, но после пары тысяч сбился, и оставил эту затею. Сейчас даже под страхом смерти он не смог бы сказать, сколько времени у них осталось до возвращения.

Ткачи начинали торопиться, отчего Вальтеру и Насте приходилось тяжелее и тяжелее. Ноги постепенно наливались свинцовой тяжестью, и приближался тот момент, когда они попросту откажутся сделать следующий шаг на капризную ступеньку.

— Это здесь, — голос Ёльки бальзамом пролился на душу переживающего Вальтера.

Все та же стена с непонятными резами, ничем не отличающаяся от предыдущих километров. Вальтер одарил отсыревшую поверхность скептическим взглядом и решил уточнить:

— Ёлька, а как ты поняла, что это именно то самое место?

— По резам, — спокойно ответила девушка, но в голосе ее проскользнули прохладные нотки. Вальтер удивился, но продолжил гнуть свою линию.

— Замечательно. А как ты собираешься войти в нужный зал? Или у Ткачей одна из клановых особенностей — хождение сквозь стены?

Вальтер приготовился к ткаческому отпору, но Ёлька снова его удивила. Игнорируя его

саркастический тон, она повернулась к ягине.

— Слушай, как ты терпишь такого ворчуна? А ведь ему и двадцати нет. Представь, что с ним будет лет в триста?

От нахлынувшего возмущения Вальтер чуть не свалился с лестницы. Но Настя вовремя схватила его за руку, посмеиваясь.

— Могла бы вступить за меня! — прошептал Вальтер на ухо девушке.

— Вот еще! Она абсолютно права. В ворчании ты обойдешь всех летописцев. Когда придет время.

— Надеюсь, все же не только в ворчании, — стараясь скрыть, как уязвлен, ответил Вальтер.

Ткачи подошли к стене, ощупывая ее. Но никаких намеков на дверь не было и в помине. Шероховатая, потрескавшаяся от сырости и времени кладка была абсолютно однородной. Вальтер хотел было влезть с советом, но ягиня одернула парня. Ёлька что-то шептала, но внезапно налетевший сквозняк заглушал своим гулом срывающиеся слова. Кевар приблизился вплотную к стене и прижался к ней правым ухом. Как будто ждал подсказки с той стороны. Гул сквозняка все усиливался. Резы на стенах то темнели, проступая особенно отчетливо, то светлели, практически полностью сливаясь с кладкой. Казалось, что они пульсируют в такт чьим-то ударам сердца. И что-то подсказывало Вальтеру, что это сердце кого-то из Ткачей. А, может быть, их обоих.

Боковым зрением Вальтер заметил, как что-то блеснуло в тусклом свете факела. Вальтер пригляделся, напрягая зрение. По цепочке на шее Ёльки пробегали частые искры. Вальтер чуть склонился, чтобы лучше разглядеть происходящее. Небольшой кулон в виде веретена подрагивал в тонких пальцах девушки. Не переставая что-то нашептывать, Ёлька кольнула веретенцем указательный палец. Выступившая капля крови запульсировала в такт резам. Стоящий справа от Вальтера Кевар, проделал то же самое со своим пальцем. Одновременно Ткачи приложили пораненные пальцы к резам.

Стена вздрогнула. До этого серые резы на глазах начали алеть, словно напитываясь ткаческой кровью. Гул раздавался все громче. Помимо сквозняка казалось, что гудят и ступени, и перила, и сама стена. Лестница вздрогнула. Или это качнулся окружающий мир? Со стены посыпалась какая-то труха — то ли пыль, то ли старый засохший мох. Сама стена на глазах стала покрываться сетью мелких трещин. Послышался хруст, словно кто-то наступил на яичную скорлупу. А в следующий миг все стихло и успокоилось. Лишь образовавшаяся в стене арка была свидетелем того, что тут что-то произошло.

Четверка школьников резво кинулась в проем — никто не хотел испытывать судьбу.

На смену сырости и холоду вновь пришло сухое тепло. Как в хорошо прогретой печи теплый воздух обволакивал и убаюкивал. Полумрак тут был еще гуще. На все помещение размером с хороший концертный зал, факелов было всего четыре — по одному в каждом углу. Свет от них пробивался через огромные стеллажи, заполненные полотном от пола до потолка. Где-то ткань мироздания сворачивалась в толстенные рулоны. Где-то же, наоборот, свисала с полок подобно гобеленам из дворцовых залов древности. В иных местах и вовсе плотно было скомкано и скручено.

— Нам нужно к месту великого пожара. А оттуда обратный отсчет начнем вести, — проговорила Ёлька, пытаясь на взгляд определить, где находится это место Великого пожара.

Вальтер и Настя переглянулись, пытаясь понять — Ёлька сказала это всерьез, или же

они наблюдали элемент ткаческого юмора. Но, судя по тому, как решительно брат с сестрой двинулись в одну сторону, шуткам тут места не было. Вальтер молча плелся следом, абсолютно не понимая, как в этих одинаковых стеллажах с грубой тканью можно что-то разобрать. Но Ткачи чувствовали полотно. Даже не притрагиваясь и не приближаясь к нему, они видели глобальные события, отраженные в ту или иную эпоху.

— Ёлька, а тут какой отрезок времени скрыт? — поинтересовался Вальтер, проходя один стеллаж за другим.

— Около ста лет, — отозвалась девушка.

Вальтер тихо застонал. С интервалом в тысячу лет им нужно обойти минимум с десятков залов, в которых упрятаны десятки, а может и сотни стеллажей.

— Не переживай. Главное — найти пожар, — попытался подбодрить товарища Вальтер.

Но «пожар» не нашелся ни в этом зале, ни в следующем. В середине третьего зала, когда Ткачи все также благоговейно передвигались между рядами стеллажей со скоростью виноградной улитки, Вальтер не выдержал. Он набрал побольше воздуха, чтобы длинной тирадой высказать все свое веское мнение.

Ткачи остановились внезапно. Только что размеренно шагающие вперед, они буквально вросли в землю. Настя налетела на Ёлку. Но та даже не шелохнулась. Вальтер чудом усел отскочить от Кевара. Изнурительные командные тренировки Вергарда ни для кого не прошли даром. Почувствовав привкус опасности в окружающем мире, все как один подобрались и насторожились. Вальтер грядущую опасность ощущал слабо, но полностью полагался на чувства Ткачей. Им это место роднее и привычнее.

Какое-то время не происходило абсолютно ничего. Пыль все также висела в воздухе, факелы изредка подрагивали, а воцарившаяся тишина давила на уши.

Шаг.

От неожиданности Вальтер вздрогнул и схватился за руку ягини. Та посмотрела на него слегка недоумевающим взглядом и усмехнулась, от чего Вальтер смутился.

Еще шаг.

И еще один.

Теперь сомнений не оставалось — к ним кто-то приближался.

Кевар ожил и, схватив Настю и Вальтера за руки, потянул их за стеллаж.

В следующий миг на месте, где они стояли, будто из воздуха появилось нечто. Больше всего оно походило на сгорбленного старика, замotanного в истлевающее подобие набедренной повязки. Вместо волос голову покрывал седой пушок. Ушей не было. Зато огромные, в пол лица, глазницы зияли двумя непроглядными безднами. Лишь на дне, в самой глубине, словно угольки тлели зрачки. Костлявые руки, туго обтянутые серой кожей мелко дрожали. А голос, вырывающийся их пересохшей глотки, больше походил на скрежет металла.

— Здравствуй, человеке. Кто ты и зачем явился?

— Здрав будь и ты, Лестничник, — Ёлька повернулась так, чтобы существо видело движение ее губ.

— Это Лестничник, — шепотом затараторил Кевар. — Глухой хранитель архива. Это он выдает проходящим сюда Ткачам лестницы, чтобы добраться до самого верха. Вам лучше бы не попадаться ему на глаза.

— Почему? — не отрываясь от разглядывания хранителя, спросила ягиня.

— Потому что тысячи лет сюда могли заходить только Ткачи. В последние семьсот еще

Геро. Но, говорят, за это Лестничник запросил непомерную плату.

— А Ёлку он понимает по губам, — заметил Вальтер, осторожно выглядывая из-за Насти.

— Угу. Говорят, его взгляд способен выжечь душу, если попытаешься уйти от уплаты, — прошептал Кевар. — Запомните, главное, не попасться под взгляд его глазниц.

Вальтер и Настя не стали уточнять, какая участь их ожидает, и прислушались к разговору хранителя и Ёлки.

— Что привело сюда Ткача? — скрипящий голос хранителя противно давил на уши.

— Судьба, веретена бег, да нитей сплетение.

Вальтер вопросительно взглянул на Кевара и тот нехотя пояснил:

— Ритуальная фраза.

— Что тебе нужно, Ткач? — продолжал свой допрос Лестничник.

— Знание! — с готовностью ответила Ёлка. — Знание о Великом пожаре и о клане Жнецов.

Лестничник замер. Даже тонкие ручки перестали дрожать. Постоял несколько мгновений, внимательно всматриваясь в серые глаза Ёлки и, наконец, ответил.

— Слишком много. Что-то одно. Выбирай!

— Клан Жнецов! — Ёлка дала ответ, не раздумывая.

— Конкретнее! — проскрипел Лестничник. — Рождение. Расцвет. Гибель.

В зале повисла пауза. Вальтер и Настя переглянулись, пытаясь решить, какое же знание более ценно. Но Ёлка, казалось, вовсе не растерялась.

— Мне нужно то, что прольет свет на историю.

— Гибель, — изрек Лестничник.

— Плата?

— Твоя история, — на этот раз не раздумывал хранитель.

— Что? Какая история? Что ему нужно? — навья интуиция кольнула ягиню.

— А я откуда знаю? Этого в углубленном курсе подготовки Ткачей не было, — было заметно, что Кевар обеспокоен.

Вальтер нахмурился, стараясь запомнить каждое мгновение. Возможно, позже он сможет описать эту часть путешествия и найдет ответы на все вопросы.

Ёлка же ни словом, ни делом не показала, что растеряна. Глядя в глазницы хранителя, девушка уверенно кивнула, принимая такую плату.

— Следуй за мной.

Ёлка бегом кинулась за хранителем. Несмотря на дряхлый вид, он припустил с места так, что уже через секунду скрылся за стеллажом. Не поторопись девушка, он наверняка затерялся бы среди бесконечного лабиринта стеллажей. А потом пришел бы требовать свою плату.

Остальные бросились следом. Топот четырех пар ног в клочья разорвал веками царящую здесь тишину. Благо, хранитель был глухим и не мог этого слышать. Залы пронеслись мимо с невиданной скоростью. Наконец, в воздухе повеяло пеплом и горьким дымом костров. И без пояснений стало понятно, что они приближаются к той части полотна, в которой отражен Великий пожар.

Вальтер боролся с искушением попросить Ткачей остановиться и посмотреть, что же случилось на самом деле с древними текстами. Кто был виновником, и кто не предотвратил трагедию. Парень стал замедляться. Он чувствовал, как едкий дым от горящих пергаментов

въедается в ноздри. Он слышал, как стонут древние тексты, сгорая в беспощадном огне. Он понимал, что может стать единственным летописцем, который узнает тайну пожара. Но грозный окрик ягини вернул его в реальность — не для того они проделали весь этот путь. Позже, когда будут уходить, непременно заглянут сюда.

За своими размышлениями Вальтер не заметил, как Настя и Кевар свернули за ближайший стеллаж. Если бы не ловкая рука Ткача, дернувшая его в сторону — Вальтер непременно налетел бы на ничего не подозревающего хранителя.

— Здесь, — раздался скрип и хранитель махнул рукой в сторону дальнего стеллажа. Полотно на нем было скручено. Местами на нем проступали темные пятна, очень сильно напоминающие засохшую кровь. Вальтер вздохнул. Судя по всему, их ждет не самая приятная история.

Прямо из воздуха к стеллажу подъехала разохшаяся деревянная лестница.

— Ты знаешь правила, — напомнил хранитель. — Разворачивая — заверни. Скрутив — выпрями обратно. Изучай, читай, познавая. А как выйдешь — все забудь.

— Ч-что? — запнувшись, спросила Ёлька.

— Правило Кодекса Алмазного Веретена. Ткач просветляется, купаясь в тенях прошлого, но, выходя, забывает все, что узнал, дабы не бередить душу и не вскрывать старые раны. Поправка вступила в силу две тысячи двести лет назад.

Каждое слово болью отдавалось в ушах и голове, и Вальтер уже мечтал, чтобы этот хранитель поскорее оставил их наедине с ходом истории.

— Ко мне все? — резко спросил Лестничник.

От неожиданной информации Ёлька растерялась и автоматически кивнула, но окрик Кевара заставил девушку вдрогнуть.

— Ключ!

— Точно! Оставь мне ключ к выходу, — Ёлька послала брату благодарную улыбку.

Лестничник напрягся и внезапно оглянулся. Настолько внезапно, что троица едва успела отшатнуться назад. Какое-то время хранитель вглядывался в стеллаж, но так ничего там и не разглядев повернулся и махнул в сторону нижней полки.

— Выход будет там.

Ёлька кивнула и осталась неподвижно стоять на месте. Наблюдая за тем, как хранитель, шаркая и прихрамывая, скрывается в недрах залов архива.

— Пора! — скомандовал Кевар и кинулся к лестнице, забираясь на самый верх.

Глава 23. Изнанка

Денис шагал вперед, полностью погрузившись в свои мысли. Напади на него сейчас норлах или иное порождение Хаоса, он бы и не заметил. Он все думал и думал о том, что ему открылось в антрацитовый комнате. И чем больше он думал, тем больше вопросов выстраивалось в ряд, в ожидании ответов. А ответов у него не было. Казалось, что он теперь знает безумно много. Но оказывалось, что он не знает абсолютно ничего.

Пытаясь хоть как-то структурировать информацию, Денис с каждой мыслью запутывался еще больше. Возвращался в начало, снова анализировал, и вновь не находил ответов. Он все еще слишком мало знал. А найти того, у кого можно было бы узнать ответы, казалось попросту нереальным. Старый библиотекарь пытался его убить. Директор пытался его убить. Навьи дети тоже пытались его убить.

— Да есть хоть кто-то, кто может мне объяснить, что тут творится? — пробормотал Денис.

— О-о-ох, — стон Полозова за спиной заставил Дениса остановиться.

— Ты чего?

— Змеиные объятия, — прошипел Андрей, потирая правый бок. — По-моему, мне сломали пару ребер.

— С чего ты взял? — обеспокоенно спросил Денис, подходя ближе.

— Ну ты в нормальном состоянии чувствуешь свои ребра?

Денис прислушался к своему телу и отрицательно покачал головой.

— Ну вот. А я сейчас отлично чувствую три последних ребра!

— Это они от радости встречи, — попытался пошутить Денис и осекся. Время для веселья было не самым удачным.

— Давай устроим привал, — предложил Денис и навий не стал отказываться.

Перед тем, как покинуть логово Полоза, Андрею вручили небольшой узелок с едой и водой. Поэтому можно было не торопиться в Медногор. Тем более, что Денис так до конца и не определился — стоит ли ему там показываться или нет. Полозов предлагал отсидеться в пещерах и Денис все больше склонялся к этому варианту.

— Надеюсь, нам туда не сушеных лягушек положили, — с долей иронии заметил Денис, наблюдая, как Полозов развязывает узелок со снедью

— Нет, тут хлеб, сыр, сушеные яблоки, орехи, ягоды. Есть грибы. Но они скорее для меня.

— Это почему? — возмутился Денис.

— Ну, как бы тебе сказать. На людей они действуют весьма специфически, — уклончиво ответил Полозов. Но Денис с обостренной жаждой ответов не собирался сдаваться.

— Это как, специфически? — Денис взял один сморщенный гриб. С виду он был похож на вешенку. Только запах имел какой-то сладковатый.

Полозов вздохнул.

— Съешь и козленочком станешь! А если серьезно, пойдешь ловить берегинь. Или русалок. По стенам пещеры.

— Нет уж, хватит с меня русалок, — Денис вернул гриб на место. — А ты кого ловить будешь?

— Я никого не буду. Я просто засну на пару часов, а проснусь здоровым молодцем.

Обед проходил в молчании. Андрею было тяжело говорить из-за ноющих ребер. Денис продолжал заниматься самоанализом. Он не заметил, как товарищ заснул. Просто в какой-то момент понял, что слышит монотонное дыхание справа. Задумчиво поглядев на Полозова, Денис призвал серп.

Инструмент явился с первого раза. Шершавая рукоять непривычно давила в центр ладони. Рука еще не привыкла к новому оружию. Но где-то в груди Денис почувствовал отклик. Сейчас серп был спокоен. По лезвию не пробежали искры, рукоять была теплой. Нигде не чувствовалось холодного дыхания смерти. Но Денис знал, что так будет не всегда. Когда-нибудь настанет время пустить серп в ход. И это будет не перевертыш, и не навий, а человек. Денис не понимал, откуда в его голове это знание. Но точно знал, что это правда. Прикрыв глаза, он слышал пульсацию первой нити, которую должен будет срезать. Сейчас эта нить была чем-то взволнована. Из-за чего-то переживала. А когда настанет миг — она будет спокойна.

Денис открыл глаза и вздохнул. Он не представлял, как расскажет своим друзьям о том, кто он. Сейчас ему, как никогда, не хватало мудрого старческого совета. Кого-то, кто бы мог подсказать ему, как дальше жить.

— Кого-то из моего клана, — пробормотал Денис.

Можно было обратиться к полудницам. Но эти эфемерные сущности вряд ли смогут осознать всю глубину терзающих его мыслей. А больше он никому не доверял.

От длительных размышлений разболелась. Денис поднялся, потер виски и уставился в поросшую мхом стену пещеры. За месяцы, проведенные в лицее, он открыл удивительную особенность. Любые переживания отходили на задний план во время чтения. Раньше Денис не славился любовью к книгам. Но теперь все изменилось. Изменился он сам. И сейчас было самое время погрузиться в иной мир.

— Тем более и книжка подходящая есть! — усмехнулся Денис, вспоминая про книгу Велеса. Оставалось решить, каким образом доставить ее в пещеры.

— Потеряшка, — тихо, чтобы не разбудить Андрея, позвал Денис. Ничего не произошло.

— Потеряшка! Ты нужен мне! — позвал Денис чуть громче.

— Потеряшка, я призываю тебя! — пробасил Васнецов, скорее подражая сценам из фильмов.

— Чего орешь-то? — раздался знакомый голос за спиной.

— Ой! — домовый присмотрелся и разглядел в полумраке пещеры призывавшего.

— Мамочки родные! Живой! Воскрес! Восстал! Возродился! Ты ж свет очей наших, соколик ясный, а!

Домовой с рыданиями кинулся на Дениса, обхватил его ноги и уткнулся носом в колени.

— А мы уж думали, сгинул ты-ы-ы, усыпился несносным морфе-е-е-ем, провалился в навье царство-о-о-о, — ни на секунду не переставая завывать, вещал Потеряшка.

— Мы ж и письмом писали, и словами звали, искали тебя-а-а-а.

— Эй! Стой! Тихо! Замочли, кому говорю! — прикрикнул Денис. — Кто думал, что я сгинул?

— Да все-е-е-е, — еще сильнее зарыдал домовый. — Веронюшка сказала, что нет тебя больше-е-е-е. И Вальтер писец ваш сказал, и ткачи подтвердили-и-и. Мы ж тебя писали-

писали, а ты не отозвался-я-я.

Домовой достал из-за пазухи огромный носовой платок и громко высморкался. Андрей простонал что-то во сне и перевернулся на другой бок.

— Слушая, ты ж видишь, я живой. И не умирал я, и не воскрешался. Живой был все время! — Денис попытался успокоить домового.

— Да? А почему тебя тогда никто не нашел? Ни ткачи на станках, ни писцы в летописях, а? — домовой подозрительно уставился на Дениса.

— Вот уж не знаю. Может они это, писать не умеют?

Потеряшка задумался. Пошевелил губами, пытаясь придумать ответ. И поднял на Дениса все еще полные слез глаза.

Не дав возможности домовому запричитать по новой, Денис заговорил.

— Слушай, в общем, у меня к тебе просьба. Ты можешь притащить сюда мою книгу?

— Какую книгу? — хитро прищурился домовый.

— Книгу Велеса, какую же еще?! — пояснил Денис.

— Ага! Значит ты разрешаешь мне брать твою книгу Велеса? — лукавость в голосе Потеряшки заставила Дениса насторожиться.

— Ах ты ж! Обхитрить меня решил! И это сразу после моего возрождения? — негодование в голосе Дениса несколько не смутило домового. Тот пожал плечами в ответ:

— А что? Мне, может, тоже нравится читать!

— Ага! Как и лапти носить! А потом кто-нибудь возьмет и уведет у тебя мою книгу! Нет уж! Я разрешаю тебе взять мою книгу один раз, чтобы принести мне ее сюда!

Потеряшка шмыгнул носом, показал Денису язык и исчез. А через мгновение вернулся с потертой книгой под мышкой.

— Спасибо! — поблагодарил Денис и уселся на пол, выскивая нужную страницу.

— Я это, спросить хотел, — смущенно начал домовый. Увидев вопросительный взгляд Дениса, он продолжил. — Ты где был-то?

— А, у Великого Полоза в гостях, — отмахнулся Денис.

— Ой-ой-ой! — заверещал домовый и исчез.

Денис несколько мгновений смотрел на то место, где только что был домовый. С чего он вдруг так испугался? Так и не придумав убедительного ответа, махнул рукой и вернулся к изучению книги.

Видимо, сегодня был просто не тот день, чтобы получать ответы.

Четверка медногорцев лихо заскочила на лестницу. Ёлька и Кевар сразу поднялись как можно выше, с трудом уместаясь на дощатой перекладине. Чуть ниже встал Вальтер. Ягиня запрыгнула на самую нижнюю ступеньку.

Как только все оказались в сборе, лестница дрогнула. И резко начала уменьшаться в размерах. Полотно же, наоборот, раздувалось и разворачивалось на глазах.

— Вальтер, доставай перо! — скомандовала Ёлька.

— Что? Какое перо? Как я, по-твоему, писать тут буду? — возмущенно ответил парень.

— Я буду поддерживать тебя. Ты что, не слышал, что сказал хранитель? Мы забудем все, как только выйдем из этого зала. Вся надежда на тебя! — Настя взяла друга за руку и несильно сжала её. — Не бойся, не уроню.

Вальтер покачал головой и полез в карман за клочком пергамента.

— Ёлька, прости, но мне понадобится твоя спина, — летописец приложил к пояснице девушки пергамент. Перо в руке появилось как раз в тот момент, когда лестница без предупреждения рванула вверх. Если бы не навья реакция ягини, Вальтер наверняка завалился бы вниз и там и остался до прихода Лестничника. Но ловкая девушка вовремя спохватилась, буквально впечатав его в лестницу свободной рукой. Вальтеру оставалось лишь догадываться об истинной физической силе своей пассии.

От рывка Вальтер больно ткнулся носом в поясницу Ёльки, но никакой возможности потереть ушибленное место не было. Лестница на сумасшедшей скорости неслась вверх, будто взбесившийся эскалатор. Вальтер со всех сил старался удержаться на ступеньке и провести пером по пергаменту. Но каждая новая попытка оборачивалась полным провалом. В таких условиях писать летопись было просто невозможно.

Окружающий мир менялся. Точнее, он скручивался, оставляя на своем месте одно сплошное полотно необъятных размеров. Десятки тысяч нитей переплетались между собой, создавая единое пространство жизни. Где-то плетение было настолько плотным, что казалось, будто нити уложены поверх друг друга в несколько слоев. Где-то же, наоборот, нити сплетались так редко, что можно было разглядеть противоположную сторону сквозь тонкое полотно. То там, то здесь проступали темные пятна — понять, что их породило, было сложно. Вальтер искренне надеялся, что старость, а не чья-то кровь.

Лестничный ход стал замедляться, и Вальтер воспользовался моментом. Перенес равновесие на правую ногу, приложил к спине Ёльки клочок пергамента и прикоснулся к нему пером. То, как будто, только и ждало этого момента. Качнувшись на острие, оно послушно вывело первую фразу:

— Полотно колыхалось, подобно мировому океану. Океану, сплетенному из сотен тысяч человеческих жизней. Нити, словно течения, стремились куда-то — к чему-то, или кому-то. Некоторые находили то, что искали. Некоторые пропадали в толще других, так и не сумев найти свое предназначение.

Предплечье летописца отзывалось ноющей болью на каждое новое слово. Но он старательно терпел, внимательно оглядываясь по сторонам, прислушиваясь, приглядываясь. Не упустить ничего, что могло бы хоть как-то помочь в разгадке тайны Жнецов. Если все получится, он будет первым летописцем, кто создаст страницы новой истории.

— Не увлекайся! — прервала полет мечты ягиня.

— Спасибо, — бросил через плечо Вальтер, слегка смутившись за тем, что попался за своими мечтаниями.

Ягиня усмехнулась и ничего не ответила. С некоторым интересом она наблюдала за тем, как на клочке пергамента появляются и тут же исчезают алые слова. Найди кто-нибудь этот клочок — ни за что на свете не прочтает то, что там написано. Только тот Кармин, что сотворил его из своей крови и мысли, сможет переписать его в Летопись. Если захочет, конечно же.

Иногда ягиня размышляла о том, сколько же тайн унесли с собой тщеславные и жадные до истины летописцы. Сколько было таких клочков, написанных кровью, которые так и остались лежать где-то в недрах архивов. И сколько их еще будет?

Лестница вздрогнула, останавливаясь, и Настя едва успела удержать покачнувшегося Вальтера.

— Где-то здесь, — пояснил Кевар, оглядываясь.

Кругом, насколько хватало взгляда, расстилось все то же сероватое полотно.

— Запомните! Что бы ни случилось, не сходите с лестницы! — голос Ёльки был серьезнее обычного, отчего Вальтер не удержался.

— Иначе что?

В ответ Кевар оторвал пуговицу от своей рубашки и бросил ее вниз. Словно в замедленной съемке пуговица повисла в воздухе и начала свое плавное, размеренное падение. Когда до нитей осталось совсем чуть-чуть, ярко-алый язык пламени взвился в воздух и попросту слизнул чужеродный элемент. Вальтер присвистнул.

— Все понятно. Мы лишние на этом празднике жизни. Никого не тревожим, ничего не оставляем.

Кевар кивнул и повернулся к полотну, которое уже осматривала Ёлька.

— Медленно вправо! — уверенно скомандовала девушка, и лестница поползла в сторону. Два ткача до боли в глазах вглядывались в переплетения судеб, но ничего, что хоть как-то указывало на таинственный клан, не попадалось. Люди, нежить, оборотни, ткачи, летописцы. Хитрые, запутанные переплетения складывались в удивительный узор жизни. Жизни, которая тянулась вперед, несмотря на конец той или иной нити.

Судеб было много. Судьбы были разные. Вот славный витязь, полюбивший одну из Геро. Он не знал, кто она. Он просил ее руки, но горделивый отец-медведь отказал. Витязь ушел на войну с княжеской дружиной и сгинул там.

— А ведь все могло бы быть иначе, — пробормотал Кевар. Прямо перед глазами встала иная картина. Отец соглашается и отдает дочь. Они уходят вместе. Лес. Дети. Младший сын. Оборотень. Тени, много теней, вьющихся вокруг колыбели. Детство. Юность. Волны подкатывающего мрака. Война. Темнота.

— Кевар, что с тобой? — теплая рука Ёльки вернула парня в действительность.

— Я что-то видел. Вспышка, какая-то необъяснимая.

Кевар не заметил, что у него подрагивают руки, а коники пальцев светятся бледным зеленоватым светом.

— Ты видел, как могла бы пойти история, если бы... — ответил все записывающий Вальтер. — Я слышал твое бормотание. Если бы отец отдал дочь за витязя, у них родился бы темный оборотень. Сын, который поднял бы за собой полки, сверг князя, и обратил княжество во мрак.

— Когда ты успел все это расслышать? — удивилась Ёлька.

— Тогда же, когда Кевар рассмотрел, — пожал плечами Вальтер.

Это место нравилось ему все меньше и меньше. Осознание того, что ввязались они во что-то очень запретное и опасное, стучало по голове, как молот по наковальне. Но отступить уже было поздно.

— Судьба всегда знает, где дать. А где забрать, — прошептала ягиня, с тревогой поглядывая на полотно.

Лестница по приказу Ёльки продолжила скольжение.

— Дойдем до края, поднимемся выше, пойдем в обратную сторону, — пояснила девушка. — Будем двигаться змейкой, пока не найдем хоть какое-то упоминание о жнецах.

— Как ты их найдешь, если они выглядят как одни из вас? Или из Геро? — напомнила Настя.

— Я их и не ищу, — не отрываясь от внимательного изучения полотна, ответила Ёлька. — Я ищу упоминания среди людей, ткачей, нежити, понимаешь? Нити самих жнецов,

если они когда-то существовали, мне не отыскать. Но вот события, которые связывали бы их с кем-то — вполне.

Ягиня понимающе кивнула и замолчала. Дальнейший путь проходил под скрип пера и бормотание Кевара. Видения у того случались все чаще. Как будто это место пробудило у ткача новую способность. Парень то и дело вскрикивал, встречаясь в видениях не с самыми радужными картинками. Он заметно побледнел, на лбу проступил холодный пот.

— Я могу отогнать мороки, если хочешь, — предложила ягиня.

Но ткач отказался. Раз это его судьба, он обязан ее принять и нести, не отступая.

— Стоп! — скомандовала Ёлька, и лестница резко остановилась. Вальтер выругался сквозь зубы, чуть не слетев вниз. Но девушка не обратила на это внимания. Прямо перед ними расстилалось темнеющее пятно, от которого так и веяло смертью.

— Первая война с нежитью, — пробормотала Ёлька, всматриваясь в темнеющую поверхность полотна. — Пятьсот лет до начала нового исчисления. Странно, очень странно. Нить выкручена, видишь? — девушка ткнула пальцем в участок полотна.

Вальтер оторвался от записей, чтобы тоже рассмотреть, что там куда выкручено. Но ничего не заметил. Кроме темного цвета, ничто не отличало этот кусок полотна от километров предыдущего. Но ткачи думали иначе. Внимательно вглядываясь в сплетение нитей, они пытались найти что-то, что могло бы помочь в поиске ответов.

— Чуть левее, — скомандовала Ёлька и лестница послушно подвинулась. — Вот оно. Ирдис Ткач. Маленький мальчик, оставшийся без семьи. В этой войне нежить напала на их дом. Кто это был? Норлах, по-моему, это его нить. В живых остался только он.

Кевар тяжело задышал и вцепился в лестницу.

— Все в порядке? — Ёлька с тревогой поглядела на брата. — Опять видение?

— Да. И там он вовсе не ткач. Он оборотень!

В воздухе что-то шелкнуло, Вальтер услышал тонкий свист, и острая боль вспыхнула на левой щеке. Костяной шип воткнулся в лестницу прямо перед глазами летописца.

— Предатели! Подлецы! Аспидовы прихвостни!

Скрежещущий голос раздался где-то за спиной.

Все, кроме Кевара обернулись. Ягиня закричала. Вальтер чуть не свалился с лестницы. Прямо на них с невиданной скоростью летел Лестничник. В пустых глазницах полыхало пламя. В руке он сжимал тонкую трубку, в которой уже был заряжен следующий шип.

— За край! Быстро! — командовала Ёлька. Лестница сорвалась с места так, то воздух в ушах засвистел. Или это свистел устремившийся в самое сердце девушки шип?

Вальтер повис на одной руке, с трудом удерживая во второй пергамент и перо. Ноги то и дело соскальзывали с разохшегося дерева. Ягиня, все время поддерживающая его, сейчас старалась удержаться сама. Ёлька пыталась рассмотреть хоть что-то в сером потоке полотна, но на такой скорости даже Ткачу это было не под силу. Один Кевар стоял, будто громом пораженный и не обращал никакого внимания на происходящее.

Лестничник не отставал. То и дело в лестницу вонзались шипы. И каждый раз Вальтер не успевал порадоваться тому, что это не чье-то тело. Кое как подтянувшись, Вальтер решил оглянуться.

— Ёлька! Он догоняет! — парень не сразу понял, что сорвавшийся в воздух визг был его собственным голосом.

— Откуда он взялся? — закричала Настя. — Он же ушел!

— Видимо, решил вернуться, — Вальтер балансировал на лестнице, стараясь не

выронить перо с пергаментом.

— Он уже близко! — взвизгнула ягиня, с ужасом наблюдая за приближением хранителя.

— Еще быстрее! — тут же отдала приказ девушка. Но лестница, вопреки указаниям, начала замедляться.

— Что с ней? Почему она не слушается? — Настя с ужасом оглянулась, прикидывая, сколько ей осталось жить.

— Лестничник. Он перетягивает ее на себя. Он может, — отрывисто бросила Ёлька снова повторяя приказ.

— Кевар! Помоги! Я одна не справляюсь!

Но Кевар все также глядел в плотно перед собой, напрочь отключившись от окружающего мира.

— Кевар! — Ёлька попыталась дотронуться до брата, но чуть не свалилась с лестницы. А тот не обратил на нее никакого внимания.

Шипы свистели все чаще, и Вальтер не переставал удивляться, каким чудом этот сумасшедший хранитель до сих пор не попал ни в кого. Лестница замедлилась еще сильнее.

— Он сейчас нас всех сожрет! — заверещала Настя. Вальтер удивился настолько, что чуть сам не свалился с лестницы. Обычно бесстрашная ягиня паниковала. Это подействовало на парня, как ведро ледяной воды. Не придумав ничего лучше, он со всего размаху ткнул Кевара пером. Острый наконечник, привыкший к чужой крови, ловко отыскал в ближнем пространстве самое мягкое место и воткнулся в него под крик очнувшегося ткача.

— Кевар! Лестничник!

Дважды объяснять парню не пришлось. Под двойным натиском приказов, лестница двинулась быстрее. Сначала нехотя, но все больше разгоняясь.

Хранитель немного отстал. Визг, полный злобы и негодования больно ворвался в барабанные перепонки. Лестница неслась вперед, к краю полотна этого временного отрезка.

— Ёлька, а что будет, когда мы дойдем до края? — все еще срывающимся голосом поинтересовалась ягиня.

— За край!

Приказ Кевара послужил ответом. Лестница вздрогнула и, не снижая скорости, вошла в крутой поворот. Никто не успел произнести ни звука. Последнее, что услышал Вальтер — визг хранителя.

Но тут же все стихло. Звуки пропали, как будто кто-то накрыл их невидимым колпаком. Вальтер хотел было спросить, где они, но изо рта не вырвалось ни звука. Растерянный взгляд Насти и хмурые лица ткачей не предвещали ничего хорошего. Вальтер вопросительно глянул на Кевара, но тот лишь пожал плечами. Судя по всему, никто из них не знал, где они оказались и как отсюда выбираться.

— Что это было? — тяжело дыша, спросил Вальтер. — Это так положено, а?

— Откуда я знаю! — вспыхнула Ёлька. — Как будто я каждый день по архивам шатаюсь. Скажи спасибо, что Кевар когда-то отрыл старый свиток с ритуалом общения с хранителем архива. Иначе уже бы испепелил он нас своими глазницами.

— Или изрешетил дротиками, — подвела итог ягиня.

Между тем, лестница продолжала скользить вперед. Вокруг все также расстилалось полотно. Но здесь оно выглядело немного иначе. Грубее, темнее. Но даже не это насторожило Вальтера. Туман, взявшийся неизвестно откуда. Пока редкий и практически прозрачный, с каждым мгновением он становился все гуще и тяжелее.

Вальтер огляделся и снова попытался что-то сказать. И снова из горла не вырвалось ни единого звука.

Туман вокруг закручивался все сильнее. Наблюдая за вьющимися клубами, Вальтер не сразу понял, что они остановились. Проплывающая мимо молочная субстанция создавала иллюзию движения. Но лестница оставалась на месте.

Откуда-то спереди послышался тихий монотонный треск. Ёлька оглянулась в поисках источника звука. Проплывающий мимо туман как будто только этого и ждал. Клубы рассеялись, и Вальтер порадовался, что никто не услышит его голоса. Точнее — крика ужаса, рвущегося наружу.

Перед глазами расстилалось поле боя. Свинцовое небо грозно нависло над сотнями трупов. Люди, звери, нежить. Над мертвыми телами кружили вороны, приглядывая себе кусок получше для грядущего обеда. Земля вокруг почернела и разбухла, напившись пролившейся кровью. Вальтер не понял, в какой момент рука потянулась к пергаменту. Но не стал сопротивляться. Такого не было ни в одной из летописей.

Лестница двинулась вперед. Туда, где, судя по звону стали, все еще кипел бой. Люди побеждали. С огромными потерями, но побеждали. Полчища нежити остались лежать перебитыми на поле. А те, кому повезло чуть больше, сейчас отходили к лесу под натиском людей. Навьи дети огрызались, скалились, но терпели поражение. Чуть в стороне справа от главного сражения на поле сошлись двое. Вальтер прищурился, стараясь рассмотреть сражающихся. Первый — в потемневшей от крови кольчуге и шлеме с заметной вмятиной на боку. Щит его показался Вальтеру смутно знакомым. Летописец прищурился, сиюсь рассмотреть знаки, и услужливая память тут же подкинула недавно увиденную картинку — тот самый витязь, ушедший на поле боя из-за любимой.

Противник его ничем не отличался от человека. Такая же кольчуга и шлем, черный, абсолютно голый щит. Но Вальтер видел. И от увиденного мерзкие липкие мурашки страха бодро маршировали по спине. Он оглянулся на ягиню и увидел нескрываемый ужас во взгляде.

— Это же Вий, — прочитал парень по губам и кивнул.

В этот же миг лестница вздрогнула и картинка затуманилась. А когда туман рассеялся, Вальтер почувствовал, что оказался в родных подвалах Лицея. Не переставая писать, он огляделся по сторонам. Размеренный треск станков слышался все громче. Лестница двигалась вперед, пока они не оказались в одном из ткаческих залов. Вальтер затаил дыхание. До сего момента ни один летописец не мог похвастаться тем, что вживую видел станки.

Ёлька махнула куда-то вперед, привлекая внимание Кевара. Вальтер проследил за направлением и охнул. Из проема в потолке спускался столп мягкого золотистого света. Приближаясь к станкам, он распадался на тысячи нитей, которые подхватывали люди в темно-фиолетовых балахонах и бережно укладывали на многочисленные станки. Десятки ткачей сновали между станками, проверяя работу челноков, расправляя полотно, наблюдая за хитросплетениями судьбы. Над местом, за которым наблюдал ткач, прямо в воздухе всплывала картина происходящего. Этакая трансляция событий в режиме реального времени. Вальтер почувствовал легкое движение и картинка изменилась.

Поток нитей все также спускался с потолка, но сейчас все ткачи столпились над дальним станком. Над ним разворачивалась та самая битва, которую Вальтер с друзьями только что наблюдал воочию. Витязь сражался с сыном Чернобога, защищая мир от

пришествия Хаоса. Ткачи с напряженными лицами наблюдали за сражением.

Внезапный порыв ветра заставил собравшихся оглянуться. Высокая фигура, закутанная в черный балахон, двигалась прямо к станку. Лицо пришельца скрывала золотая полумаска. Рука, затянутая в черную перчатку, сжимала тонкий золотистый серп. Один из ткачей кинулся наперерез фигуре.

— Стой! Только не он! Ты же видишь, от него зависит исход битвы! Оставь его, молю!

Резким взмахом руки фигура пресекла словесный поток ткача.

— Проигранная битва не значит проигранная война. Судьба его пасть не от руки Вия. Его путь подошел к концу. И никто не вправе перечить Судьбе! Отойдите!

Ткач хотел было возразить, но заметил искры, пробегающие по тонкому лезвию серпа. Плотнo сжав губы, он поклонился и отошел в сторону.

Пришелец подошел к станку под тяжелыми взглядами собравшихся. Под монотонный треск станком и молчание ткачей серп взметнулся в воздух. Ловким движением острое лезвие подцепило нужную нить в хитросплетении десятка других.

— Я, третий Жнец Таарас, силой, данной мне Мареной и Судьбой, забираю твою жизнь. Полудницы отнесут твой колос к реке смерти, где ты уйдешь в лучший мир и обретешь покой. Твоя нить здесь окончена. Но то, что окончено здесь непременно начнется где-то.

Последние слова жнеца потонули в вое ветра, как и тихий стон оборвавшейся нити. Лестница медленно двинулась назад, но Вальтер успел рассмотреть, как витязь падает на поле боя с уже занесенным мечом. А в следующий миг полчища воспрявшей духом нежити сминают людей на своем пути и врываются в ближайшую деревню. В покосившуюся от времени хату, где маленький мальчик, сидя на печи, играет с деревянным серпом.

Картинка снова изменилась.

Морозный воздух ворвался в грудь и вцепился в легкие острыми коготками. Из рта вырвалось облачко пара. Вальтер почувствовал, как холод пробирается под одежду. Девочки обхватили себя руками, растирая плечи. Кевар с удивлением потрогал снег, лежащий вокруг. Лестницы не было. Сейчас они стояли возле огромного сугроба, который бесцеремонно привалился к высокой ели.

— Кто знает, куда нас закинуло? — поинтересовалась Настя, всматриваясь в темноту леса.

Вокруг расстилался густой зимний ельник. Ночное небо, усыпанное звездами, равнодушно взирало на пришельцев. Диск луны с печальным видом висел прямо над головой медногорцев, заливая все вокруг серебристым светом.

— Не знаю, куда нас закинуло, но сюда кто-то идет, — не забывая записывать происходящее, отозвался Вальтер.

И действительно, через несколько мгновений послышался скрип. Кто-то шел прямо на них.

— Прячемся! — прошептала Ёлька и кинулась за могучий ствол. Кевар бросился следом, на бегу высказывая все, что он думает о зиме, ночных ельниках и путешествиях в пространстве и времени.

— Настя, бежим! — Вальтер потянул девушку за собой.

— погоди! Если мы в реальном месте, нас выдадут следы!

Ягиня оглянулась в поисках чего-то. Махнула рукой, пробормотала извинения и отломил еловую ветку с ближайшего дерева.

— Следы заметаешь? — усмехнулся Вальтер. — Это, конечно, не фирменная метла, но

тоже неплохо.

Парень последовал примеру девушки и отломал вторую ветку. Заметая следы, они добрались до соседней ели и едва втиснулись под раскидистые нижние лапы.

— Вальтер! Ты мне ногу отдал! — возмущенно зашипел Кевар.

— Тише ты! — одернула брата Ёлька. — Смотрите!

Между просветами открывался отличный вид на то место, где они только что стояли. Из-за сугроба, тяжело дыша, появилась высокая фигура в плаще и полумаске. Лунный свет отражался от золотой поверхности и рассыпался по округе сотнями искр. Следом за ней появилась вторая — сгорбленная, хромающая.

Два человека прошли мимо и остановились буквально в паре шагов от скрывающихся медногорцев. Ёлька подалась вперед, всматриваясь в пришельцев. Настя вздрогнула и глубоко вдохнула морозный воздух. Ткнула Вальтера в бок и зажала себе нос и рот двумя руками.

Вальтер поглядел на девушку с недоумением, пытаясь понять, что та унюхала. Ягиня кивнула и пальцем ткнула на сгорбленную фигуру. Вальтер пригляделся. На белоснежной поверхности отчетливо прочертилась тонкая алая полоса. С каждым мгновением она становилась темнее и шире.

Хромой человек привалился к ели, откинул капюшон и сбросил с лица полумаску. Серое, иссушенное годами лицо не выражало ничего, кроме усталости. Седовласый старик никак не вязался с образом сурового безжалостного жнеца, отнимающего жизни невинных людей. Стоящая рядом фигура склонилась над стариком. Приглушенный маской голос был взволнован:

— Таарас! Ты ранен. И ты знаешь, что на этот раз Полудница уведет тебя. Ответь мне, сколько нас должно уйти прежде, чем мы, наконец, сможем ответить за всю боль, которую принесли нашему клану? Сколько еще самый сильный, самый могущественный клан будет жить, как волк, на которого ведут облаву? Сколько нам еще скрываться? Сколько прятать своих детей?

Фигура в маске присела рядом с раненым.

— Время пришло! Боги спят и не видят, что творят их дети. Мы остались беззащитны! До Ледяного Чертога не доходят вести. И оттуда ничего не слышно. Те безумцы, что решались дойти до него канули. И никто не знает, куда их завели нити. Пора, ты слышишь? Измени правила! Дай нам право вершить возмездие!

Старик хотел что-то ответить, но зашелся в приступе кашля. Серп в правой руке возник из ниоткуда. Алмазная рукоять и толстое золотое лезвие в свете луны сияли так ярко, что было больно смотреть. Трясущаяся рука силилась поднять его вверх, но ничего не выходило. Словно ноша вдруг стала неподъемной.

— Таарас! Не бросай Жнецов в такое трудное время! Правила стары, как и ты. И так же, как и ты, они утянут нас на дно!.. Разрешите нам преследование! Позволь выбирать сторону!

Старик снова закашлялся. Как только приступ прошел он засипел.

— Ирдис, ты не ведаешь, о чем просишь. Как только вы начнете выбирать сторону, равновесие нарушится. Мир покачнется и обернется к Хаосу! Я не могу этого допустить. Месть застелет вам глаза, и вы забудете, зачем явились в этот мир! Каждый начнет ставить личные обиды выше целей Судьбы. Боль станет вечной спутницей жнецов и от нее нигде не будет спасения.

— Ну и пусть! — фигура поднялась и сделала шаг назад. — Зато каждый будет знать,

какова сила Жнеца. Нас начнут уважать!

— Нас начнут бояться еще сильнее. Нас начнут ненавидеть, — возразил старик.

— Нас и так ненавидят! Каждый раз, ложась спать, я не знаю, встречу ли я новый рассвет. Или кто-то послал ищейку по моему следу и под покровом ночи она крадется, чтобы убить меня. Каждый раз, заходя в зал и срезая чью-то нить по велению Судьбы, я не знаю, вернусь ли я назад.

— Ты знаешь, кому суждено умереть — тот умрет. Кому должно жить, пройдет сквозь все препоны! — старик снова захлебнулся в приступе кашля.

— Это все сказки для начинающих. Всем известно, как лицемеры Ткачи научились управлять нитями. Ты сам видел, как они переплетают их, когда считают это нужным. Да, ты сейчас возразишь, что они никого не убивают и лишь сводят или разводят нужные нити. Но кто сказал, что они не пойдут дальше? Боги спят и некому вершить правосудие. Они совсем подчинили оборотней. Они подкупили писцов. Только мы остались негодным кланом. И попомни мое слово, они найдут способ, чтобы сломить и нас!

— Сейчас этот способ предлагаешь ты, Ирдис! — старик из последних сил повысил голос.

— Нет, Таарас. Я предлагаю путь к спасению!

Туман появился внезапно. Так же, как и лестница, на которой оказались все четверо. Мир качнулся и поплыл вперед. Яркие пятна событий проносились по сторонам. Но на такой скорости их невозможно было разглядеть.

Вальтер стремительно записывал все, что ему довелось увидеть. Остальные то и дело вскрикивали, сталкиваясь в полумраке лицом к лицу с событиями прошлого. Впереди забрезжил слабый свет. Туман в той части был гуще, а звуки тише.

— Нам еще что-то хотят показать, — Ёлька сжала лестничную ступеньку обеими руками. — Идем туда!

Не то, чтобы девушка рассчитывала на успех своей затеи, но лестница послушалась. Замедлила ход и плавно въехало в молочное облако.

Это было пшеничное поле. Подобно тому, на котором недавно проходил бой. Такое же тяжелое небо, практически навалившееся на колосья. Ревущий ветер, стремящийся сорвать пшеницу с земли. И две фигуры на горизонте.

— Туда, — скомандовала девушка. Но ее голоса никто не услышал. Все посторонние звуки снова пропали. Но лестница послушно заскользила к линии горизонта.

Фигуры приближались. Вальтер разглядел уже знакомую полумаску Жнеца. И маленькую девочку с двумя русыми косами. По бледным щекам струились слезы. А в синих глазах застыл страх. Ребенок был сильно напуган.

Жнец стоял на коленях и что-то шептал, воздев руки с серпом к самому небу. Внезапно ветер стих, и Вальтер смог расслышать слова:

— Нарекаю тебя братом Сигнусом. Вручаю тебе золотой серп. Храни его, береги и держи твердо и верно. Отныне ты до скончания нити твоей Жнец. Марена-сестра возьмет тебя за руку и поведет по нитям. Да будет поступь твоя тиха. А серп остер. Да не дрогнет твоя рука там, где должно. Да не поднимется она там, где пусто.

Грянул гром. Небо расколосось, выпуская на землю снопы молний. Одна из них протянулась прямо к серпу. Искры пробежали по лезвию, принимая в себя небесный луч.

— Да будет так, — глотая слезы, ответила девушка.

Опустившись на колени, она склонила голову перед Жнецом. Костлявая рука

потянулась к правой косе девушки. Серп, с пробегающими искрами, подрагивал во второй руке Жнеца. Старик посмотрел на тонкое лезвие и одним движением срезал косу. В следующий миг он проделал то же самое со второй косой.

Волосы упали в колосья и тут же вспыхнули все тем же небесным огнем.

— Ты знаешь, что должна сделать, — прохрипел старик. Новый приступ кашля согнул его вдвое. Серп выпал из дрожащих рук и девушка тут же подняла его. По иссохшим, потрескавшимся губам потекла струйка непривычно темной крови.

Девушка поднялась с колен, сжимая в дрожащих руках искрящийся серп. В маленькой, почти детской ладошке он казался несоизмеримо большим и неуклюжим.

— Ирдис Жнец, — детский голос срывался. Порывы ветра подхватывали и уносили его к небесам. — Ты нарушил Слово, заветное сестрой нашей Мареной. Ты обратил Жнецов в ручных хорьков, забыв о своих истоках. Ты уничтожил наш клан. Укрепил Ткачей. Поощрил Обратней. Распустил Писцов. Ты развернул этот мир в сторону Хаоса. И ты понесешь за это наказание. Твою нить заберут Полудницы, сплетут из нее куклу и посадят стражем на берегу Смородины. Денно и ночью ты будешь сидеть там, видеть изнанку и не знать покоя. И будет так до тех пор, пока клан наш не возродится. И лишь когда явится новый Жнец, способный собрать всех, кто останется в единое полотно, лишь тогда ты восстанешь, чтобы обрести вечный покой!

Последнее слово утонуло в реющем ветре. Раскаты грома и всполохи молний слились в единое, реющее пламя. Небеса разверзлись. И сквозь рваные раны с туч на землю медленно ступали белые девы — Полудницы. Невесомые, они как росчерки пламени выделялись на фоне темнеющего небосвода.

— Вы не должны это видеть, — над головами медногорцев раздался мягкий голос, и чья-то тень закрыла картину происходящего.

Лестница сорвалась с места. Никто не успел среагировать. Вой ветра все еще стоял в ушах, смешавшись с радостным криком Ратора.

Глава 24. Возрождение

— Ну наконец-то! — оборотень кинулся к Ёлке, едва не сбив с ног Кевара. — Сколько можно вас ждать! Я уже все ноги отсидел!

Ратор постарался напустить на себя небрежно-равнодушный вид. Данара и Саня подскочили вслед за оборотнем и поспешили к друзьям.

— Ага, отсидел. Каждые пять минут подскакивал и на дверь глядел, — сдал друга Саня Вальтеру и Насте. — Все порывался за Ёлкой вслед отправиться. Если бы не Данара, уже бы с вами был.

Вальтер усмехнулся, потирая ноющее после летописания плечо. Но не удивился. Наблюдательный Кармин давно заметил не совсем дружеский интерес оборотня к девушке. Который обострился от пережитых волнений.

— Ну как все прошло? Нашли что-нибудь? — взволнованно спросила Данара.

— Ага, — кивнул Кевар. — Да столько нашли, что теперь не знаем, как унести и упомнить.

Ткач хотел было еще что-то добавить, но замер на полуслове.

Настя и Вальтер, как в замедленной съемке обернулись на Ткачей.

— Помнить, — прошептала ягиня.

— Эй, вы чего? — напрягся Ратор, с недоумением глядя на замерших путешественников.

— Мы помним, — тихо отозвалась Ёлка.

— Кого? — Ратор снизил голос до шепота и даже наклонился к девушке.

— Жнецов. Ирдиса. И Таараса. И Витязя, и Вия, — принялась перечислять девушка доставая из памяти картины изнанки.

— А-а-а, — протянул Ратор, пытаясь придать лицу умный вид.

— Так, стоп! Я ничего не понимаю! Вы что-то увидели? Ну конечно, и ежу понятно, что увидели. Вопрос в другом, что именно вы увидели, что вас так поразило? — затараторила Данара.

— Ох, ты не понимаешь! Мы запомнили все, что видели на изнанке! — воскликнула Настя. — Но... я не помню, как мы там оказались.

Вальтер присел и распрямил кусок пергамента, зажатый в кулаке.

— На нас напал Лестничник. Хранитель архива. Он хотел нас убить, и мы убежали!

— Убить? Я же говорил, что мы должны были идти с вами! — тут же взвился оборотень.

— Ратор, перестань, мы живы и мы помним, что увидели, — Ёлка мягко дотронулась до плеча оборотня. — И это невероятно, потому что Лестничник обещал, что мы забудем все, что увидим в архиве!

Данара нахмурилась.

— Что за бред? Зачем тогда спускаться в архив, если после выхода ты забудешь все, что там нарыл?

Саня активно кивал, соглашаясь с девушкой. Вальтер покрутил в руках обрывок пергамента, бегло читая свои записи. Как ему это удавалось — никто не знал, и знать не хотел. По крайней мере, сейчас. Все устали от этой ночной прогулки. Кевар широко зевнул и потер слипающиеся глаза.

— Я уаю эо я эоаои, — протянул Ткач и тут же спохватился. — Я думаю, это для безопасности.

— А я думаю, это для сокрытия того, чего знать никому не нужно, — возразил Вальтер. — Мне еще долго расшифровывать летопись, но одно я могу сказать точно. На изнанке мы увидели то, чего не было на лицевой стороне полотна. Уж не знаю, чья это заслуга — ткачей ли, или сама Судьба так распорядилась.

— Ты на что это намекаешь? Что кто-то из Ткачей задумал обмануть Судьбу? — вскинулся Ратор, вставая на защиту чести всех Ткачей в общем и Ёльки в частности.

— Я не намекаю! — холодно ответил Вальтер. — Я говорю о том, что видел и что записал!

— Записал он! — фыркнул Ратор. — Ты давно это писцом стал? Небось, летопись не одну достоверную написал, что теперь экспертом тут рассуждаешь?

— Поболее тебя будет, — Настя встала на защиту летописца. От холодности ее голоса по полу побежали веточки инея.

— Ой, Дед сбереги, да сохрани, — неизвестно откуда раздались знакомые причитания домового. — Что ж за жизнь-то. Как не явлюсь, так на ягиню нарвусь!

Все, как по команде обернулись на источник шума. Потеряшка жался к стене, дергая себя за седые космы.

— А ты что тут делаешь, дурья твоя голова? — начала ягиня, но Данара не дала ей договорить.

— Вообще-то он вашего олуха нашел! Вон, как громко думает.

— Какого олуха? — не понял Вальтер.

— Васнецова, конечно же! Разве в этом лицее есть второй такой? — закатила глаза младшая Верона.

— Подожди, подожди! — Ёлька обошла Ратора и присела рядом с Потеряшкой.

— Это что, правда? Ты нашел его? Он... Он жив?

Четверка путешественников затаила дыхание.

— Да что с ним сделается! Дуракам всегда везет! — ответил за домового Ратор.

— Так чего же мы сидим? Веди нас к нему! — воскликнула Ёлька, подсакивая. — Скорее!

— Эй! А ничего, что до подъема всего час остался? — Ратор скрестил руки на груди и встал прямо перед Ёлкой, преграждая той путь.

— Ну, Ратор, ну это же наш Денис, — начала было Ёлька, но оборотень резко оборвал её.

— Никакой он не наш! Ваш! А, может быть, и вовсе — твой! Но явно не мой! По мне сгинь он вместе с Морфеем, всем бы легче стало! Одни проблемы от него! Кто он вообще такой? Почему ты рискуешь собственной жизнью ради какого-то человека?

Злые слова вспарывали воздух, заставляя Ёльку отступать за шагом шаг к стене.

— Ты подумала, что бы стало со мной, случись что с тобой в подземельях? Нет, конечно. Я же всегда буду рядом, чтобы ты ни решила. Клановая верность, все дела. Зачем считаться с моим мнением, да? То ли дело таинственный Васнецов. Вот ради него можно весь мир перевернуть! Сунуться в пасть к Нави, а потом как ни в чем не бывало пойти на уроки! И даже не спросить, что мы тут чувствовали, гадая, вернетесь вы назад или нет!

Все молчали, не решаясь прервать оборотня. Никто не ожидал от него такого всплеска. Даже Данара с удивлением и недоумением глядела на брата.

— Ратор, да что стобой? — первым опомнился Вальтер. — Переволновался? Пойди, проветри голову. Заодно Вероне расскажешь милую байку о том, как мы все дружно проспали. А мы пока быстренько сбегает за Васнецовым, чтобы ты ему лично высказал все свои претензии. Где, говоришь, он застрял?

Летописец поглядел на Потеряшку.

— Вполозовых пещерах, — невнятно пробормотал перепуганный домовый.

— Где? — сразу несколько голосов еще сильнее напугали старичка.

— В ПОЛОЗОВЫХ ПЕЩЕРАХ! НА ВЫХОДЕ К ЧЕРНООЗЕРУ! — гаркнул домовый.

— И вы думаете, я вас туда одних отпущу? — зарычал Ратор и прошел мимо Ёльки вперед по коридору.

— Веди, давай! — бросил он через плечо домовому.

Тот со всех ног кинулся вперед, стараясь оказаться подальше от ягини.

Книга не хотела раскрываться. Денис это понял, как только коснулся потертого переплета. Сколько он ни перелистывал страницы в поисках нужного мифа, каждый раз мир оставался неподвижным. Вздохнув, он решил просто почитать мифы и легенды старого города. Именно за этим занятием его застал пробудившийся Андрей.

— Я так и знал, что она у тебя! — довольный собственной догадливостью заявил навий. — Книга Велеса, в смысле.

— Ммм... — не отрываясь от чтения, протянул Денис. — И как же ты догадался, Шерлок?

— Во-первых, по отсветам, — Андрей порадовался тому, что может блеснуть своей железной логикой. — На тебе чувствовался ее след. Едва уловимый, но все же был, да. Наверное, давно в нее не заглядывал, да?

Дождавшись рассеянного кивка, Андрей продолжил.

— Во-вторых, я почувствовал ее появление поблизости. А раз оборотни не закатили знатную тусовку в честь возвращения реликвии, а ткачам или писцам она никогда не явится, вывод напрашивался очевидный.

— То есть ты был абсолютно уверен в том, кто я такой? — Денис все же закрыл книгу и посмотрел на собеседника.

— В этом был уверен отец, — просто ответил Полозов.

Денис усмехнулся.

— А почему оборотни должны были устроить тусовку? — поинтересовался он после недолгой паузы.

— Ну как же, это же их клановая реликвия. Велес дал эту книгу первым оборотням, чтобы они могли мудрость его черпать, когда потребуется. Но потом что-то пошло не так и книга попросту исчезла. И последнюю тысячу лет ее никто не видел. Лишь изредка навии улавливали ее след, но он тут же растворялся.

Андрей подошел поближе и присел, разглядывая артефакт с вежливым интересом.

— И никто не пытался ее найти? — удивился Денис.

— Люди пытались. Но найти ее очень трудно. Она же может быть любой книгой. Хоть курсом квантовой физики, хоть любовным романом. Ее еще разглядеть надо. А это далеко не каждому дано.

— А навии?

— А навиям она не нужна. Мы мудрость Велеса можем познавать в первоисточнике — природе, творчестве, движении. Мы все дети его, оттого ближе к Лесу, чем к людям. А вы все же другие. Были и будете. Вот вам и нужны помощники, чтобы иную сторону мира толковать.

— Поэтому Потеряшка никому не рассказал о книге, хотя сам видел ее несколько раз и знал, что она у меня? — Денис пытался понять психологию навьих детей.

— Думаю, да, — кивнул Андрей. — Видишь ли, главный принцип спокойного сосуществования — никогда не вмешиваться в дела ближнего своего. У каждого своя Судьба, ты же знаешь. А навьи дети верят в Нее во сто крат сильнее, чем люди. Поэтому и стараются не лезть туда, куда их не звали. Иначе прилететь в ответ может столько, что и не унесешь.

Денис нахмурился, обдумывая слова навия.

— А как же помощь?

— Помогать можно. Когда тебя об этом просят.

— Что-то я не помню, чтобы просил о помощи на озере! — проворчал Денис.

Андрей искренне удивился:

— Правда? А мне показалось, что я слышал крики о помощи, гуляя в горах неподалеку. Наверное, эхо расшалилось.

— А в классе? — не уступал Васнецов.

— Ну, прости, — развел руками навий. — Не знал, что мертвое состояние тебе больше по душе. В следующий раз обязательно учту.

— Нет уж, считай, это такая вот просьба на все времена. На будущее.

Денис протянул навию руку. Тот внимательно посмотрел в глаза Дениса.

— Я услышал тебя, Жнец. Пусть это будет взаимно! — два янтарных глаза полыхнули в полумраке подземелья, когда холодная рука навия коснулась горячей ладони Жнеца.

— Будет! — ответил Денис.

В воздухе вспыхнула и тут же погасла вспышка молнии, и откуда-то издалека тихим эхом долетел раскат грома.

Но торопливый топот шагов тут же заглушил его.

— Либо к нам гости, либо надо валить отсюда! — изрек Васнецов, вглядываясь вперед.

— Ой-ой, да шевелитесь вы скорее! Старшой увидит на подъеме, что меня нет, век на горохе стоять буду!

Знакомый голос домового развеял повисшую в воздухе напряженность. Денис выдохнул и улыбнулся впервые за эту нескончаемую ночь.

— Это наши, все спокойно!

— Ты так в этом уверен? — а вот в голосе Полозова напряженности добавилось.

— Послушай, — Денис устало привалился к стене. — Мы уже это обсуждали. Я доверяю им.

— А они тебе?

Вопрос буквально повис в воздухе. Денис хотел было ответить, что подозрения не приносят ничего, кроме расшатанной нервной системы, но не успел.

Из-за поворота выбежала толпа медногорцев.

— Васнецов! — радостный вскрик Ёльки еще долго эхом блуждал по переходам подземелья.

Девушка кинулась навстречу, и Денис на мгновение представил, как сейчас поймает ее

в свои объятья. Но в последний момент что-то пошло не так. Ёлька остановилась буквально в шаге от него и замерла, внимательно вглядываясь в его лицо. Было что-то в этом взгляде, что заставило Дениса застыть на месте. Помимо тревоги и беспокойства что-то еще проскальзывало в серых добрых глазах.

— Это ты?.. — прошептала девушка и Денис понял. В глазах Ёльки затаился страх.

— А ты кого ждала увидеть? — чуть грубее, чем следовало, ответил Денис.

— Думаю, страшного Жнеца. Безжалостного. Беспощадного. Губящего все, что попадется ему на пути, ведь так?

Из темноты пещеры вышел Андрей. В холодном взгляде отчетливо сквозило презрение к пришедшим.

— Так ведь уже было в истории, правда? Всемогущие ткачи однажды решили изменить ход Судьбы, переплести нити и собрать всю власть у своих станков. Геро подчинились беспрекословно. У них щенячья верность была воспитана десятками поколений. С Карминами пришлось помучиться, но пожар в священной библиотеке дал ясно понять, что не стоит шутить с ткачами. И лишь одна помеха не давала вам упиваться своей властью. Гордые, неподкупные Жнецы. Клан, который с самого рождения шел слишком близко со Смертью, чтобы поддаваться таким слабостям, как богатство и власть. Они, как никто, знали цену всей этой мишуре. Они, как никто, понимали, что в тот миг, когда серп касается нити, все становятся равны. И короли, и боги, и простые люди. Но ткачам этого было не объяснить. Они сами возомнили себя богами и решили, пока создатели спят, обуздать Судьбу. Подчинить ту, что их породила.

— Ты что это такое несешь, а? — Ратор зарычал и кинулся вперед.

Денис не понял, как оказался между навием и оборотнем. За миг до столкновения он просто кинулся вперед, выставляя перед собой книгу для защиты от тяжелого кулака Ратора. Все произошло практически мгновенно — так, что никто не успел толком осознать, что именно случилось. Мощный кулак с размаху врезался в старый переплет, отчего тот треснул с характерным хрустом. Окружающий мир затаился на несколько ударов сердца. По потертому переплету пробежала тонкая рябь, оставляя после себя паутинку трещин. В следующий миг книга полыхнула радужным сиянием, открывая миру свою истинную суть. По подземелью прокатился древний рокот — отголоски первобытной силы. Казалось, будто верхний мир приоткрыл дверь в настоящее. А потом все снова затихло.

— Это... — Ратор отшатнулся, не веря своим глазам.

— Это книга Велеса! — не своим голосом пропищала Данара.

— Откуда она у тебя? — Ратор переводил недоумевающий взгляд с книги на Дениса и обратно.

— Нашел, — честно ответил тот, пожимая плечами. — Точнее, она меня нашла.

— И давно она у тебя? — все еще пребывая в состоянии шока спросил оборотень.

— Да с самого первого дня!

— С са-мого п-первого... — эхом повторила Данара и развернулась к Ратору. — Уже несколько месяцев книга Велеса лежит у тебя под носом, а ты даже не... не... Ну ты и тупица, Ратор!

Данара кинулась вперед, стараясь выхватить реликвию из рук Дениса, но тот проворно отскочил в сторону.

— Эй! Ты что творишь?

— Отдай! Книга принадлежит нашему клану! Ты недостойн ее даже касаться! Не говоря

уже о чтении!

— Что ж, я тебя расстрою, причем дважды. Во-первых, я не собираюсь ее тебе отдавать. А во-вторых, я ее неоднократно читал!

На последних словах Данара зашипела и зверем кинулась вперед. Мощным ударом передних лап она сбила Дениса с ног и прижала к полу. Вальтер вскрикнул, Настя бросилась вперед, пытаясь оттащить взбесившегося оборотня. Но ее перехватил Ратор, отбрасывая в сторону.

— Никто не пройдет! Это наше дело! — в глазах оборотня светились зеленые огоньки изнанки.

— Вы с ума сошли! Это же Васнецов! Это наш одноклассник! Вы что творите, а? — Ёлька попыталась обойти Ратора, но он также отбросил ее в сторону.

— Я предупредил! Это наша книга! И мы вернем ее, чего бы нам это не стоило!

— Вы ее упус-с-тили! Проворонили, когда предали с-своего соз-з-дателя! — вкрадчивый, шипящий голос Полозова гипнотизировал. — Вы с-сами отказ-залис-сь от этих з-знаний, когда поддалис-сь на уговоры ткачей!

— Бред! — крикнул Ратор. — Ты врешь!

— Тогда почему же книга не явилас-сь вам за с-столько лет? Ни одному из вас-с-с она не открылас-сь! Потому что ни один из вас-с-с не был дос-с-тоин этого!

— Он прав, Ратор! — подал голос Вальтер. — Если бы дар Велеса предназначался и дальше вашему клану, вы бы давно нашли его! Но этого не случилось. Хотите вы того или нет, но это так. Это воля богов и не вам ее оспаривать!

Ратор зарычал в ответ, не желая признавать чью-то правоту.

Денис тем временем медленно приходил в себя. От резкого удара головой о каменный пол он на несколько мгновений отключился. Но книгу из рук не выпустил Первое, что он увидел перед собой, как только перед глазами перестали мерцать яркие звезды — оскаленная пасть, явно не настроенная на долгие беседы.

— Отдай мне книгу! — прорычал зверь.

— Ага, уже бегу, — морщась от боли, ответил Денис.

— Я убью тебя! Но заберу книгу!

— Слушай, хватит меня запугивать. Вообще не впечатляет! — Денис попытался подняться, но мощные лапы крепко придавили его к полу.

— Данара, ты начинаешь действовать на нервы! — Денис вздохнул, отворачиваясь от раскрытой пасти. — Вот правда, хватит уже этот показательный цирк устраивать.

Зверь сильнее зарычал, и Денис почувствовал, как замедляется время. Оскаленная пасть склоняется все ниже и ниже к горлу. Сердце зверя начинает биться быстрее — в нем воедино сливаются злость и страх. Несколько мгновений они борются между собой, но злость побеждает. И зверь решается. Но Денис сильнее. Он видит все на два удара сердца вперед. И к тому моменту, когда зверь почти касается горла, в руке появляется серп.

Золотистая вспышка заставила оборотня отшатнуться. Денис воспользовался моментом и подскочил. Тонкое лезвие в правой руке рвалось вперед на защиту своего хозяина. Денис поддался этому желанию. Рука как будто сама вскинулась вверх, выбирая из сотен нитей, пронизывающих пространство одну единственную. Ту, что несла в себе опасность. Денис прищурился, разглядывая оборотническую нить. Она была иной. Не такой скрученной, как у ткачей. Она была толще, значительно толще. Иногда казалось, что кто-то по ошибке соединил две нити в неразрывное целое. Но Денис знал, что никакой ошибки не было.

Мудрый Велес когда-то решил соединить воедино человеческий и звериный дух, и явились миру оборотни. Те, что предали своего отца и забыли, кто же они.

Как только острое лезвие прикоснулось к золотистой нити, Данара заскулила, чувствуя неотвратимое приближение смерти.

— Чувствуешь это, да? — тихим голосом поинтересовался Денис, наступая. — Я вижу, что чувствуешь. И понимаешь, верно? И знаешь, что будет, когда я потяну этот серп на себя. Нить лопнет и исчезнет, как будто ее и не было никогда.

— Денис, что ты делаешь? — первой опомнилась Ёлька.

— Защищает то, что принадлежит ему, — ответил Полозов. — Не вмешивайся, это его и только его дело!

Ёлька перевела испуганный взгляд на Васнецова, который теперь казался ей совсем чужим. И опасным. От него так и веяло смертью.

— Денис! Оставь ее! — подал голос Вальтер. — Мы были на изнанке полотна, мы видели, что стало с твоим кланом. И мы знаем, кто в этом виноват.

Денис медленно развернулся, не выпуская нить с лезвия.

— Виноват? А никто в этом не виноват. Это Судьба. Она стерла мой клан с лица земли. И сейчас она же его возвращает назад. И никто, слышите, никто не сможет этому помешать!

В голосе Дениса слышалась уверенность, подкрепленная тысячелетней мудростью предков, которая открылась ему в антрацитовый комнате. Он знал, что встал на правильный путь. И знал, что не свернет с него, даже если это грозит ему новым одиночеством.

— Отпусти ее! — Ратор кинулся вперед, пытаясь сбить Дениса с ног. Но тот снова оказался быстрее. Незаметное движение рукой и вторая нить оказалась на лезвии.

Оборотень захрипел, чувствуя, как дыхание смерти касается левой щеки.

— Наверное, ты и правда не очень умный, — покачал головой Денис. — Для тех, кто не понял, я повторяю. Я избрал свой путь и принял свою судьбу. И никто из вас не сможет мне помешать. Я буду идти вперед, срезать нити и танцевать с полудницами. Я буду служить судьбе, несмотря на боль и горечь, которые станут моими верными спутницами до окончания моей нити. А когда придет час, уйду со своими навьими сестрами к истоку Смородины. Поэтому лучше сразу смириться с тем, что отныне в мире все будет немного по-другому. Примите этот факт и живите дальше, радуясь каждому новому дню. А я постараюсь не действовать вам на нервы своим мрачным видом и блестящим серпом. Ну и книгу, конечно же, я не отдам. Захочет — сама вернется.

Денис опустил руку с серпом, освобождая оборотней. Ратор мешком повалился на колени, растирая горло. Данара, приняв человеческий вид, прижалась к стене, с ужасом взирая на Дениса.

— Ой, вот только не надо на меня как на Чудо-Юдо смотреть! Несколько минут назад ты сама была готова меня убить, — с укором заметил Васнецов.

Младшая Верона ничего на это не ответила. Собственно, как и остальные. В воздухе расплзалась напряженная тишина. И никто не решался ее нарушить.

— Видимо, больше сказать друг другу нечего, — подвел итог Денис, разворачиваясь к выходу.

— Погоди, — Вальтер шагнул вперед. — Куда ты собрался? Назад в полозовы пещеры? Или, может быть, решил остаться жить в подземельях Ладогора?

Денис замер, пытаясь подобрать ответ. Над этой стороной своей дальнейшей жизни он подумать не успел. А Вальтер, словно читая мысли, продолжил.

— Если ты один, ты слаб. Даже несмотря на всю твою силу, дарованную судьбой. На тебя уже покушались. И я думаю, что это только начало.

— Как-нибудь разберусь, — бросил в ответ Денис.

— Лучше бы без как-нибудь, — усмехнулся Вальтер.

— Слушай, наш самый умный староста, что ты мне предлагаешь? Я не собираюсь кидаться грудью на амбразуру. Но и скрываться всю жизнь я не намерен. Я никогда раньше не сталкивался с подобным и да, у меня пока что нет четкого плана. Но я что-нибудь придумаю. И уверен, что найду способ вернуть свой клан к жизни.

— Самый умный староста предлагает тебе помощь и поддержку! — Вальтер подошел вплотную к Денису и заглянул ему в глаза. — Я видел, как все это началось. И я видел, чем все это может закончиться. Ты нужен этому миру. Грядут страшные времена, и никто не знает, что столкнет этот мир в пропасть.

— Тьма шевелится, — к Вальтеру подошла Настя. — Еще не явно, но уже ощутимо. Как будто она осмелела. И с каждым годом она смелеет все больше и больше. Если ты готов взвалить на себя эту ношу, мы пойдем с тобой.

Денис оглядел всех собравшихся. Ткачи стояли в стороне, поддерживая оборотней. Те глядели на Дениса с нескрываемой злобой, замешанной на страхе и зависти. А рядом с ним стоял летописец и навьи дети, которые всегда видели и понимали больше простых людей. Пусть и наделенных сверхспособностями, но все же людей.

Денис глянул на Полозова.

— Я с самого начала был рядом, — развел руками тот.

— Я, кстати, тоже! — подал голос Саня, и Денис удивился, только сейчас заметив друга. — Уж не знаю, кто ты теперь, но физику ты решаешь неплохо. А мне с тобой сидеть за партой еще три года.

— А я так-то тоже с тобой всегда бы, мил человек. Читать учил там, книжки таскал туда-сюда, — не боясь умереть от скромности, заявил домовой.

Денис усмехнулся.

— Это точно. Так научил читать, что век теперь помнить буду.

— Во-о-от, — протянул домовой. — Память — это главное. Все проблемы от забывчивости нашей идут, точно вам говорю!

— Пойдем, — Вальтер кивнул в сторону медногорского хода. — А завтра Настя покажет всем, что мы увидели в архивах. И тогда уже решим, куда нам двигаться дальше.

Денис помедлил, не решаясь довериться людям. Когда-то его клан пострадал именно из-за излишней доверчивости. Но сейчас... Был ли у него выбор? Или Судьбой все было predetermined заранее? Никто не мог знать этого наверняка. Riskнув, можно было потерять все. Но, не riskнув — так и прожить всю жизнь в темноте неведения. А неведение претило всему существу Дениса. Несколько мгновений постояв, он все же шагнул вперед.

Вальтер кивнул, принимая его выбор. Следом, не отставая ни на шаг, двинулся Полозов. Саня и Настя чуть отстали, прощаясь с Потеряшкой, который торопился в общину. Лишь ткачи с оборотнями остались на месте, не решаясь принять новый поворот судьбы.

— Он повернет этот мир к закату! — зарычал Ратор вслед уходящей компании.

— Я не чувствую в нем тьмы! — возразила Ёлька, печальным взглядом провожая Дениса.

— Я тебе больше скажу, в нем нет тьмы, — поправил сестру Кевар. — А нам предстоит самое тяжелое — признать, что кто-то из наших крупно накосячил. И по всей вероятности

один из этих «кого-то» наш любимый дядюшка Витор.

— Если это так, Денису нельзя возвращаться в лицей! — Ёлька повернулась в сторону коридора. — Кто-то должен исправлять ошибки предков.

— Он же убийца! Вы кого спасать собрались? — возмутился Ратор, все еще чувствуя леденящее дыхание смерти на щеке.

— Мир, конечно же, — невозмутимо отозвался Кевар. — Ибо когда он качнется, я хочу быть на более устойчивой стороне. Вы с нами?

Оборотни молчали, не желая принимать правоту ткачей. Те постояли несколько мгновений в надежде, что Геро передумают. Но, так и не дождавшись благосклонности, ушли, скрываясь в густом полумраке подземелий.

— Я не верю ему! — Ратор с размаха всадил кулак в стену, отчего из той посыпалась каменная крошка.

— Я тоже, — согласилась Данара, слушая, как эхо подхватывает шаги уходящих ткачей.

— Он украл нашу книгу, чуть не убил нас с тобой, до последнего скрывал свою сущность и три месяца действовал мне на нервы! Как же я хочу, чтобы он исчез, и все стало, как раньше. С его появлением проблем становится все больше!

— Я тебя понимаю, брат. Мне он тоже не нравится, но пока что мы связаны по рукам. Ты же видишь, все приняли его сторону. Даже ткачи отказались от клановой верности ради его сказок, — Данара говорила тихо, но в голосе звенела едва сдерживаемая злость.

— Но так будет не всегда. Когда-нибудь он оступится. Он совершит ошибку. И мы будем рядом, чтобы показать всем, как сильно они ошибались. И тогда, когда все признают это и познают его истинное лицо, мы заберем Книгу и навсегда избавимся от него!

— Да будет так, — Ратор сжал руку сестры, прикрывая глаза.

Когда-нибудь, Жнец непременно совершит ошибку. И они будут рядом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net